

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

ВРЕМЕНИ НЕТ
НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ
ИГРА С НОВ
ЗА ГОРИЗОНТОМ СОБЫТИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Литрес

18+

АЛЕКСЕЙ БРУСНИЦЫН

Алексей Брусницын

Приключения

Буратино. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339438

SelfPub; 2024

Аннотация

В настоящий сборник входят три книги тетралогии «Приключения Буратино»: «Времени нет», «Новейший Завет» и «Игра снов». Четвёртая, заключительная, книга серии «За горизонтом событий» находится в процессе написания (с ней можно ознакомиться в разделе «Черновики»). По окончании она будет добавлена в сборник, и читатели, которые приобрели его ранее, смогут скачать её бесплатно. Героем, объединяющим эти, во всем остальном, самостоятельные книги, является биоэлектронная модель искусственного интеллекта «Буратино». На протяжении разных исторических промежутков от недавнего советского прошлого до отдаленного будущего ИИ обучается и эволюционирует, постигает премудрости любви и ненависти, всецело подчиняя свое существование одному делу – служению человечеству. Однако выводы и поступки ИИ не всегда следуют человеческой логике.

Содержание

ВРЕМЕНИ НЕТ	4
PROLOG	5
I.	25
1.	43
II.	50
III.	65
2.	78
IV.	83
V.	99
3.	110
VI.	117
VII.	127
4.	136
VIII.	144
IX.	158
5.	171
X.	180
6.	192
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Алексей Брусницын

Приключения

Буратино. Сборник

Уснуť... и видеть сны?

У. Шекспир «Гамлет»

ВРЕМЕНИ НЕТ

ЕPIGRAF

Вот так и живем... Сначала кажется, что не зря, что вот-вот пойдем зачем. А потом, когда выясняется, что все-таки незачем, тогда-то и начинается самое интересное!

PROLOG

Насколько все-таки несоизмеримы одинаковые отрезки времени, проживаемые в разных условиях! Например, последний год тюремного заключения и последний год жизни по медицинскому прогнозу. В первом случае этот срок представляется ужасно долгим, а во втором – ничтожно малым. Однако ожидание свободы гораздо веселее ожидания смерти, а строгий режим куда мягче постельного.

По мнению специалистов, Антону Сергеевичу осталось жить меньше года, и его последние дни неизбежно будут омрачены всеми «прелестями» конечной стадии развития рака головного мозга: боль, тошнота, потеря памяти, помрачение сознания, могут еще добавиться эпилепсия и паралич... а потом снова боль.

– Я готов на операцию, даже если ее успех будет маловероятен, – лепетал он в кабинете заведующего онкологическим отделением.

– Опухоль у вас, к моему глубокому сожалению, неоперабельная, – плохо изобразил сожаление доктор. – Если мы ее удалим, станете овощем. Но для этого надо еще после операции выжить, что у вас вряд ли получится. Сейчас ведь с вами все хорошо, не так ли?

Больной кивнул неуверенно.

– Вот и наслаждайтесь светлыми деньками. Гаудеамус, так

сказать, игитур... Ювенес... – доктор хотел было продолжить, но осознав неуместность дальнейшего цитирования¹, остановился и быстро взглянул на пациента. – Вы, кажется, ученый? Помните, как там дальше?

Больной удивленно поднял брови.

– Доктор, я вообще-то математик по образованию. У нас латынь не нужна. Разве что буквы...

– Да и в медицине, впрочем, тоже. Атавизм... Так вот. Никто не знает, сколько их еще будет, этих ваших светлых дней. Может, месяц, а может, и полгода. Зачем вам в больнице торчать? Милейший... – доктор бросил взгляд на бумаги перед собой, – Антон Сергеевич. Помните «Достучаться до небес»? Потом еще этот фильм... с Николсоном... – он пощелкал пальцами. – «Пока не сыграл в ящик»! Не видели? Посмотрите. Некоторые умудряются прожить эти последние месяцы более насыщенно и интересно, чем все предыдущие годы. В общем, гуляйте побольше, дышите свежим воздухом. Винца можете в разумных пределах выпить... А когда заболит, вернетесь к нам, и мы облегчим ваши страдания. Сейчас наша задача уже не вылечить вас, это невозможно, а сделать максимально комфортным процесс м-м-м... – он замялся, подбирая слово, но передумал и выразительно посмотрел на часы.

¹ В переводе первая строфа студенческого гимна «Гаудеамус» звучит так: Давайте же радоваться, Пока мы молоды! После веселой молодости, После тягостной старости К нам придет смерть. (Здесь и далее примечания автора.)

– Неужели ничего нельзя сделать? – больной в отчаянии всплеснул руками. – Может быть, какие-то новейшие способы лечения? Я найду деньги!

Доктор мрачно ухмыльнулся.

– Слушайте, если уж так вам охота деньги потратить – поезжайте в Израиль. Они там берутся за все подряд. Выиграете годик-два, да без штанов в гроб и ляжете... – и снова посмотрел на часы.

По дороге домой Антон Сергеевич размышлял о том, как это унижительно для мыслящего существа – умирать. О том, что худшее, что может случиться с человеком – это смерть, так почему же именно она, как награда, ожидает его в конце пути? О том, что когда-нибудь человек, подтверждая свой гордый статус, научится жить столько, сколько нужно ему, а не сколько отмерила дура-природа, и как это обидно – умереть раньше, чем это произойдет... Черт возьми! Да если бы люди не теряли время на войны, инквизиции и прочие пустяки, уже давно научились бы синтезировать органы и оцифровывать сознание. Жить вечно.

Вспомнив последние слова доктора, возмутился: «Вот ведь гад какой гладкий! А годик-то, тем более два – не пустяк...»

Уже через полгода разгуливал Антон Сергеевич по осенней Кесарии – древнему поселению на берегу Средиземного моря, живой и невредимый, если не считать шрама от тре-

панации черепа.

Перед этим была продажа квартиры в Москве. Он решил-ся на этот шаг, почти не колеблясь – зачем одинокому, умирающему человеку недвижимость в стране, куда он, скорее всего, больше не вернется? Отдал свою трешку на Кутузовском даже не за полную стоимость – лишь бы побыстрее. В любом случае, это были большие деньги. Кроме того, у Антона Сергеевича имелись кое-какие накопления. В общей сложности около трехсот тысяч долларов, и он рассчитывал пожить на них красиво, сколько бы ему ни осталось...

Дальше – репатриация². Очень быстро собрал он требуемые документы и с первого раза прошел собеседование с консулом, который сказал умирающему «кен», то есть «да» на иврите, несмотря на то, что евреем Антон Сергеевич был всего на четверть.

О том, что он, как внук еврея, имеет право на репатриацию, он знал давно. Его просветил сокурсник, который иммигрировал в Израиль еще до развала СССР. Как-то в телефонном разговоре тот расписывал прелести заграничной жизни и призывал оставить формальную родину ради родины исторической. Тогда Антон Сергеевич резко осадил его и полушутя, но категорично потребовал прекратить сионистскую пропаганду.

² Репатриация – возвращение на Родину. В настоящее время программы по репатриации на государственном уровне осуществляют две страны: Израиль и Болгария.

Позже, в девяностых, из любопытства он однажды сходил в еврейское агентство. На тот момент в Израиле шла очередная война, и ему отсоветовали ехать в эту страну, да он и не собирался...

Прямо в аэропорту «Бен Гурион» чиновник Министерства внутренних дел – неторопливый добродушный человек с черной ассирийской бородой и выющимися пейсами – выдал Антону Сергеевичу теудат зеут, то есть паспорт. Перед этим, заполняя данные, он спросил на чисто русском языке:

– Какое имя выберите?

– В каком смысле? – удивился Антон Сергеевич.

– Получая израильский паспорт, вы можете записать себе любое имя. Вы можете быть, например, Натан или Йонатан, – эту возможность чиновник преподнес как щедрый дар от государства Израилева.

Было даже как-то неудобно отказываться...

– И Моисей можно?

– Конечно. Прекрасный выбор! Значит, Моисей? – обрадовался чиновник и занес руку над клавиатурой.

– Да ну что вы, – отмахнулся Антон Сергеевич. – Пишите как есть. Что ж мне на старости лет в Моисеи подаваться...

Когда с именем было покончено (причем в паспорт вписали не только папу, но и маму), чиновник задал следующий вопрос:

– Какую национальность запишем?

– Ну пишите – еврей. Зря я, что ли, происхождение свое доказывал? – ответил новоиспеченный репатриант устало, он был порядком измотан многочасовым перелетом.

Чиновник не спеша потыкал в кнопки и пожал плечами.

– К сожалению, не могу. У вас дедушка, да еще по отцу... Мы ставим национальность «иудей» только галахическим евреям, то есть унаследовавшим кровь по материнской линии. Но если хотите, я могу поставить прочерк.

– Как вы сказали? Галактическим?

– Галахическим. То есть по Гáлахе – это традиционное иудейское право, – терпеливо пояснил чиновник.

– Тогда ставьте прочерк, – великодушно разрешил Антон Сергеевич.

Идея с прочерком показалась ему удачной, поскольку кроме дедушки-еврея, другой дедушка у него был наполовину поляк, бабушка по матери – украинка, а по отцу – на четверть башкирка. Так что русской крови в нем было ненамного больше, чем еврейской или украинской, а то и меньше. Так что, если отслеживать национальность по материнской линии, получалось, что Антон Сергеевич – галахический хол.

– Вероисповедание? – задал чиновник следующий вопрос и пытливо уставился на респондента.

В Москве, в еврейском агентстве, предупреждали, что ни в коем случае нельзя ляпнуть «христианин» в ответ на этот ключевой вопрос – просто депортируют прямо из аэропорта

ближайшим рейсом. Можно было назвать любую религию, даже ислам. Можно было оказаться, прости господи, атеистом, но никак не приверженцем Иисуса – рожденного на этой Земле галактического еврея...

– Агностик, – решил похулиганить Антон Сергеевич. На самом деле он был чистейшей воды атеистом, потому что полагал, что не может здравомыслящий человек, тем более с высшим естественно-научным образованием, верить во всякую чепуху.

– Интересно, – бюрократ снова полез в компьютер, – сейчас проверим, есть ли такая опция...

– Оказывается, нет, – через минуту вздохнул он и вопросительно посмотрел на Антона Сергеевича.

Тот махнул рукой.

– Ставьте прочерк.

Потом была операция. Все произошло очень быстро. После недельного обследования он подписал бумаги, в которых значилось, что пациент предупрежден о рисках, связанных с оперативным вмешательством, что доверяет специалистам клиники выбор метода лечения, и что в случае неблагоприятного исхода клиника ответственности не несет.

Его накачали веществами, от которых все происходящее стало совершенно безразлично, и повезли в операционную. Когда на следующий день он пришел в себя, ему сказали, что все прошло успешно и ему больше не о чем беспокоиться.

Уже через две недели Антона Сергеевича выписали, даже не сняв швы. Ему объяснили, что, как гражданин Израиля, он получает лечение бесплатно и, если останется в клинике дольше, то займет чужое место.

Перед выпиской он спросил у русскоязычного медбрата, где ему в Израиле лучше всего снять домик на время реабилитации. Куражась, медбрат посоветовал ему Кесарию – израильскую Барвиху, в которой живут только миллионеры. Однако упрямый старик даже после того, как медбрат признался, что пошутил, упросил его помочь найти на ивритоязычных сайтах дом именно в этой самой Кесарии и договориться о встрече с хозяином.

Приехав в Кесарию на такси, Антон Сергеевич снял небольшую виллу с бассейном за двенадцать тысяч шекелей (или почти три с половиной тысячи долларов) в месяц, не торгуясь, вопреки рекомендациям еврейского агентства торговаться при каждом удобном случае. Домовладелец – чопорный ортодокс в полной боевой выкладке (широкополая шляпа, черный лапсердак, жилетка, свисающие до колен белые шнурки от исподней рубахи) хоть и выглядел для непривычного глаза крайне нелепо и карикатурно, но держался важно. Чувствовалось, что он настоящий иудей по Галахе, не то, что некоторые...

Приняв и проворно пересчитав наличные сразу за два месяца, он сказал с забавным ближневосточным акцентом:
– Велькам ту зэ Холи Ленд, – и не спеша удалился.

План у Антона Сергеевича был такой: пару месяцев он проведет в Кесарии. Раз в жизни побывает в шкуре миллионера – отпразднует таким образом свое второе рождение. Будет питаться в ресторанах и путешествовать по стране. За это время решит: возвращаться в Россию или оставаться в Святой Земле. Второй вариант был даже более вероятен – российская действительность последних десятилетий несколько расшатала его патриотизм. В этом случае он сможет купить скромную квартирку в приглянувшемся ему городе, а оставшихся денег и пенсии хватит ему до самой смерти, чтобы жить, не думая о хлебе насущном.

* * *

Пытаясь найти короткий путь к морю от своей виллы, Антон Сергеевич забрел не туда... Асфальтовая дорога закончилась кольцом, от которого в сторону берега тянулась заросшая травой тропинка. Причина ее запущенности стала ясна очень быстро: она упиралась в засыпанную песком пустошь и пропадала. Далее предполагалось идти по песку, и, хотя слышен был уже морской прибой, форсировать пустошь оказалось невозможно. Ноги увязали в обжигающем песке по щиколотку, и их приходилось вытаскивать с большими усилиями. Шагов через тридцать он взмок и запыхался. Пришлось отступить. Тем более что берега путник так и не увидел; песчаные завалы, вопреки логике, по мере приближения к морю становились только выше.

Когда он выбрался на твердую землю, в висках шумно би-

лась кровь, а перед глазами метались белые точки. Нашупал в рюкзаке бутылку прохладной содовой и долго пил, пока дурнота не отпустила. Вытряхнув песок из сандалий, Антон Сергеевич осмотрелся и убедился в том, что другого пути, кроме как через пески, нет – на севере обзор закрывал высокий земляной вал, отделяющий Кесарию от арабского поселения, южнее были непроходимые заросли.

«Значит, не судьба!» – Антон Сергеевич решил отложить экспедицию на следующий день и повернул к дому.

Остаток дня провел в Сети, разыскивая информацию об истории поселения, в котором временно обосновался в Израиле. Оказалось, именно из Кесарии Понтий Пилат правил римской провинцией Иудеей в течение десяти лет, после чего в тридцать шестом году нашей эры за жестокость и злоупотребления был отозван в Рим. Там след его потерялся. Согласно легенде, он покончил жизнь самоубийством, но Антон Сергеевич усомнился в ее правдивости. Не поверил, что прожженного и циничного политика могла замучить совесть из-за какого-то казненного по его попущению плотника...

Ближе к ночи с бутылкой местного вина и тарелкой сыра выздоравливающий поднялся на крышу. Прохладный воздух начала октября нес в себе запахи цветущей по сезону растительности и остывающего бетона. Море, образующее горизонт днем, сейчас было черно и отличалось от неба только отсутствием звезд, которые можно было разглядеть в изобилии; электрический свет фонарей и окон вилл делал небес-

ную иллюминацию лишь ненамного бледнее, не так, как в городе. Где-то, презирая грядущие будни, звенела голосами и музыкой чья-то бестолковая молодость. Он сидел на крыше, пока не замерз...

На следующий день Антон Сергеевич, тщательно изучив карту и фотографии местности со спутника, взятые в интернете, решил пойти в другую сторону. В шесть часов вечера, когда жара слегка отпустила, вышел из дома.

Изрядно потрескавшаяся, местами залитая цементом, местами асфальтовая пешеходная дорожка вела мимо стриженной зелени, за которой прятались жилища израильской элиты. Лишь немногие из них выставляли в растительные прогалы свои бетонные достоинства, которые конкретными прямоугольными очертаниями претендовали не то на постмодернизм, не то на конструктивизм.

Вчера, когда шел на север, он не встретил на своем пути ни одного человека. Сегодня навстречу ему изредка попадались прохожие, но он не спрашивал у них путь, хотел найти его сам.

Не дойдя метров трехсот до поворота, который, судя по карте, должен был вывести на пляж, Антон Сергеевич увидел тропинку, ныряющую в темноту между деревьями. Солнце еще припекало, и он мог идти вдоль дороги дальше без риска заблудиться или забрести в тупик, но предпочел зною тень, презрев определенность.

В экзотических зарослях пахло прелью почти так же, как

в подмосковном лесу, или это обоняние подводило его, не отмечая разницы. Очень скоро путник услышал, как ему показалось, шум прибоя. Он подумал, что удачно свернул, здорово сократив путь, но, когда заросли внезапно кончились, вместо пляжа его взору открылось несуразное великолепие. между верхушками пальм торчал античный портик, покоящийся на пышных коринфских капителях, и крыша галереи, увенчанная пузатыми урнами. Причем выглядело это все слишком свежо и неестественно. Антон Сергеевич достал телефон, сделал снимок и приблизил изображение. Да-да, материалом для этой стилизации послужил все тот же вездесущий бетон... Остальное было скрыто живой изгородью, которая окружала огромную территорию. Дворец римского наместника Понтия Пилата в исторической части Кейсарии, которую он осматривал на днях, занимал гораздо меньшую площадь. Шум воды оказался не прибоем, а журчанием множества фонтанов, извергающих в небо столь драгоценную тут, по соседству с Африкой, пресную воду.

«Вот это понты... – подумал он и улыбнулся внутренне: – Понтыон!»

Он было продолжил путь к морю, но его внимание привлёк еще один шедевр бетонного зодчества. Шагах в двухстах от «понтыона» обнаружили развалины огромного дома в кричаще восточном стиле. Впрочем, это не были обычные развалины...

Обычные развалины появляются после того, как строе-

ние, прослужив некоторое время, приходит в негодность. Эти же образовались не в результате губительного воздействия стихий или времени – здание было заброшено еще на этапе строительства.

Территория, вся заросшая сорняками, сухими, колючими и пыльными, была огорожена временным забором из проволочной сетки. В одном месте она валялась на земле, и Антон Сергеевич перешагнул через нее, привлеченный грандиозностью архитектурного замысла. Перед главным входом бетонным бордюром высотой по пояс был обозначен огромный фонтан. За фонтаном под таджмахаловым полушарием купола зияли арки парадного входа. Пройдя через одну из них, он очутился в просторной прихожей под сводчатым потолком.

Антон Сергеевич представил, как было бы здорово оказаться в этом месте в детстве, когда сырой подвал многоквартирного дома легко представлялся сказочной пещерой, а засиженный голубями чердак – порталом в иной, волшебный мир.

Он решил реанимировать в себе чувство чудесного и с полчаса бродил по недоделанным галереям и коридорам, которые, вопреки гигантизму прихожей, были такими узкими, что двоим было бы трудно в них разминуться. Заканчивались они множеством крохотных келеек, большинство из которых выходило окнами в два внутренних двора с заготовками фонтанов. Видимо, обилие устройств, впуская расхо-

дующих воду, должно было подчеркивать высокий социальный статус владельца этого странного жилища.

«Дворец понтышаха», – Антон Сергеевич даже хмыкнул вслух. Бродить по кладбищу чужой мечты стало скучно. Выбирая, куда поставить ногу без риска подвернуть ее на строительном мусоре, он вдруг вспомнил, как много лет назад ходил по другим развалинам...

Было холодно и тихо. И никакого освещения, кроме фонаря в его руке. Он старался ступать тише, но, если светить под ноги, выбирая место для следующего шага, то невозможно уследить за тем, что происходит вокруг – поэтому скрип каменной крошки под ботинками выдавал его местоположение.

Твари, веками жившие в темноте, были слепы, но слышали очень хорошо. У него был только один вариант выжить – успеть выстрелить до того, как мелкие острые зубы проткнут его кожу, ведь в следующую секунду ядовитая слюна проникнет в кровь и нейротоксин лишит возможности сопротивляться.

Свет от фонаря большим пятном ощупывал близкие стены и вдруг превратился в маленький кружок далеко впереди. Узкий проход вывел в крупную каверну. Инстинктивно он понял, что не один в помещении...

Замер. Насколько это было возможно бесшумно взвел курок револьвера и прислушался. Из темноты донесся слабый

звук, который мог быть результатом как падения капли воды, так и чьего-то неосторожного движения. Он повел лучом фонаря в сторону звука и вдруг кожей на затылке почувствовал движение воздуха прямо за спиной. Резко развернулся. Тени метнулись вокруг. Луч фонаря выхватил из темноты оскаленную пасть. Палец на курке инстинктивно дернулся. Выстрел прогремел так, что заложило уши.

Следующим ощущением стала адская боль в глазах, носу и горле...

В разгар девяностых, будучи начальником вычислительного центра, Антон Сергеевич подрабатывал ночным сторожем. Зарплата в университете была чистой формальностью, и он решил, что ему по большому счету все равно, где ночевать, если за это хотя бы что-нибудь платят. Охранять ему досталось бывший детский сад – некая страховая компания выкупила его у государства и собиралась сделать в нем офис.

Сидеть всю ночь в комнате для сторожей было невыносимо скучно. Желтый свет, унылые обои. Спартанский топчан, даже не топчан, так, подставка под пытающегося уснуть человека. Письменный стол, как матерый уголовник, весь расписанный синими чернилами, тэн с голой, разогретой до желта спиралью. Даже читать в этой тоскливой юдоли было неинтересно. Он часто останавливался, смотрел, сколько страниц осталось... На столе поверх «татуировок» лежало стекло, под стеклом – отпечатанная на машинке инструкция

для сторожей.

По инструкции обход территории нужно было производить два раза за смену. Вот это он проделывал с удовольствием. Поначалу даже не два, а три-четыре раза, чтобы размяться и поразвлечься, а заодно представить себя в роли персонажа компьютерной игры. Делал он это не только для развлечения, тогда у него была идея написать квест.

Вверенный его попечению объект пребывал в запустении, видимо, не первый год. В те времена государство внезапно разучилось содержать учреждения социального назначения. Окна по большей части были разбиты. Все помещения, кроме комнаты для сторожа и единственного работающего туалета, засыпаны мусором, а стены расписаны граффити, кое-где, кстати, на удивление, неплохими. Лучше всего запомнился ему глаз, выписанный широкой кистью на желтой стене тремя красками: красной, черной и белой. Глаз, изображенный вне лица, выражения не имел, но, казалось, смотрел прямо в душу, особенно ночью, в свете фонаря. Еще неплох был исполненный черным портрет зубастого уродца – то ли вампира, то ли инопланетянина.

Сторожу полагался газовый револьвер – бельгийский короткоствольный «Бульдог» – и фонарь. Отправляясь в обход, он превращался то в бойца спецназа, то в охотника на ведьм, то в космического первопроходца. Однажды произошло то, что неизбежно происходит, если играть с оружием. Оказалось, что в щель между барабаном и корпусом револьвера

проходит слезоточивый газ. Оружие действовало как заклинание «Армагеддон» в компьютерных играх – поражало и своих, и чужих...

Промыв глаза, он хотел было придумать историю про хулиганов, которых пришлось отгонять выстрелом в воздух, но потом решил не омрачать карму ложью и признался, что выстрелил случайно. Эта работа за три недели изрядно ему надоела, да и сюжеты для обходов стали повторяться, он даже хотел, чтобы его уволили... Зарплату получил месяца через четыре, тогда везде задерживали, и хорошо еще, если вообще платили. Инфляция была лютая, денег хватило только на фланелевую рубашку...

* * *

Антон Сергеевич обнаружил себя сидящим на ступенях широкой лестницы во внутренний дворик и смотрящим в одну ничем не примечательную точку... Он ударил ладонями по коленям, резко встал, отряхнулся и пошел в направлении выхода. Вопреки ожиданиям, экскурсия по дворцу «понтышаха» навевала тоску.

Что же произошло с человеком, который строил этот арабский рай для себя, для семьи, да так и не достроил? Разорился? Или умер, и некому оказалось довести до ума главное дело всей его жизни? Или, может, сосед из «понтыона» помешал? Не захотел дикого соседства классического и ориентального стилей...

Чтобы разогнать гнетущую тишину, Антон Сергеевич де-

ланно весело произнес вслух:

– Еще не вечер!

Однако, оглядевшись, понял, что это неправда. Солнечных лучей уже не было, воздух и растительность вокруг стали серыми.

От «дворца понтышаха» до берега оказалось рукой подать. Акведук – бесконечная череда арок, идущих вдоль пляжа к древней части Кесарии, – особого впечатления не произвел, хоть и был построен не из бетона, а из известняковых кирпичей, пористых, как пемза, от древности.

Он вышел к пляжу как раз вовремя. На берегу, кроме него, никого не было. Солнце торопилось укрыться от глаз единственного наблюдателя. По мере приближения к воде светило становилось больше и, казалось, двигалось все быстрее. Соприкоснувшись с водным горизонтом, расплющилось, застыло на миг, затем лопнуло, как яичный желток, и стекло за край. Небо быстро почернело, и на нем ярко зажглись звезды. Здесь, на темном берегу, они все-таки были гораздо ярче, чем вчера, когда он смотрел на них с крыши...

А он сидел прямо на песке под аркой акведука и думал не о природных красотах, не о величии Вселенной, а о себе. О том, что становится холодно, а он так далеко забрался, устал, и непонятно, как дойдет до дома в темноте. О том, что болезнь может вернуться, о том, как близка смерть. О том, что когда-то был большим ученым, одним из тех, кто меняет мир к лучшему силой мысли, а в итоге разменял жизнь на спеку-

ляцию своими знаниями, талантом и энергией. В результате в свои шестьдесят семь оказался бесполезен, неизвестен и одинок...

И вдруг он заплакал. Не громко, нет. Не разрыдался, как хотелось, не возопил на весь берег, вознося хулу небесам и потрясая высохшими кулачками... тихо, но очень горько.

Потом старик успокоился. Кажется, он задумался, или уснул, или умер. Во всяком случае, время для него остановилось...

* * *

Кто-то схватил его за плечо и потряс. Антон Сергеевич поднял голову. Перед ним стоял человек в костюме древнеримского легионера, поодаль несколько всадников на лошадях. В руках у двоих – факелы. «Легионер» строго и даже как-то торжественно спросил:

– Кто ты и что делаешь здесь в такое время?

«Аниматоры, наверно», – подумал Антон Сергеевич.

– Оставьте меня в покое, мне не до ваших игр. Руки убери! – ответил он, отворачиваясь и движением плеча сбросил тяжелую руку.

Его снова схватили и грубо дернули, разворачивая к себе.

– Что ты, иудейская собака, имеешь против игр в честь высокочтимого префекта Палестины и Иудеи Понтия Пилата? – из темноты под шлемом на него уставились горящие злобой глаза, лицо обдал кислый смрад чужого дыхания.

От такой беспардонности Антон Сергеевич опешил на

мгновение. Но в следующий момент волна доселе никогда не испытанного, неудержимого гнева ударила в голову, а потом растеклась по всему телу, напитав его бешеной энергией. Он вскочил и закричал на заигравшегося идиота:

– Сам ты, гулящая женщина, собака иудейская! Вы что тут, форму члена обрели, что ли, все?!

Он хотел выразить негодование в гораздо более резкой форме, но вдруг понял, что говорит на каком-то странном языке, который не допускал излишней экспрессии в эпитетах.

У аниматора перекосилось лицо. Он замахнулся с явным намерением ударить. Но рука его была перехвачена на полпути, а точный апперкот в подбородок отключил сознание. Громохая, как железный голем, «легионер» повалился на колени, а потом на песок лицом вниз.

Антон Сергеевич с изумлением посмотрел на поверженного противника, потом на свои руки, которые оказались такими сильными. Растопырил пальцы и снова сжал их в кулаки. Аниматоры прыгали с лошадей и тянули из ножен оружие, которое звенело совсем как настоящее. Он наклонился к поверженному и нашарил в темноте рукоять меча...

I.

Проснулся от того, что на спине лежать стало неудобно. Повернулся на бок, но неудобства от этого только прибавилось. Пошарил руками – что-то очень жесткое – как будто земля. Плотная, утоптанная, в мелкой каменной крошке. Удивился и сел. Первая мысль была, что проснулся где-то на улице. Но почему так темно? Ни звездочки, ни ветерка, спертый воздух...

Прислушался к себе. Ощущения – как при тяжелом похмелье. Тошнило, болел затылок. Ощупал голову. Волосы испачканы липким. Понюхал пальцы – кровь. Похоже, разошлись швы.

«Так... Я гулял. Искал пляж. Нашел. Акведук. Закат. Море. Загрустил... Уснул, наверное... Сон странный: факелы, кони, римляне. Я с ними говорил, потом дрался. Отобрал у одного меч и довольно ловко им отбивался. Обычно во сне драться не получается: движения вялые, удары слабые. А тут... Ранил или даже убил кого-то, доспех пробил, как консервную банку... Проснулся здесь. А где, черт возьми, здесь? И сколько времени?»

Полез в карман за телефоном. Кармана на месте не оказалось. Судорожно ощупал себя. Грубой ткани рубаха без воротника и пуговиц, такие же штаны, какая-то веревка вместо ремня... Никакого намека на карманы и на телефон с бу-

мажником. Босой...

Попробовал встать на ноги, но голова закружилась так, что потерял равновесие. Встал на четвереньки и пополз вперед, ощупывая пространство перед собой вытянутой рукой. Очень скоро наткнулся на стену явно искусственного происхождения – вертикальную и ровную. Пополз вдоль стены вправо, через пару метров уперся в угол, двинулся дальше...

Помещение оказалось прямоугольным, предположительно квадратным, со стороной метра в три. Ползая, наткнулся на стоящий на полу кувшин и чуть его не опрокинул. На ощупь кувшин был шершавый, как будто, глиняный, в нем что-то булькнуло. А в одном из углов нашарил горшок из того же материала, с крышкой. Он был пуст, но от него шел запах, который задавал тон воздуху в помещении и не оставлял сомнений в предназначении предмета.

Двери нигде не было...

Превозмогая дурноту, встал, опираясь на стену, вытянул вверх руки. Подпрыгнул – никакого намека на край стены или потолок. От прыжка боль ударила в затылок, голова сильно закружилась. Снова сел и облокотился на стену.

Пока ползал, в ладони и колени больно врезались мелкие камешки. Нашарил один и подбросил вверх. Камешек упал через мгновение, не встретив наверху преграды. Нашел еще один и бросил сильнее. Прежде чем упасть, камешек обо что-то щелкнул. Значит, потолок все-таки есть...

Тут по-настоящему стало страшно. Настолько, что зажму-

рился и закричал, что было мочи:

– Эй! Кто-нибудь! Я здесь! Помогите!!! Люди-и-и-и!!!

Голос звучал глухо, как будто в ушах была вата – стены поглощали звук. Никакой реакции на крик не последовало, но страх начал отпускать.

«Это сон такой. Когда просыпаешься, а на самом деле – нет. Приснилось, что проснулся... Надо просто проснуться по-настоящему. Но как?»

Принялся себя щипать. Сначала несильно, потом, наверное, до синяков – было очень больно. И очень реально. Боль отрезвила.

«Нет, я не сплю. Я в какой-то комнате или яме, из которой должен быть выход наверху. Если он вообще есть... Для начала рассмотрим вариант, что нет там никакого выхода...»

От этой мысли снова накрыло волной ужаса. Подождал, пока она схлынет. Осторожно потер гудящий затылок и попытался понять, как это вообще может быть – нет выхода.

«Что ж... Рассмотрим худший вариант. Я умер. В этом случае, вопреки ожиданиям, загробная жизнь все-таки существует. И я, определенно, в аду, потому что на рай это не похоже... Да и на попадание в райские кущи в моем случае рассчитывать было бы смешно, хотя бы потому, что я ни в какие кущи не верю... Но все не так плохо, как могло бы быть. Кипящих котлов, во всяком случае, я тут не наблюдаю. Хотя... может, мой котел как раз сейчас и нагревают как следует. Без спешки. Торопиться некуда...»

Почувствовал острый дискомфорт от долгого сидения на твердом. Прилег на бок, оперев голову на руку. Так стало легче не только сидищу, но и голове.

«Так! А на кой черт тогда здесь этот горшок для нечистот?! Если грешнику суждено вечно мучиться и страдать, то уж точно без перерывов на отправление естественных нужд. Опять же кормить чем-то надо для этого... Вряд ли враг рода человеческого будет заморачиваться обеспечением бесперебойного питания для постояльцев своей гостиницы... Да и вообще, не нужна душе пища плотская, а значит, и гадить ей нечем... Так! Хватит мракобесие тут разводить! Отметим этот вариант с негодованием».

Подполз к горшку и, эмпирически подтверждая факт продолжения своего земного существования, стоя на коленях, помочился. Потом переместился в противоположный угол, прихватив по дороге кувшин. В нем оказалась вода, немного затхлая, но все равно освежила.

«Едем дальше...Рассмотрим вариант «похоронен заживо» или «замуровали ироды».

Во-первых, спасибо за такой просторный гроб. В обычном было бы куда печальнее. Удушье в тесноте... Какой кошмар... А сколько я тут времени уже? Пятнадцать минут? Полчаса? Час? Непонятно... И сколько времени надо, чтобы «выдышать» весь кислород в таком объеме? Этого я не посчитаю – исходных недостаточно. Да и воздух, похоже, не меняется, дышать труднее не становится, значит, есть доступ

кислороду. Это радует. С этим ясно...

Что у нас «во-вторых»? А во-вторых, это не имеет смысла все из-за этого же горшка! Допустим, вода и воздух здесь для того, чтобы продлить мои мучения. Но горшок.... Нет. Никак не вяжется. Обречь человека на жуткую смерть от голода... в темноте... и позаботиться о том, чтобы он страдал немного поэстетичнее... Чушь. Есть горшок – значит, меня не хотят убить, хотят чего-то другого. Надо же, как интересно получается, параша – как гарантия жизни...»

Ухмыльнулся, в затылке снова заломило. Поморщился.

«Так. Что тогда? Садист. Псих-одиночка... Или не одиночка, а клуб по интересам. Богатые кесарийские извращенцы, золотая молодежь. Где-нибудь наверху стоит инфракрасная камера. Они смотрят и веселятся... Заключили пари, сколько, например, этот старик протянет на одной воде. Или просто хотят насладиться мучениями живого существа, как гадкие дети, которые бабочкам крылья отрывают. Тогда и параша – никакая не гарантия... Но вот что не вяжется: я ведь могу парашу эту разбить и черепком очень незрелищно вскрыть себе вены. И не будет никаких особенно интересных мучений».

Тут снова стало страшно. На этот раз съехал с волны ужаса, заорав во всю глотку:

– Не дождетесь, мерзавцы!

Буквально физически ощутил, как крик увязает в стенах. «А с другой стороны, может, он или они этого и добива-

ются... Чем не зрелище?... Короче! Не будем принимать эту гипотезу за рабочую из-за ее ничтожно малой вероятности. Сюжет для триллера убогого, не более... Скорее всего тот, кто меня сюда посадил, хочет чего-то от меня добиться. Пытается сломать, чтобы был поговорчивей. Вымогатели какие-нибудь. Денег хотят. Думают, раз старикашка в Кесарии живет, значит, богатый. Надо быть к этому готовым. Только и всего. В конце концов ничего страшного пока не происходит... Голова вот только болит...»

Казалось бы, пришел к логичному умозаключению, и можно было бы начать продумывать тактику дальнейшего поведения, покрутить варианты взаимодействия с похитителями. Но что-то все равно продолжало смущать... Что-то странное... И вдруг понял.

«Сон этот! Вот что! Аниматор этот... Он спросил меня, я ответил... Я его понимал, и он меня понял. Но язык! Что это был за язык? Не русский, точно...»

Здесь, в Израиле, с теми, кто не понимает русского, можно объясняться по-английски. «Англист» тут знали все, кроме совсем уж диких арабов, с которыми и говорить было не о чем. Любознательный из сна заговорил первым, не на русском и не на английском, потом начал хватать руками и хамить.

«Вот тут как раз и нашло на меня какое-то помрачение. Волна гнева. Я хотел ответить грубой бранью, что странно и для меня нехарактерно... Но вместо этого получилось нечто

вполне пристойное, хоть и нескладное... Но позвольте! Это же... Латинский? Ну да... Я откуда-то знаю, что это латинский... И я откуда-то знаю латинский?!»

От потрясения хотел вскочить, но был тут же остановлен болью в затылке. Аккуратно опустил на место и занялся переводом произвольных предложений с русского на латынь и обратно. Мертвый язык был подвластен совершенно, можно было даже думать на нем, абсолютно не переводя на русский...

Утвердившись в этом, решил проверить, а не стали ли известны еще какие-нибудь новые языки... Покопавшись во внутренних словарях, выяснил, что неплохой английский остался на том же уровне, что и раньше. Убогий французский так и остался убогим... По несколько фраз на немецком и испанском...

На иврите тот же набор слов, которого даже в магазине не хватает.

На арабском лишь «Собакин хер!». Все русские в Израиле знают, что это значит «Доброе утро!»

На итальянском, кроме слов, которые знают все, только: «Кванто коста квеста ривиста?» Наверное, теперь бы что-то понял, если бы слышал фразу на этом потомке латинского, но сам не смог бы построить предложение.

Что там еще? По паре-тройке слов, в большинстве своем выражающих приветствие или благодарность, на языках некоторых бывших союзных республик... Здесь ничего но-

вого...

«Конничива», «оригато» и «сайонара» на японском... И того меньше на китайском.

Проведя лингвистическую ревизию, заинтересовался следующей мыслью: а не добавили ли чудесным образом приобретенные языковые навыки каких-нибудь фактических знаний из истории народов, некогда говорящих на латыни?.. Нет. Не добавили. Все та же школьная программа про Древний Рим, плюс несколько книг и фильмов...

И вот тут спокойно и ясно осознал, что сошел с ума!

В своей профессиональной деятельности сталкивался с проблемой изучения иностранных языков и знал разницу между ксеногlossией и глоссолалией. То есть паранормальной способностью, появляющейся обычно после удара молнией, говорить на незнакомых языках (в это, как убежденный материалист, не верил), и бредом пускающего пузыри сумасшедшего, воображающего, будто он говорит с ангелами.

«Сумасшествие все объясняет! Во время операции в мозгу что-то повредили, и вуаля! – сижу я в кромешной тьме и сам с собой на самодельном языке разговариваю, принимая его за латинский... А на самом деле я во вполне обыкновенной палате самого обыкновенного сумасшедшего дома. Но почему же тогда в ней нет кровати или на худой конец матраса?!»

Снова прилег и, повозившись, нашел более-менее ком-

фортное положение.

«А потому что это не палата, а что-то вроде больничного карцера. Я откусил нос санитару или пытался надругаться над медсестрой и отбываю сейчас наказание».

И тут поразила следующая странность. Все это время, несмотря на головную боль, постоянно ощущал прилив энергии. Его можно было списать на адреналиновое возбуждение, но не могло же оно длиться вечно...

Еще раз исследовал себя и с удивлением ощутил под пальцами упругую мускулатуру и отсутствие жира на животе и боках... Это только подтверждало версию о психическом нездоровье.

Попытки определить свое психофизическое состояние были грубейшим образом прерваны раздавшимся сверху грохотом, который показался ему ужасающим после абсолютной тишины. По глазам больно ударил яркий свет. Кто-то спросил:

– Эй! Ты живой там?

– Не знаю, – честно ответил он.

Рядом, чуть не зашибив, ударила об пол расшатанная деревянная лестница.

– Поднимайся! – скомандовал кто-то.

Несмотря на то, что каждое движение вызывало у него боль и дурноту, довольно легко вскарабкался наверх. Едва голова показалась над краем ямы, ему велели остановиться

и крепко перетянули руки за спиной веревкой. Потом, взяв за плечи, выдернули целиком на свет белый и поставили на ноги. Затылок взорвался болью, он чуть не потерял сознание и зашатался. Упасть не дали, ухватив за ткань рубахи.

Глаза не успели привыкнуть к свету, яркое солнце резало их бритвой, и он не мог разлепить веки, как ни старался.

– А хорошо его декурион по башке приложил... И ведь не сдох, собака иудейская. Ну! Идти можешь? – прозвучал уже знакомый голос.

Его совершенно по-хамски встряхнули. Один глаз удалось разлепить на мгновение. Он успел разглядеть двоих людей в тех же идиотских костюмах древних воинов, что и во сне. В одном из них по лексике и по синему кровоподтеку на подбородке он опознал давешнего грубияна. И снова дикий гнев, ранее несвойственный интеллигентному в общем человеку, лишил его возможности контролировать свою речь.

– Да кто вы, совокупляться в уста, такие?! – возопил он. – Никуда я с вами, мужеложцами, идти не собираюсь!

Коротко посоветовавшись, «воины» подхватили пленника под руки с двух сторон и почти понесли куда-то, ему оставалось только успевать переставлять ноги.

Пока его волокли, глаза попривыкли к свету.

Большой, пыльный двор, с одной стороны ограниченный каменной стеной с деревянными воротами посередине, с трех других – приземистыми строениями под черепичными крышами. Одно из строений выдавало свое предназначение

валящим из трубы дымом и густым запахом готовящейся пищи. Посреди двора был колодец.

Смуглый человек, одетый в какое-то подобие подгузника, вел под уздцы красивую гнедую лошадь. В тени галдели и громко смеялись несколько «легионеров». Они вдруг замолчали и с явным неодобрением уставились на пленника.

«Да нет, я не сошел с ума. Это декорация. Они тут реалити-шоу на древнеримскую тематику снимают, – догадался он. – Но почему тогда все говорят на латинском?!»

Его подтащили к двери, по сторонам от которой торчали два вкопанных в землю древка. На одном был красный вымпел с вышитым золотом орлом, по отчетливой ассоциации – имперским, на втором – несколько позолоченных дисков, поставленных вертикально друг на друга, с искусно вырезанной кистью руки сверху.

Побитый конвоир вошел в дверь и затворил ее за собой. Его напарник отпустил пленника, и тот сразу осел на землю. Через минуту Синий Подбородок вышел и торжественно объявил:

– С тобой будет говорить декурион третьей турмы десятого легиона «Фретензис» Тиберий Куспис Порциус.

– А почему не Марк Туллий Цицерон? Я бы лучше с ним побеседовал, – пробурчал Антон Сергеевич, прежде чем его соскребли с земли и водворили в помещение. Там его поставили на колени, после чего дверь захлопнулась. Теперь глазам нужно было снова привыкать к перемене освещения:

в комнате было единственное оконце, больше похожее на бойницу. Свет из него падал как раз туда, где поместили пленника, остальное пространство тонуло во мраке.

Стоять на коленях на твердом полу, со связанными сзади руками, было очень некомфортно, он немного расслабился и опустил зад на пятки... Понемногу стала прорисовываться обстановка. Конструкция, похожая на этажерку с витыми колоннами по углам. На ее верхней полке – силуэт античного бюста. Массивный стол, заваленный свитками. Над ними... немигающие глаза, вперившиеся ему прямо в лоб. Это было несколько неожиданно: он думал, что один в помещении и вышепоименованный Тиберий Что-то-там-циус подойдет позже. Он мысленно усмехнулся и уставился в эти глаза таким же немигающим суровым взором. Игра в гляделки продолжалась какое-то время. Вероятно, почувствовав, что это уже выглядит глупо, «римлянин» моргнул, зашевелился и резко прокаркал:

– Твое имя, разбойник?

– Антоний Сергиус, – исковеркал он на римский манер свое имя. – А разбойником в последний раз меня называла моя бабушка.

– Кто ты такой и что делал в столь поздний час у акведука?

– Ничего, гулял.

– Не смей мне врать! – декурион подался вперед к пленнику. – Признавайся! Ты гнусный шпион и хотел отравить воду!

– Вовсе нет, – он припомнил разговор своих конвоиров у ямы и решил схитрить, предчувствуя, что рассказывать о том, что совершал вечерний моцион, восстанавливаясь после операции на головном мозге, не стоит. – Командир, если честно, я не знаю, как там очутился. Кто-то крепко приложил меня по башке чем-то тяжелым. Мне повезло, что я остался жив... Голова постоянно кружится и болит. А еще я ничего не помню...

Римлянин усмехнулся и облокотился на спинку своего стула, который более походил на эдакий облегченный, походный вариант трона.

– Это был я. И если бы я хотел убить тебя, твой труп сейчас доедали бы собаки.

Потом резко встал, обнаружив крепкое сложение при небольшом росте и по-буденовски кривые ноги, подошел к пленнику и выхватил из ножен меч.

– Я ударил тебя плоской стороной, – он показал, как именно был нанесен удар, затем ловко вбросил меч обратно в ножны. – Видно, немного переусердствовал, раз у тебя отшибло память. Стоять на коленях ровно!

Это было довольно неприятно: демонстрируя прием, Тиберий чувствительно задел рану на голове и, похоже, не случайно...

– И не совестно тебе так со мной обращаться? Я ведь тебе отцы гожусь... – возмутился Антоний, но встал ровнее.

– О чем ты? – удивился римлянин. – Ты выглядишь не

старше меня.

Эти слова подтвердили то, что какая-то поистине странная метаморфоза действительно произошла со старым телом Антона Сергеевича, а вовсе не почудилась из-за черепно-мозговой травмы. Пока декурион говорил, пленник принялся осматривать части своего тела, которые попадали в поле зрения.

– Ты сражался как бешеный зверь, я должен был остановить тебя... – это признание явно далось декуриону с трудом, видимо, застыдился, что пришлось поступиться кодексом воинской чести, напав исподтишка. Он подошел к окну и отвернулся, чтобы скрыть смущение. – Один из моих воинов никогда уже не увидит Рима. Мне надо писать его вдове и объяснять, почему я не уберег его от смерти в мирное время. Еще двое на излечении...

Антонию было не до тонких чувств кавалериста. Он внимательно изучал свои бедра, плотно обтянутые материей – крепкие, мускулистые, они не могли принадлежать пожилому человеку. Прислушавшись к внутренним ощущениям, он вспомнил нечто давно забытое... До этого его отвлекали дурнота, шок от происходящего, постоянная смена освещения. А теперь... Да! Оно самое – ощущение молодости и полноты сил.

– Однако постой. Свое имя-то ты помнишь, мошенник! – тем временем осенило Тиберия, и он резко развернулся к пленнику.

– Имя помню... А все, что было до того, как я оказался в яме – нет, – не сразу ответил Антоний.

– Предположим... Пока я делаю следующий вывод, – Тиберий энергично заходил по комнате из угла в угол, размышляя вслух. – Диверсию я отвергаю. Мы перерыли песок на локоть в глубину вокруг места, где тебя обнаружили. Ничего похожего на сосуд с ядом не нашли... Ты либо дезертир; говоришь на латыни свободно, ловко обращаешься с гладиусом, а амнезию симулируешь, дабы избежать заслуженной кары. Либо сумасшедший. Либо то и другое вместе... В любом случае тебя ждет смерть на арене в зубах голодных и диких животных.

– Вот как... – пленник опешил от столь неочевидного вывода из довольно логичных до этого умозаключений. – Может быть, суд сначала? Врачебная комиссия?

Тиберий немедленно остановился, отставил ногу и приосанился.

– Я здесь и судья, и врач! Баста!

Выдержав паузу, он расслабился и вернулся на свой трон.

– Но ты мне нравишься, и я дам тебе выбор, – заявил он.

– Это какой же? – угрюмо спросил Антоний, интуитивно не ожидая ничего хорошего.

– Ты славный воин и достоин чести умереть в бою с себе подобным! – торжественно произнес римлянин. – Грядут игры в честь десятилетия правления Понтия Пилата, и ты, если постарайся, сможешь принять участие в этом гран-

диозном событии. Я могу сделать тебя гладиатором!

– Если честно, я вообще ничего подобного не планировал... – признался растерянный Антоний.

Явно разочарованный тем, что его щедрый дар не был оценен по достоинству, Тиберий сухо подытожил:

– Со щитом или на корм тиграм – третьего не дано. В качестве бестиария³ ты стоишь не многим больше облезлого барана. Если же будешь сражаться так, как умеешь, я получу за тебя как за породистого скакуна... И довольно разговоров! Тебя вернут на место, в яму, где ты сможешь спокойно обдумать мое предложение.

– Командир, а можно, я подумаю где-нибудь в другом, более подходящем для этого месте? – с надеждой спросил пленник.

– Ничто так не способствует умственным упражнениям, как темнота и уединение. Они направляют поток мысли в нужное русло. Эту яму для шпионов я придумал сам, – Тиберий снова встал, сложил на груди руки и задрал голову. По всей видимости, гордость была для него настолько важной и основополагающей эмоцией, что он выражал ее всем телом. – В отличие от обычной, например, долговой ямы она имеет непроницаемую для света крышку. Люди в ней становятся более честными и сговорчивыми. Преступники рассказываются и признаются в своих преступлениях. Шпионы рас-

³ Бестиарий – гладиатор, сражающийся с животными. Часто неумелый и плохо вооруженный.

сказывают то, чего не знали.

Расписав преимущества своего изобретения, он не спеша подошел к выходу и повернулся к пленнику.

– Ступай! Я надеюсь на твое благоразумие. Подумай, что ты теряешь и что обретаешь, приняв правильное решение. И помни, как только согласишься, сразу же попадешь в совершенно иные условия. Голову твою подлечим. А потом я продам тебя в лучшую в Иудее школу гладиаторов. Образу жизни ее питомцев позавидовали бы некоторые аристократы, – он подошел к двери и распахнул ее ударом ладони. – Стража!

В яме Антония ожидали соломенный тюфяк, а еще миска с бараньей похлебкой и костью, на которой даже было немного мяса. Похлебка была недурна – если бы еще соли поменьше да перца побольше... Хлеб, сопровождающий эту трапезу, был груб, но вкусен, или это от голода так показалось... Узнику дали насладиться едой при свете и, когда он выбросил наверх миску, захлопнули крышку.

Вопреки обещаниям древнеримского Мюллера, темнота нисколько его не угнетала. После еды и боль в затылке стала как будто меньше. Он лег на тюфяк и почти сразу заснул.

Во сне к нему пришел генерал КГБ, который когда-то курировал его работу в секретном НИИ, и безапелляционно заявил:

– Собирайся, сынок! Ты снова нужен Родине.

Они полетели на вертолете в тайную лабораторию в Алтайских горах, которая была оборудована самым мощным суперкомпьютером в мире. На КПП их встречал деревянный длинноносый робот с в форме ефрейтора внутренних войск:

– Узнаешь меня, папа Карло? Я так долго тебя ждал...

Потом сон плавно перетек в воспоминания о тех временах, когда был по-настоящему молод.

1.

Когда Антон учился на четвертом курсе факультета математики, в университете появился один из тех самых протокomпьютеров, которые занимали несколько помещений, а по производительности были ненамного эффективней бухгалтерских счетов. С первого взгляда талантливый аспирант влюбился в эту пахнущую озоном вибрирующую грудку. Благоговейно заглядывал он в черную, с зелеными искорками символов бездну мониторов, нежно касался упругой клавиатуры кончиками пальцев, одну за другой погружал в пластмассовое нутро машины перфокарты, трепещущие в теплом дыхании ее радиаторов.

Антон стал одним из первых в стране информатиков-программистов. С самого появления понятия «программа» в значении алгоритма для электронно-вычислительной машины стало ясно, что цель научно-технического прогресса в этом направлении – это изобретение более совершенных инструментов рационального познания, чем человеческий мозг. Молодой ученый неизлечимо заразился перспективой, открывающейся для пытливого ума, и с головой окунулся в омут непознанного. Тогда как большинство его коллег пытались использовать ЭВМ как продвинутый арифмометр, исключительно для вычислений, он мечтал научить машину думать и чувствовать. Основной темой его научных изыска-

ний стал ИИ – искусственный интеллект...

Примерно через полгода после защиты кандидатской диссертации его вызвали к ректору. Войдя в кабинет, Антон сразу же почувствовал в воздухе какое-то почти электрическое напряжение.

В кресле ректора сидел аккуратный подстриженный седой старичок в сером костюме. Сам ректор, обычно уверенный в себе и ироничный, сидел на стуле для посетителей, скромно сложив руки на коленях. Он был бледен и явно растерян. Вместо того, чтобы представить незнакомца и предложить присесть, он промямлил, обращаясь к старичку:

– Эту статью он, – ректор бросил взгляд под ноги Антону, – опубликовал без всякого участия со стороны администрации университета. Да я вообще не помню...

– Вы не могли бы нас оставить? – холодно прервал его старичок. – Благодарю.

Ректор покорно встал и вышел из своего кабинета, все так же избегая смотреть на Антона.

– Как все-таки некоторые меняются при виде служебного удостоверения... – старичок достал из внутреннего кармана кроваво-красную «корочку» и проворно развернул ее.

Антону бросился в глаза крупный шрифт «Комитет государственной безопасности СССР» и дальше прописью «генерал-майор...» Удостоверение захлопнулось и вернулось в недра серого костюма.

Антон удивило, что его скромная персона могла заинтересовать столь важного дядьку из комитета. Вины никакой он за собой не знал и не чувствовал. Мысли по поводу государственного устройства всегда держал при себе. О какой его статье может идти речь, он даже не подозревал, их было несколько, опубликованных в разных изданиях. В любой из них ничего крамольного или подрывающего устои советского государства не было и быть не могло...

– Чем могу служить, товарищ генерал? – живо поинтересовался он.

– Ну-ну, зачем же так формально? Василий Степанович, с вашего позволения, – старичок церемонно кивнул. – А служить можете. Во-первых, я хотел поговорить я хотел с вами об этом, – Василий Степанович перевел глаза вниз.

Оказалось, что на столе перед ним лежал номер «Журнала вычислительной математики и математической физики», тот самый, в котором была статья Антона об электронно-вычислительных машинах с неустойчивым состоянием. В этой статье, будучи аспирантом кафедры прикладной математики, он решил пофантазировать о том, что будет, если некое множество условных транзисторов, хаотично между собой связанных, получив импульс извне, будут, реагируя на него, непрерывно посылать друг другу сигналы различной мощности, и как в этом случае заставить их генерировать нужный экспериментатору ответ.

– Что же в этой статье могло заинтересовать ваше ведом-

ство, Василий Степанович? – Антону становилось все любопытнее...

– Если честно, – старичок доверительно наклонился к собеседнику, – я ничего не понял... Вы не могли бы в двух словах объяснить, о чем здесь речь?

Антон не мог взять в толк, зачем это генералу КГБ понимать смысл довольно специализированной статьи, но терпеливо пояснил:

– Видите ли, некогда в нейрофизиологии была популярна концепция функционирования мозга, по которой нейроны либо посылают друг другу электрический импульс, либо нет. Эту идею использовали для разработки двоичного кода для ЭВМ. Ноль, единица. Знаете?

Старичок кивнул.

– Так вот. Потом выяснилось, что у нервных клеток не цифровая передача, а аналоговая...

Лицо генерала выразило недоумение. Антон пояснил:

– То есть они ретранслируют электрические разряды различной мощности, не «есть-нет», а целый диапазон от нуля до условной единицы. Притом делают это постоянно – клетки всегда под напряжением. Но двоичный код уже закрепился для всех вычислительных приборов. То есть на основе неверной теории родилась активно применяемая практика.

Антон сделал паузу, желая убедиться в том, что его понимают. Старичок кивнул почти сразу. Антон продолжил:

– Я же в этой статье предлагаю модель ЭВМ, действующую

щей по принципам, которыми современные нейрофизиологи объясняют работу мозга. Вот и все вкратце...

После небольшой паузы генерал вдруг заговорил официальным тоном:

– Насколько мне известно, ваша диссертация была посвящена теоретическим основам создания искусственного интеллекта. Тема по нашим временам чересчур новаторская, даже дерзкая. Многие отговаривали вас и упрекали в схоластике. Это так?

Теперь кивнул Антон. Он все еще не мог сообразить, к чему клонит генерал. Попытался объяснить:

– Если бы Джордано Бруно в свое время...

Старик вдруг хлопнул ладонью по журналу и прокаркал:

– Не надо! На кой ляд мне Бруно?! Я про тебя спрашиваю! Почему не прислушался к мнению старших товарищей?

Антон вскочил.

– Во-первых, нечего мне тут тыкать! Пацана нашли! А во-вторых, плевать я хотел на мнение всяких маразматиков!

Повисла звенящая пауза. Потом генерал вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался.

– Молодец! Так нас, маразматиков! Да вы присаживайтесь, Антон Сергеевич, мы ведь только начали...

Антон сел, отдуваясь.

– Ерунду, значит, придумали с двоичным кодом этим? – озорно подмигнул старикашка.

– Да нет... Вовсе нет! Просто код этот и вся архитекту-

ра фон Неймана... они хороши для калькулятора, а не для имитации человеческой мысли.

– А вы считаете, что в состоянии предложить более перспективную альтернативу?

Молодой ученый заговорил горячо:

– Если дура-природа умудрилась случайным образом со-творить человеческий разум, то почему человек, пользуясь этим самым разумом, не может создать нечто подобное?

Лицо старика изобразило недоверие.

– Да вы поймите... Ничего сверхъестественного... В мозгу новорожденного примерно такое же количество нейронов, как и у взрослого, – когда Антон расходился, он говорил все быстрее, при этом никогда не теряя нити. – Меняется только количество связей между ними, серое вещество прорастает проводящими отростками нейронов, дендритами. Я сам видел срезы. Это как... предтундровое редколесье и тропические джунгли. Когда плод находится в утробе, он получает очень мало сигналов извне, их недостаточно для начала развития сложного нервного взаимодействия. Потом, когда ребенок рождается, его мозг начинают прямо-таки бомбардировать импульсы ото всех органов чувств. Нервные клетки под их воздействием начинают тянуться друг к другу, в поисках адекватного ответа. У каждой появляется до тысячи связанных с ней соседей. Естественно, она находит их случайно. Не будете же вы подозревать отдельно взятую нервную клетку в способности принимать решение о том, с какой колле-

гой ей нужно связаться? И вот в этой электрической каше на смену примитивным рефлексам приходит мысль... Так почему же, черт побери, не воссоздать такую модель *in vitro*?

Старичок слушал эту тираду с довольной улыбкой, но, когда Антон замолчал, вдруг снова стал официальным.

– А что если бы вам предложили самую современную лабораторию в мире и всю мощь страны Советов в придачу для воплощения этой вашей идеи?

Антон снова вскочил.

– Это все, чего я хочу от жизни!

Генерал тоже поднялся и торжественно произнес:

– Добро пожаловать, Антон Сергеевич, под крыло моего управления по передовым научным разработкам. Сам лично буду курировать работу вашей лаборатории.

Он протянул руку, Антон с удовольствием пожал ее.

– Собирайся, сынок. Секретный институт находится в области. Завтра же получите с женой неподалеку коттедж, – Василий Степанович поднял палец, – двухэтажный, прудик рядом живописный. Купаться можно, рыбу скоро запустим... Машину пришлю завтра в восемь.

Теперь, когда Антон согласился работать с ним, генерал снова перешел на интимное «ты», на этот раз Антон не возражал.

II.

Однако темнота и уединение начинали делать свое дело. В голову полезли разные черные мысли. Чтобы отогнать их, решил предпринять еще одну попытку разобраться в происходящем.

Кавалерист говорил, что грядущие игры будут посвящены десятилетию правления Понтия Пилата. Как раз накануне читал об этом периоде истории Кесарии – здесь сейчас должен быть тридцать шестой год. Просто тридцать шестой, без каких-либо иных цифр перед. Но ведь попасть в прошлое нельзя! Абсолютно невозможно. К сожалению...

* * *

Как-то раз, в девяностые, когда уже все рухнуло, в качестве халтурки отлаживал Антон Сергеевич локальную компьютерную сеть в черноголовском институте теоретической физики имени Ландау. Вышел покурить. Место для курения было устроено у большого деревянного полупрофиля знаменитого основателя института – латунная пепельница на тонкой ножке меж потертых кресел.

Рядом плюхнулся какой-то лохматый тип. Длинное лицо и волосы в сочетании с круглыми очками делали его похожим на Леннона. Он достал нервными пальцами пачку дорогоущего «Parliament» и прикурил от экзотической по тем временам «Zipro». Математик курил «Opal» и из некраси-

вых побуждений решил подколоть физика.

– Извините, пожалуйста. Можно вопрос?

– Да-да. Конечно, – раздраженно ответил тот.

– Скажите, а чем, собственно, вы здесь занимаетесь? Компьютеры у вас тут не очень... На них положительно невозможно делать серьезную работу, – небрежно произнес математик.

Физика буквально на секунду перекосило, но он быстро восстановил контроль над мимикой:

– Компьютеры действительно слабоваты. Это беда... Но для того, чтобы даже приблизительно объяснить вам, чем мы тут занимаемся, мне потребуется очень много времени. Мне совершенно недосуг. Извините.

– А вы все-таки попытайтесь, в двух словах, – не унимался математик.

Физик закатил глаза.

– Хорошо. Вы верите в возможность перемещения во времени или, например, нуль-транспортировку?

– Конечно. Надеюсь, в обозримом бу... – забубнил математик.

– Так вот никогда! – у физика даже вена на лбу вздулась. – Ни-ко-гда этого не будет! Абсолютно невозможно. К сожалению... Благодарю вас за испорченный перекур!

«Леннон» зло раздавил полсигареты в пепельнице и убежал.

А Антон Сергеевич остался сидеть под строгим взглядом

деревянного Ландау.

Он расстроился. Надежды на то, что человечество когда-нибудь научится мгновенно перемещаться во времени и пространстве, были разрушены, и это удручало... Oral кончился, и Антон Сергеевич, озираясь, выудил из пепельницы бычок Parliament и докурил. Серьезный ученый в недавнем прошлом, он привык для экономии времени доверять таким же серьезным ученым – представителям других наук. Разобраться во всем самому невозможно, времена универсалов – Ломоносовых и Да Винчи давно прошли. И чтобы досконально понять то, что выразил ему сейчас в двух словах этот физик-психопат, нужно было бы прожить совсем другую жизнь, а на это ни у кого не хватит времени...

* * *

Так вот. Это не какая-то там дремучая античность. Значит, окружающая действительность есть ничто иное, как собственная психопродукция. Сложная зрительная, слуховая, обонятельная, осязательная, словом, задействующая все чувства галлюцинация. Установить ее причину: сумасшествие, летаргический сон или нахождение в коме или под воздействием психоактивных веществ – пока возможным не представляется...

Кстати, вариант с комой выглядит наиболее убедительно. Сидел на пляже, рыдал, на закат глядячи, – вот и хватил удар от переизбытка чувств. Инсульт. Лежит сейчас туловище на искусственной вентиляции легких, а мозг от нечего делать

создает себе альтернативную реальность.

В любом случае: в дурдоме или в коме – все происходящее есть одна сплошная фата-моргана. И его фантомная сущность молода, сильна и проворна настолько, что ей предлагают карьеру гладиатора... Опасаться за ее здоровье, пожалуй, глупо. Так же, как и беспокоиться о здоровье фантомов, с которыми придется сражаться на арене.

Кстати! Упрек Тиберия по поводу убитого и двух покалеченных легионеров более не должен тревожить совесть все по той же причине...

Вся эта галлюцинация очевидно интерактивна, надо просто сделать ее более комфортной. Объяснять окружению свою инородность – ни к чему хорошему не приведет. Примут за сумасшедшего и отправят на арену в зубы фантомных хищников, и вряд ли это доставит приятные ощущения, хоть и фантомные.

Значит, надо соглашаться на предложение кавалериста...

Но как осточертела уже эта темнота! В ярости схватил кувшин и швырнул вверх... Раздался хлопок. Посыпались черепки и закапала вода. От напряжения опять ломануло в затылке.

«Дурак! Что с нервами?»

Чтобы успокоиться, принялся переделывать под ситуацию песню Высоцкого из фильма «Интервенция». Получилось следующее:

*Вам даже могут предложить не прогадать,
Ах, скажут, вы же гладиатор от рождения,
Не лучшие ли кишки на меч мотать,
Чем тигру в пасть попасть на пропитанье...*

«Рождения-пропитанье – так себе рифма», – но лучше не нашел и продолжил:

*Суп из барана навевает что-то,
И с каждой ложкой веселее думы,
Домой охота, как домой охота!
Но надо выбрать гладиаторский секутор.*

Откуда взялся этот «секутор», было не совсем ясно. Наверное, что-то из «Спартака».

*Или пляжи, акведуки, или даже
Две гетеры, или римская матрона,
Колесницы, скачки, вина и маслины.
Ну а получишь... нос от Буратино.*

Измывательство над Владимиром Семеновичем было прервано грохотом откинутой крышки... На этот раз слепящего солнца не было – у одного из конвоиров в руке горел факел.

Комната Тиберия в мягком свете масляных светильников показалась даже уютной. Римлянин спросил строго:

– Ну? Что ты надумал?

– Да, – просто ответил Антоний.

Тиберий немного подождал продолжения, потом вскочил с места.

– Твоя лаконичность делает тебе честь!

Быстрыми шагами прошел к двери и, распахнув ее, закричал:

– Эй, Умбра! Неси вино!.. Фалернское... Нет! Водой разбавлять не надо – у меня не баба в гостях... Суррентским разбавь. И яйцо голубиное туда выпусти, – повернулся к Антонию. – А ты дай мне слово – если развяжу, не накинешься на меня!

Будущему гладиатору выделили отдельную комнату в сарае рядом с ямой. Обычно она использовалась как гауптвахта для провинившихся легионеров. В нее принесли ложе с тюфяком и подушками. Руки ему больше не связывали, но за дверью постоянно дежурили два вертухая в полной древнеримской выкладке.

Приходил лекарь, который вздрагивал при каждом движении пациента, из чего явствовало, что у него на лечении находились сейчас пострадавшие от руки пленника легионеры, и он был прекрасно осведомлен, при каких обстоятельствах они пострадали. Лекарь рекомендовал покой, свежий воздух

и немного вина на сон грядущий. Пациент вспомнил доктора из Москвы, который дал ему те же самые рекомендации две тысячи лет тому вперед...

Среди инструментов лекаря оказалось небольшое зеркало из когда-то отполированного, но теперь изрядно поцарапанного белого металла. В нем удалось разглядеть лицо молодого человека лет примерно тридцати. Красивое и мужественное, с большим горбатым носом, оно обрастало темной курчавой бородкой по периметру. Глаза были большими и то ли карими, то ли совсем черными, а вовсе не голубыми, как в нормальной жизни. Это лицо прекрасно подходило к новоприобретенному телу античного атлета. У Антона Сергеевича всегда была непримечательная светленькая славянская внешность, а этот, в зеркале, мог оказаться как благородным римлянином, так и галахическим иудеем.

Следующая неделя была довольно однообразна.

По утрам Антоний приходил в себя после «лечения» накануне – Тиберий очень серьезно относился к рекомендациям лекаря и лично контролировал вечерний прием «лекарства».

От нечего делать Антон Сергеевич предавался воспоминаниям, строил гипотезы о происходящем и о способах возвращения в привычную реальность...

В комнате Антония было окошко, настолько узкое, что в него невозможно было бы просунуть голову. Из него откры-

вался вид на море и кусок берега. Иногда по берегу проходили люди и лошади, а по морю проплывали суда: неторопливые торговые парусники, стремительные военные галеры и рыбацкие лодчонки без счета. Сквознячок, проникающий в окошко, обычно был свеж, но иногда нес в себе смрад мертвых обитателей моря.

Охранники, приставленные к узнику, на интерес и на деньги резались между собой в табулу – предтечу нарда. От скуки он научил их играть в шашки. На роль фишек отлично подошли камушки для табулы, поле же Антоний нацарапал на обратной стороне доски для этой игры. Новое развлечение произвело фурор в лагере. Вокруг игроков стали собираться свободные от службы легионеры и гражданский персонал гарнизона. Разобравшись в сути игры, они стали стаскивать скамейки и столы к обиталищу Антония и устраивать турниры. В процессе они азартно спорили и лезли в драку из-за разночтений в правилах, и «гостю из будущего» приходилось выступать в роли третейского судьи. Он также проводил сеансы одновременной игры, в которых неизменно выигрывал, чем снискал огромное уважение, и ему перестали поминать поверженных им товарищей. Антоний начал подумывать о том, чтобы познакомить этих людей с шахматами. Надо было только решить, как изготовить фигуры. Ему уже даже пообещали привести местного резчика по дереву, но дальнейшее развитие событий помешало этой идее сбыться...

Вечером его отводили на ужин к декуриону. И это было замечательно. Антонию нравились и кухня, и разговоры, которыми его угощали. Тиберию это времяпровождение тоже явно доставляло удовольствие.

Рабочая обстановка сдвигалась к стенам, а на центр комнаты ставили низкий квадратный стол и две кушетки, предназначенные для возлежания за трапезой. Хозяин и гость укладывались напротив друг друга. Эта позиция для принятия пищи не потребовала от Антония привыкания – сразу оказалась очень удобной.

Сначала Тиберий по-матерински радовался известиям о том, что его трофей идет на поправку. Потом они приступали к трапезе, обильно сдабривая ее вином.

Стол у Тиберия был прост, но основателен. К главному блюду, разнообразно приготовленному мясу, птице или морепродуктам, в качестве гарнира прилагались свежие и запеченные овощи и фрукты. К столу подавались также колбасы, ветчина и копчености. Как-то Антоний спросил у Тиберия, почему тот пренебрегает сырами. Римлянин сказал, когда отсмеялся:

– Честное слово, что-то серьезно повредилось в твоей бедной голове. Кто в здравом уме, кроме рабов и нищих, станет есть это испорченное молоко?

Десертами хозяин не баловал. Из напитков подавались исключительно вина. К этой части угощения Тиберий подходил с особым вниманием. Кроме ямы для шпионов, на тер-

ритории части был вырыт еще и винный погреб для его личных запасов. Там хранились амфоры и бочонки с коллекцией вин со всего света. Каждый новый подаваемый сорт Тиберий предварял исторической и географической справкой, органолептической характеристикой и рекомендациями по способу употребления: с какой пищей сочетать, чем и в какой пропорции разбавлять. Была у него и собственная метода сочетания вин с любовными утехами, которой он потоварищески делился.

В подпитии римлянин был горазд пофилософствовать, причем обнаруживал пытливый, живой ум, хоть и по-военному прямолинейный. Как Тиберий однажды поведал, в школу он не ходил, его образованием занимался домашний учитель-грек. Затем в школе всадников он получил кое-какие общие знания, кроме необходимых для военачальника. К тому же за семь лет службы в «этой дыре» он пристрастился не только к пьянству, но и к чтению. Он обожал щеголять эрудицией и обильно приправлял свою речь высказываниями греческих и римских философов.

Многое из того, что говорил Тиберий, вполне соответствовало образу мысли Антония. Иногда ему даже казалось, что он говорит сам с собой. Это могло бы утвердить эгоцентрическую теорию происхождения, но по некоторым вопросам они не сходились категорически. Главным источником разногласий были их прямо противоположные представления о справедливом государственном устройстве. Так, рим-

лянин искренне, с жаром отстаивал рабовладение. Он даже приводил цитаты каких-то древних демагогов, оправдывавших эту дикость.

Как-то раз у них состоялся такой разговор. После обстоятельной дегустации цекубского, под жареных раков и африканских улиток в уксусе, Антоний как бы между прочим предложил:

– Слушай, Тиберий, ты ж хороший человек... Почему бы тебе не отпустить меня на все четыре стороны?

– И куда ты пойдешь? Для тебя лучший выход сейчас – стать гладиатором. В твоём случае очень справедливы слова Квинта Секстия: освободить раба – все равно, что выгнать собаку на улицу, где ее ждут голод и смерть. А ты, со своими провалами в памяти, даже проголодаться не успеешь... Не любят у нас блаженных – на крест или копье в печень.

В другой раз они заспорили из-за высказывания, которое привел Тиберий:

– Раб мечтает не о своей свободе, а о своих рабах. Цицерон сказал! Не собачий член... Что означает: изжить рабство так же невозможно, как изменить природу человеческую.

– Ну... на каждого мудреца довольно простоты, – ответил на это Антоний. – И, вообще, мне кажется, он другое имел в виду...

– Подожди! Как ты сказал? – перебил его всадник.

– Что?

– Ну вот это... Каждый мудрец... довольно... прост. Нет,

не так... Скажи!

– А. Тебе понравилось? На каждого мудреца довольно простоты.

– Да. Это хорошо! Что-то как будто знакомое... Кто ска-
зал? Платон?

– Да нет. Александр.

– Македонский?

– Островский.

– Грек, что ли?

– Ну пускай будет грек...

– Не знаю такого... – недовольно пробурчал Тиберий. –
Так и в чем ты с Цицероном не согласен?

– Я не говорю, что не согласен. Я говорю, он другое имел
в виду. Что-то там... Подожди, я забыл, – Антоний сам на-
полнил кубки. Они выпили. – Да! Я понял, это ты причину
со следствием перепутал... Цицерон не имел в виду неиз-
бежность рабства. Он говорил о рабской психологии, кото-
рая является следствием, а не причиной рабства.

– А, может, это ты что-то перепутал? – глаза римлянина
начали наливаться кровью, кулаки сжались.

Антоний, как будто не замечая этого, спокойно продол-
жил:

– По-твоему получается... ну, как... утопист этот у Стру-
гацких рассуждал... У каждого свободного человека должно
быть не менее трех рабов.

Римлянин спросил угрюмо:

– Стругацкий? Опять грек?

– Ну пускай будет грек...

– Не знаю такого! – Тиберий с досадой пнул скамейку, стоявшую у него в ногах, она с грохотом ударилась о стену, отлетела ножка.

Происходящее напомнило Антонию сцену из культового старинного кинофильма. Он с трудом сдержал смех – не хотел еще больше разозлить кавалериста. Из вежливости, не от страха.

– Его пока никто не знает, даже такой ученый энциклопедист, как ты, – сказал он примирительно. И не удержался от переделанной цитаты: – Стругацкий, конечно, великий философ, но зачем же табуретки ломать?

Падкий на лесть Тиберий расслабился и пробормотал, скрывая улыбку:

– Да-а. А греки твои хоть и сильны в философии были, однако не сумели построить свою империю. До римского величия им далеко... Так проходит земная слава!

А еще как-то раз, пробуя выдержанное под лунным светом массивное, Антоний разошелся не на шутку и поведал Тиберию о своих взглядах на противостояние основных идеологических систем будущего...

* * *

Для представителя наук точных, политология, как дисциплина гуманитарная, столь же далека, как какая-нибудь история или филология. Но настоящий ученый должен обла-

дать системными знаниями, и так же, как не был Антон Сергеевич полным профаном в исторических периодах и не писал с ошибками, имел он и свое собственное, довольно оригинальное представление о геополитических процессах.

Он допускал, что в общественных науках, так же как в физике или химии, возможны эксперименты. По этому поводу у него даже была своя собственная *теория системной эволюции*.

Любое государство, по этой теории, можно рассматривать как лабораторию, в которой подтверждаются или опровергаются те или иные гипотезы, или как опытную станцию, в которой обкатываются политтехнологии. Люди волей или неволей участвуют в этих экспериментах в качестве подопытных. Эффективный подход к управлению массами может быть различным вплоть до противоположности.

Если есть страны социалистические и в них живут люди, имеются промышленность, наука и искусство, и есть страны капиталистические с населением, способным производить весь спектр необходимого жизнеобеспечения, и в обеих моделях все это достаточно стабильно и продолжительно — значит, обе системы жизнеспособны и имеют право на существование. Естественно, у обеих есть свои плюсы и минусы, одним странам они подходят больше, а другим меньше.

Все мировое сообщество участвует в глобальном историческом эксперименте, системной эволюции, в результате которой формируется общество будущего. Оно будет основыв-

ваться на более жизнеспособной из конкурирующих систем, а еще вероятнее – на их комбинации. На современном этапе исторического развития отрицать одну систему ради другой так же нелепо, как считать единственно верной евклидову геометрию и отрицать неевклидову.

* * *

Тиберий крепко задумался, а потом заявил:

– Разрешенное и защищаемое законом рабовладение куда честней этих твоих капитализмов и коммунизмов... Как ни называй раба, господином или товарищем, его ярмо от этого легче не станет!

III.

Гарнизон просыпался с первыми лучами солнца. Антония обычно будил Умбра – молодой раб, который выполнял обязанности денщика декуриона. Он был очень смугл, и его настоящее сарацинское имя для римлянина было слишком труднопроизносимым, поэтому Тиберий звал его просто Тень⁴. Появление в гарнизоне Антония добавило Умбре забот. Предварительно убедившись через щель между досками, что подопечный спит, раб открывал дверь, ставил корзину с завтраком на пол и кричал:

– Эй! Вставай!

Дверь захлопывалась с треском, лязгал засов – Умбра очень боялся узника.

В эти утренние часы Антон Сергеевич раз за разом пытался понять, что же все-таки с ним происходит. В конце концов у него оформились две рабочие гипотезы.

Раньше их было три, но гипотезу, названную им «Матрица», – попадание в виртуальную реальность – он отбросил сразу. Во-первых, потому, что технологий столь глубокого изменения сознания пока не существует, по крайней мере, насколько это известно ему, человеку сведущему и живо интересующемуся последними научными достижениями.

⁴ Umbra – *лат.* тень.

А во-вторых, даже если предположить существование таких технологий умозрительно, то кому может понадобиться так сложно и затратно залезать ему в голову? И зачем? На эти вопросы ответов не было. Времена, когда он был ученым, обладающим уникальными, секретными знаниями, давно прошли. Кому нужен одинокий, небогатый старик?

Из оставшихся вариантов первой рабочей гипотезой была – «Сумасшествие». То есть дурдом, санитары, палата, слюни до пупа... Тут все понятно. Сюда же он отнес галлюцинации, вызванные каким-нибудь внушением или наркотиками.

Вторая, «Сон»: в нее входили обычный сон, летаргический и кома. В самом начале из-за того, что все вокруг слишком реально и проснуться не помогают ни щипки, ни удары по голове, он отмел эту возможность... Но потом подумал: а вдруг это сон, в котором он себя щиплет или его бьют по голове? И гиперреалистичность эта абсолютно ничего не доказывает... Кто знает, как ощущает себя человек именно во время сна? Может, все вот так реально и воспринимается в момент просмотра, проживания сна, а потом, после пробуждения, мозг работает в совершенно другом режиме и человек может вспомнить только какие-то блеклые обрывки, которые воспринимаются нереально.

Что эти теории или гипотезы давали ему на практике? Ровным счетом ничего. Если какая-то из них верна и все вокруг создано его сознанием или, скорее, подсознанием, от него все равно ничего не зависит. Если это сон – значит, на-

до проснуться, но он не мог этого сделать по собственному желанию, как ни пытался. Так же, как не мог усилием воли выйти из комы или прекратить сходить с ума...

И если разобраться, а так ли ему это надо? Вернуться к стариковским соплям в акведуке, бессоннице или жутким утренним пробуждениям, когда состояние такое, как будто всю ночь пил плохую водку, а потом еще по спине ногами били...

Здесь он здоров, молод, участвует в увлекательном действе: древняя Иудея, римские легионы, гладиаторские бои, Понтий Пилат... Хотя, конечно, жутковато, но есть и какая-то отрешенность, как будто со стороны на себя смотришь. Кино такое, триллер интерактивный. Или в видеоигру от первого лица играешь.

Но как если не прекратить это состояние, то хотя бы понять, что с ним такое происходит? Казалось, что решение рядом, но оно никак не могло оформиться во что-то конкретное...

В день испытания Антония почему-то никто не разбудил. Проснулся он оттого, что солнце, проникнув через окошко, стало припекать спину. Значит, он проспал на пару часов дольше, чем обычно; солнечный луч добирался до кровати, когда Антоний уже успевал позавтракать и порядком соскучиться от безделья.

Несмотря на выпитое за ужином накануне, он чувствовал себя превосходно, как никогда раньше в реальной жизни. «И

это после недели ежевечерних возлияний...», — отметил про себя Антоний. Голова уже совсем не болела. И какое же это было наслаждение — каждой клеточкой организма ощущать молодость и радость жизни! А еще воздух... Дивный аромат начала первого тысячелетия, не испорченный ни единой искусственно синтезированной молекулой.

Каким бы прожженным материалистом не был человек, все равно он жаждет чуда. Может, даже наоборот — чем больше не верит в возможность антинаучных событий, тем больше ждет их, тем больше будет рад, если таковые произойдут. Вот и Антон Сергеевич перестал отдавать себе отчет в происходящем и поддался непонятно кем подаренным ему ощущениям силы, молодости и веселья, ощущаемых в абсолютно невероятных обстоятельствах...

Он с хрустом потянулся и вскочил на ноги.

По поводу предстоящего испытания Антоний особенно не волновался. Его физические возможности были так же необычайны, как и окружающая его реальность. Сила в новом теле была огромная, но не сверхчеловеческая. Как-то в гостях у Тиберия, желая удивить хозяина и самого себя, он ухватил одной рукой массивное кресло за переднюю ножку и оторвал от пола. Тиберий пришел в бурный восторг и предложил выпить за нового Геркулеса. Но когда Антоний попытался проделать то же самое со столом, у него ничего не вышло, разве что посуда попадала.

Еще он обрел ловкость циркового артиста. Мог ходить на

руках, например, и это получалось почти так же естественно, как и обычным способом. Однажды, наблюдая за тренировкой легионеров в стрельбе из лука, Антоний заключил пари с Синим Подбородком, что сможет поймать летящую стрелу. И это ему удалось с первого раза! За что проигравший получил такой щелчок, что на лбу у него в качестве дополнительного украшения вздулась заметная шишка – Антоний недооценил силу своих пальцев. Теперь ему сложно было смотреть на этого человека, не испытывая смущения: мало было нижней челюсти, так еще и пунцовая гуля на лбу... Самого пострадавшего это, кажется, нисколько не смущало – многие здесь носили на лицах следы суровых солдатских тренировок.

Умение владеть оружием, которое обнаружилось у акведука, также добавляло уверенности, что сегодня он не будет мальчиком для битья. Тиберий тоже не сомневался в его талантах. Когда Антоний попросил декуриона разрешить ему упражняться с легионерами, тот отказал: «Зачем? Покалечишь мне еще кого-нибудь. И так из-за тебя распорядок стражи менять пришлось. Двое, с которыми ты поупражнялся у акведука, до сих пор не могут нести службу».

Откуда взялись у фантомной сущности боевые навыки, было совершенно непонятно. Единоборствами Антон Сергеевич никогда серьезно не занимался.

* * *

В седьмом классе отец отвел его на секцию бокса. Он объ-

яснил сыну, что не ждет от него олимпийских медалей, но: «Каждому мужику нужно удар поставить!»

Антон очень быстро убедился, что единоборства – это не его конек. На первой же тренировке произошел следующий казус. Вдоль стены спортзала стояли деревянные скамейки. Тренер скомандовал всем встать на них и объявил, что хочет узнать, кто дальше всех прыгнет. Антон неплохо прыгал с места на школьных уроках физкультуры и решил, что не ударит лицом в грязь. По свистку он очень мощно толкнулся и полетел вперед. Вдруг в голове как будто что-то взорвалось, и страшная сила отшвырнула все тело назад. Он упал на спину и на какое-то время лишился чувств. Когда он пришел в себя, над ним колыхалось озабоченное лицо тренера, а ребята из группы толпились вокруг, многие смеялись. Оказалось, напротив того места, с которого стартовал Антон, висела груша, причем достаточно далеко, так, что не выглядела препятствием... Это был первый нокаут.

Через пару недель тренировок у новичков должны были пройти первые спарринги. В группе был один странный тип. Угрюмый и немногословный, имел он мощные, заметные трицепсы при почти полном отсутствии бицепсов, и грудные мышцы, развитые настолько, что утягивали плечи вперед, заставляя сутулиться. Кто-то спросил его, как так вышло, и странный тип неохотно рассказал, что дома у него есть гантели и он, перед тем, как пойти на бокс, около года упражнялся, тренируя только мышцы-разгибатели, потому что по

его теории так «удар мощнее будет».

«Трицепс» достался Антону в качестве партнера. «Разгибательная теория» оказалось верной: не прошло и минуты, как Антон получил в нос, да так, что он снова оказался в нокауте. Он не упал, но руки его сами собой опустились, как будто перчатки стали весить по центнеру, а из уст его произвольно вырвалось слово: «Мама». Когда «маменькиного сынка» привели в чувство выяснилось, что кругом опять смеются, а носом у него идет кровь и никак не хочет останавливаться. Тренер отправил его к врачу; прямо в СДЮСШОР⁵ был свой медицинский кабинет.

Врач набил до отказа носовую полость Антона ватой и объяснил, что у мальчика хрупкие сосуды и располагаются они очень близко к поверхности слизистой оболочки, а это значит, что вероятность кровотечений у него очень высокая. А еще доктор рассказал, что каждый нокдаун, а тем более нокаут, вызывает кровоизлияние в мозг и как следствие – гибель нервных клеток серого вещества, поэтому боксеры такие тупые и редко получают высшее образование.

Слова доктора глубоко запали в душу подростка. Выходило, что, когда он получал удар в голову, и клетки мозга его отмирали, он терял часть себя. Становился уже не таким умным и обучаемым, как раньше, память его ухудшалась.

И внял тогда Антон гласу судьбы, просто-таки вопиющей:

⁵ СДЮСШОР – сокр. [специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва](#).

«Брось ты это занятие! Вокруг и так множество поводов случайно получить по кумполу, так зачем же делать это целенаправленно?!» Эта тренировка стала для него последней.

И потом, в дальнейшей жизни, в случае возникновения конфликта, могущего закончиться повреждением серого вещества, старался Антон разрешить ситуацию дипломатическим путем, а если не получалось, шел на уступки или покидал опасную зону быстро переставляя ноги. Дрался всего пару раз, когда убежать было невозможно по соображениям чести.

* * *

Антоний умывался в тазу, когда загредел засов и дверь распахнулась. На пороге стоял Тиберий при полном параде: блестящий чешуей кавалерийский доспех и алый плащ с золотым кантом. Явно пребывая в хорошем настроении, он выбросил руку в приветствии, которое впоследствии будут использовать нацисты, и крикнул:

– Аве, Антоний!

– И тебе аве, Тиберий, коли не шутишь! – Антоний тоже вытянул руку, брызги с нее полетели в лицо декуриона.

– Пора, – утираясь шейным шарфом, сказал тот. – Завтрак получишь после испытания. Поверь мне, так будет лучше. Я специально дал тебе поспать подольше и не накормил. Так ты будешь легче и быстрее.

– Ну да... Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела.

– Метко сказано. Сам придумал?

– Нет. Один негр.

Древний нацист пожал плечами, явно не поверив.

Дав Антонию закончить туалет, Тиберий повел его в ту часть двора, где легионеры обычно упражнялись в фехтовании на палках. В тени забора собрался весь гарнизон кроме тех, кто был в дозоре, и еще человек двадцать пришлых.

При их приближении от толпы отделились двое. Один – двухметровый обезьяноподобный тип с явной передозировкой гормона роста. У него были мощные надбровные дуги, огромные нос и подбородок, а также руки, которые, казалось, могли полностью обхватить человека за голову, оторвать ее и зашвырнуть куда-нибудь на Кипр. Другой – лысый толстяк, завернутый в синюю, вышитую золотом простыню. Вообще золота на нем было очень много: пряжки; цепь с такими мощными звеньями, как будто на ее конце должен быть якорь; широкие, как части доспеха, браслеты; перстни чуть ли не на всех пальцах и даже застёжки на сандалиях.

Тиберий спросил, обращаясь к толстяку:

– Скажи, Гней, а почему ты не привел слона или носорога?

– Ты сказал, декурион, что у тебя есть что-то особенное, я не знал, чего ожидать... – ответил толстяк густым поставленным голосом. Затем смерил Антония взглядом с ног до головы. – Если твой заморыш выстоит против моего чемпиона минуту, я заплачу тебе за него тысячу динариев, как за хорошую лошадь.

– А если он победит? – без особой надежды, как бы на

всякий случай спросил Тиберий.

— Если такое случится, вопреки очевидной воле богов и природы, я дам за него пять тысяч, — с усмешкой ответил ланиста.

— Десять! — у кавалериста загорелись глаза. — Десять тысяч динариев. Ты сам хвалился, что отказал Ефраиму, когда тот предлагал двадцать за Хагана, — он указал пальцем на гиганта. — Разве его победитель не стоит хотя бы половины этих денег?

Последнюю фразу он адресовал толпе, та зашумела одобчительно.

— Хорошо, — сказал ланиста после непродолжительного молчания. — Этот торг все равно не имеет смысла... Но что будет, если он не выстоит и минуты?

— Я отдам тебе его даром! — выпалил разгоряченный декурион.

Ланиста склонил голову в знак окончания переговоров и достал из складок плаща водяные часы, естественно, золотые. Умбра побежал к колодцу набрать в них воду.

Тиберий негромко сказал Антонию:

— Скорее всего, это не поможет, но я все равно желаю тебе удачи!

Кто-то нахлобучил на голову Антонию легионерский шлем, кто-то сунул в левую руку кавалерийский овальный щит, а в правую — полуметровую палку с поперечиной для защиты кисти. Кто-то подтолкнул на несколько шагов впе-

ред.

Гигант, с такой же палкой и прямоугольным щитом высотой в две трети его роста, занял позицию напротив.

Антоний припомнил бой возле акведука. Тогда все случилось как бы само собой: он видел противников, как они двигаются, где открываются для удара, когда нужно блокировать, когда – уворачиваться. Сейчас он совершенно не имел никакого представления о том, что нужно делать... Оставалось только положиться на импровизацию.

– Начинайте! – зычно крикнул ланиста и махнул рукой.

Гигант взревел и побежал прямо на соперника, прикрываясь щитом. Антоний просто отошел в сторону, с которой был щит противника. Хаган по инерции чуть не пролетел мимо, но, надо отдать ему должное, успел отреагировать и, резко развернувшись на ходу через правое плечо, попытался нанести удар наотмашь. Но Антоний в последний момент пригнулся, и палка просвистела в сантиметре над шлемом. Он на секунду потерял противника из виду и, когда поднимал голову, получил мощный толчок, сразу выбивший из руки «меч» и отбросивший его самого на пару метров. Опытный гладиатор продолжил вращение корпуса и ребром тяжелого щита смел его, как былинку. Антоний зарылся в песок лицом, шлем покатился дальше. Толпа разочарованно загудела, но испытываемый тут же вскочил на ноги. Удар был не настолько резким, чтобы отключить сознание, но правое плечо онемело совершенно. Гигант уже снова летел на него, подни-

мая клубы пыли. Антоний на этот раз ушел из зоны поражения, перекатившись по земле через руку со щитом. На этот раз бешеный локомотив пронесся мимо, не нанеся урона.

Это повторилось еще несколько раз. Гигант бросался в атаку, желая добить противника и уложиться в минуту, Антоний, лишенный возможности двигать правой рукой, уворачивался, отпрыгивал и перекашивался, пару раз отразил удар палки щитом. Казалось, конца этой минуте не будет, но последняя капля, знаменующая собой ее окончание, все-таки упала. Ланиста крикнул:

– Стой! – и хлопнул в ладоши.

Бойцы остановились, переводя дыхание. Толстяк обратился к Тиберию:

– Ну что? Свои деньги ты уже заработал. Может, хватит? Дальше будет избиение.

– Ты можешь продолжать? – спросил Тиберий у Антония. Тот потряс рукой – чувствительность возвращалась.

– Я еще не начал! – услышал сам себя Антоний, и все-таки Умбра вставил «меч» в его руку.

Он не совсем понимал, зачем ему нужно это продолжение, но на него уже накатила та самая волна бешенства, как тогда в акведуке...

– Начинайте! – снова крикнул Гней.

На этот раз Хаган не спешил, видимо, решил действовать наверняка. Но Антоний полностью контролировал ситуацию, кружась вокруг противника. Фехтовальные выпады

он блокировал «мечом» или щитом, от ударов щита соперника легко уходил – они были медленные и просчитывались сильно загодя. Гигант стал выдыхаться и явно злился, все меньше уделяя внимание обороне, а Антоний не спешил... И вот, когда противник провалился в пустоту после очередного замаха щитом и оставил голову открытой, Антоний всю душу вложил в удар, который пришелся прямо в огромное ухо. Палка разлетелась в щепки, но свое дело сделала – оглушенный гигант зашатался. Глаза его двигались независимо друг от друга, руки опустились. Оказалось, что за время сражения бойцы сместились к колодцу, который теперь был прямо за спиной у Хагана.

Шальная мысль пронеслась в мозгу Антония. Он закричал: «Это Спарта!» и ударом ноги в грудь перекинул противника через каменное ограждение колодца. Раздался шумный всплеск и сразу за ним – восторженный крик толпы. Громче всех кричал Тиберий.

Когда выловленный из колодца гигант со свирепой миной пошел на Антония, разговоры вокруг стихли. Он остановился в паре метров, сжимая и разжимая огромные кулачищи, потом сказал:

– Не советую никому пить из этого колодца! Мне почудилось, что лечу в преисподнюю. Я испугался... – распылил огромный рот и хрипло захохотал. Это было так внезапно и заразительно, что через мгновение захохотал и сам Антоний, а затем и все окружающие.

2.

Основной проект его лаборатории назывался «Буратино», и подчиненные, среди которых были люди значительно старше него, звали Антона Сергеевича за глаза «папа Карло». Под тем же прозвищем он проходил и в секретных отчетах КГБ. ИИ⁶ разрабатывался для управления системами наведения высокоэнергетическими боевыми лазерами, которые должны были противостоять военно-космическим спутникам системы противоракетной обороны США.

«Буратино» существовал как гибридное биоэлектронное устройство. Его начинка состояла из таких же транзисторов, резисторов и конденсаторов, что и у всех передовых ЭВМ того времени. Были, конечно, кое-какие технические находки несколько опережающие свое время, но основной его принципиальной особенностью являлась биологическая основа, состоящая из живых человеческих нервных клеток.

Антон был связан с ним буквально кровно: он как идейный вдохновитель, «отец» проекта, стал донором стромальных стволовых клеток. Их культивировали до нужного количества, затем путем направленной дифференцировки получили нейробласты⁷, высадили их в микроскопические трех-

⁶ ИИ – сокр. искусственный интеллект.

⁷ Нейробласт – клетка-предшественник нейрона.

мерные соты, где в специальной питательной среде они «повзрослели» до нейронов и проросли взаимными связями, образуя узлы. Из нервных узлов составили три блока: сенсорный, моторный и ассоциативный. В каждом из них нейронов было в три-пять раз больше, чем в среднестатистическом человеческом мозге.

Оставалось лишь дожидаться момента, когда количество перейдет в качество...

Почти два года «Буратино» никак не проявлял себя как личность. Электронная часть его работала превосходно, щелкая сложнейшие математические задачи, как орехи, но нейронная «душа» молчала. «Карло» переживал как родитель, ребенок которого слишком долго не говорит. Не болен ли он, не отстает ли в развитии?

Каждый день «Карло» по несколько часов зывал к ИИ через клавиатуру – единственный пока «орган чувств». Он снова и снова вводил текст: «Буратино, ты слышишь меня? Это папа».

«Папа» Антон добавлял не из сентиментальности, а как позывной, чтобы ИИ мог его персонифицировать.

И вот однажды, когда даже сам Антон отчаялся, устав от разочарованных взглядов генерала-куратора, от страха, что проект вот-вот прикроют, от расспросов жены, из вежливости делающей вид, что все еще верит в его успех... в один тоскливый осенний вечер, когда по черным окнам лаборато-

рии текли потоки воды, как будто оплакивая карьеру молодого ученого, полено заговорило...

Антон набрал на клавиатуре: «Буратино, сынок, черт тебя раздери, ответь уже, наконец!!! Слышишь ты меня, потрох сучий? Это твой несчастный папа, которого скоро отправят на свалку из-за того, что ты, хренова куча металлолома переложенная разжиженными мозгами, уже два года молчишь, как дохлая рыба. Этим же идиотам не объяснить, что ученого, как и художника нельзя торопить ни в коем случае! Тем более ставить перед ним какие-то дурацкие сроки...» Потом нажал кнопку «ВВОД», и на мониторе загорелся этот полный отчаянья текст.

Вдруг курсор сам перепрыгнул на следующую строчку, помигал, и... одна за другой зажглись зеленые буквы: «П», «А», «П», «А». Антон чуть не потерял сознание, когда осознал, что произошло.

За следующий год своего уже осмысленного существования «Буратино» по оценкам психологов превратился из годовалого младенца, в восьмилетнего ребенка. Смышленного и чрезвычайно развитого. Развитого... это слово на самом деле не совсем корректно применимо к сущности, обладающей огромным количеством фактический знаний и способной решать сложные логические, тактические и стратегические задачи. А если для решения требовались вычисления, они производились со скоростью одного из мощнейших суперкомпьютеров мира. Вундеркинд!

К московской Олимпиаде-80 для Антона все сложилось так, как, наверное, и должно было быть. В двадцать восемь – доктор наук, начальник лаборатории в секретном НИИ. Жена-домохозяйка, личный водитель, трехкомнатная квартира на Кутузовском, государственный коттедж в области рядом с работой и весьма достойный по тем временам оклад. Антон не пил, не курил, плавал в бассейне и играл в настольный теннис.

Он родился и благополучно жил в социалистическом государстве, но это вовсе не означало, что он был фанатично предан линии партии и правительства и не видел недостатков существующего строя. Его удивляло и возмущало то, во что вылились достижения Великой революции всего через несколько десятков лет: коррупция, лицемерие, инертность государственной машины. Тупой фанатизм большинства и маниакальный оптимизм пропаганды. Прекрасные идеи превратились в унылую, беспросветную рутину...

Сама идея социализма его вполне устраивала. Централизованный контроль над природными ресурсами и промышленностью может не устраивать только мерзавцев, которые хотят все это присвоить. Ничего плохого не видел он и в коммунистической идее. Отсутствие института государства, презренных денег и социальное равенство не радуют только эксплуататоров и спекулянтов. И принцип «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!» его все-

цело устраивал. Это выглядело как вызов: все твои материальные запросы будут удовлетворены, гражданин, но что ты сможешь предложить взамен? А у него было, что предложить...

Он был бы окончательно и бесповоротно счастлив, если бы не одно обстоятельство: жена задалась целью привить ему любовь к классической музыке. «Антон, – говорила она, – ты не можешь считать себя интеллигентным человеком и не любить Стравинского!» А он не любил... Почти еженедельные посещения театров и консерваторий были ему в тягость. Тем более, что предпочитала она классику весьма необычную: модернистскую, экспрессионистскую и сюрреалистическую, которая для слушателя неподготовленного звучала, скорее, как какофония. Но постепенно он научился, глядя то на ожесточенно размахивающего руками дирижера, то на люстру, то на одухотворенный профиль жены в полутьме бархатной ложи, то на ее декольте, вздымающееся в такт музыке, млеть и впадать в блаженное оцепенение.

IV.

Через день бывший заведующий лабораторией по разработке искусственного интеллекта стоял в ряду скудно одетых и разнообразно вооруженных людей, построенных на песке напротив заполненных народом трибун кесарийского ипподрома. Перед строем важно прохаживался толстяк-ланиста и вещал:

– Я, Гней Берцеллиус, владелец лучшей школы гладиаторов в этой части подлунного Мира, с гордостью представляю вам, о славные кесарийцы и гости столицы Иудеи, своих бойцов! – Тут он сделал паузу, пережидая реакцию трибун. Судя по восторженным воплям, зрители были очень хорошо знакомы и с ним самим, и с его школой. – Начну с тех, кого мне не жалко будет потерять сегодня, – он подошел к кучке негров в набедренных повязках, стоящих на левом фланге. – Если сегодня они пойдут на корм хищникам, я не буду плакать. Ибо мясо четвероногой скотины стоит дороже мяса скотины двуногой, которое не поставишь на стол, чтобы насытить семью и гостей. Хотя в племенах, родом из которых эти ленивые бездельники, оно и почитается деликатесом.

В этом месте он сделал паузу, чтобы дать возможность зрителям оценить шутку. По рядам прокатился смех, слышались крики:

– Туда им и дорога!

– А что? Звери, они тоже есть хотят!

Дав трибунам уgomониться, толстяк продолжил:

– Однако и среди отбросов попадаются примечательные экземпляры. Например, вот это дитя саванны, – он указал на длинного, поджарого, покрытого ужасными шрамами негра с суковатой дубиной в руке. – На прошлых играх он голыми руками разорвал пасть тигру, а после зачем-то попросил подать себе на ужин жаркое из его... как называют эту часть тела греки – фаллоса. А я, к вашему сведению, придерживаюсь старой традиции – потчевать гладиаторов, одержавших победу, чем они пожелают. Но в пылу битвы он не разглядел, что это была тигрица... Чтобы не огорчать беднягу, я приказал приготовить ему орган его коллеги, погибшего в тот день на арене... Смотрите, скалитесь, понимает, что говорят про него. За пять лет так и не освоил латыни, глупая обезьяна!

Пока трибуны радовались простоте африканца, ланиста перешел к паре с трезубцами в руках и рыболовными сетями, закинутыми за спину. Они выглядели так, как будто собирались охотиться на самого морского дьявола.

– А вот эти парни мне уже по-настоящему дороги, ведь именно они будут кормить меня рыбой и кракенами, когда я удалюсь на покой. В том, что они доживут до этих благоденственных времен, я почти не сомневаюсь – такие они славные воины. Вот этот красавец, Агмон, грек по происхождению, потомок Посейдона, в одном бою запутал в сети и затем пронзил насквозь троих мурмиллонов нашего досточтимого

ланисты Ефраима, – и он насмешливо посмотрел на своего коллегу, стоящего в тени трибун вместе с другими ланистами. Тот попытался возразить, но его голос потонул в криках толпы, очень хорошо помнящей подвиг ловкого эллина...

Пока ланиста рекламировал свой товар, попутно не забывая поносить конкурентов – таких же торговцев человеческим мясом, как и он сам, Антоний осмотрелся.

Ипподром растянулся вдоль моря с севера на юг. Западная сторона его была ограничена лишь невысоким каменным парапетом, за которым блесло море. Вдоль парапета примерно через каждые десять метров стояли солдаты с копьями и красными щитами с золотыми молниями на них. Южная и северная трибуны полукружьями охватывали засыпанное песком поле и разделялись воротами. В середине восточной были три арки, ведущие в помещения под трибунами, где находились специальные загоны для животных и гладиаторов. Над арками – богато украшенный имперскими вымпелами балкон под красным балдахином. На балконе можно было рассмотреть людей, по большей части одетых в белое. Среди них сиял золотом панцирь, надо полагать, самого Понтия Пилата. На скамьях по сторонам от VIP-ложи алели военные плащи. Дальше всеми цветами ярко пестрели одежды зажиточных граждан, еще дальше растеклась серая пелена бедняцких дерюг. За восточной трибуной возвышалась стена с колоннадой, укрывающая зрителей своей тенью. На ней – бронзовые фигуры античных богов и героев.

Ипподром изначально строился не для проведения гладиаторских боев, а только для скачек, поэтому с мест, расположенных далеко от его центра, едва ли можно было хорошо разглядеть, что происходило перед прокуратором и его приближенными; но тем не менее они были заполнены. Антоний припомнил, как Тиберий рассказывал, что в Кесарии есть амфитеатр, но он слишком мал и подходит только для театральных представлений.

Дул легкий бриз. Когда он замирал, из-под трибун начало нести зверинцем – кошачьей мочой, лошадиным и человеческим потом.

Тем временем ланиста оказался совсем близко к тому месту, где стоял новичок:

– ...дорог мне как родной сын. Трижды был триумфатором в Римском Колизее. Мечтает победить он и здесь, ибо прокуратор дарует свободу победителю. Таково условие этих Великих Игр. Слава великому Понтию Пилату несущему Иудее благоденствие и просвещение! – последние слова Берцеллиуса потонули в восторженном реве трибун. Переждав его, ланиста продолжил с укоризной: – Эх, сынок... Разве плохо живется тебе в моем доме? Что будешь делать ты на свободе? Ты же больше ничего не умеешь, кроме как драться и пить вино с девками!

Эти слова относились к поверженному накануне гиганту, германцу Хагану, который стоял по левую руку от Антония. На нем был роскошный шлем с гребнем в виде позолочен-

ного грифона с крыльями из черных перьев. В ответ на приветственный гул и хохот трибун гигант выхватил из ножен меч, потряс им над головой и взревел, как голодный Минотавр. Оружие в его ручище казалось игрушечным.

Ланиста, заканчивая представление своей школы, самым последним познакомил зрителей со своим новым приобретением:

– И, наконец, Урсус Мартан! Человек без прошлого. Опасный сумасшедший. Неделию назад обнаружен патрулем возле акведука. Его попытались задержать, но он, будучи безоружным, легко одолел пятерых легионеров... Один из них теперь мертв. Мир праху его...

Паузу, которую подвесил ланиста, заполнили возмущенные крики и проклятия зрителей.

– Если бы не ловкость и мужество досточтимого декуриона Тиберия Порциуса, он бы скрылся в ночи и скольким еще суждено было бы погибнуть от его руки... Солдаты хотели растерзать его на месте, но мудрый военачальник рассудил, что тогда вы, о славные римляне и граждане Иудеи, лишитесь наслаждения лицезреть, как бешеного зверя в человеческом обликии предадут смерти у вас на глазах.

Гней предупреждал Антония, что представит его в самом гнусном свете, чтобы добавить интриги представлению. Для этого римское имя подходило мало, и ланиста предложил гладиатору самому придумать себе псевдоним.

– Ну пускай будет Урус Мартан... – Антоний вспомнил

название населенного пункта, которое с детства ассоциировалось у него со сказочным царством, населенном злобными орками.

– Отлично! – пришел в восторг ланиста. – Только не Урус, а Урсус. Медведь!

Усилия ланисты не прошли даром. Урсуса мгновенно возненавидели, кто-то из красных плащей предложил немедленно предать его смерти посредством лапидации – побивания камнями, не дожидаясь начала игр. На арену немедленно полетели разнообразные предметы. В основном они падали, далеко не долетая до шеренги гладиаторов. Но один – какой-то плод, пущенный верной рукой – попал бы Урсусу прямо в голову, если бы тот не отбил его щитом. Другой угодил в ногу Хагану. Тот выругался на своем родном языке, как будто пролаял. Чтобы достойно закончить представление школы, Гней велел увести Урсуса под трибуны.

Ждать вызова на арену Урсусу пришлось долго. Гладиаторов вводили по очереди, но обратно никто не возвращался, для уцелевших в бою был предназначен другой загон, раненых и убитых волокли в третий.

За это время он успел проанализировать свои чувства. Больше всего поражало почти полное отсутствие страха; немного сосало под ложечкой, так бывает, когда сильно раскачаешься на качелях и летишь вниз, но это чувство было скорее приятным.

Потом понял: с тем, что недавно пришлось перенести в настоящей жизни – смертельный диагноз, опасная операция – происходящее не шло ни в какое сравнение. Что ему угрожало здесь? Что будет, даже если он погибнет в этом сне? Может, просто переместится в другой сон, а может... наконец проснется! По-настоящему умереть во сне от видения смерти – это нонсенс. А с другой стороны, кто знает, как умирают во сне? Ведь можно же реально сходить под себя, если приснится унитаз... было такое несколько раз, в детстве, потом он научился различать подвох и вовремя подскакивал. Несколько раз ему снилась смерть. Но ни разу до конца. Он просыпался от ужаса за мгновение до столкновения с землей или попадания в него пули.

Вот только боль была здесь реальна... Но он надеялся избежать ее, используя преимущества своего нового тела.

В загоне остались только Урсус и Агмон – тот самый ретарий, грек, потомок Посейдона. Он несколько раз хотел заговорить с Урсусом, даже раз-другой открывал рот, но останавливался. Наконец, не выдержав, спросил нарочито развязным и безразличным тоном:

– Эй, Урсус! А что это там говорил про тебя Гней? Вроде ты легионера убил... Это правда?

Урсус вспомнил недавнее осуждение толпы и решил слукавить:

– Нет. Он все выдумал. Чтобы придать остроты блюду, в котором меня подадут...

Агмон усмехнулся.

– Судя по всему, ты умеешь обращаться с оружием. Иначе отправили бы тебя к животным в самом начале, чтобы раздражить аппетит, а не держали бы тут, вместе со мной, до самого конца. На сладкое.

– Может, ты и прав... – поскромничал Урсус.

– Ты служил в армии? Участвовал в кампаниях? – уже не сдерживал интереса грек.

– Да так... писарем при штабе легиона... – отпустил новичок шутку, понятную здесь только ему.

– Не хочешь говорить? Ладно... – Агмон насупился. – Но знай: про меня Гней рассказал правду. И моя рука не дрогнет, писарь.

После небольшой паузы он добавил, уже вполне добродушно:

– Знаешь, по поводу убийства легионера... Это необязательно скрывать: многим такой поступок покажется подвигом, а не преступлением.

Урсус заинтересовался:

– А тебе чем он кажется?

– Как сказать? Не так давно Греция была великой державой, сейчас – бедная римская провинция, – Агмон грустнел на глазах. – Не так давно греки восставали против императора Октавия, а до этого против самого Цезаря, но терпели поражение за поражением, утрачивая гордость и уважение всего мира...

– Ну да. Все это, наверное, очень неприятно, – рассеянно заметил Урсус.

От беседы его отвлекла пронзительная мысль: совсем скоро ему придется драться с этим юношей, который ничего, кроме симпатии, у него не вызывает, и либо убить его, либо позволить ему убить себя. В первом случае, как он сможет себя оправдать? Тем, что люди вокруг ненастоящие? Но это хорошее утешение только для какого-нибудь поехавшего маньяка... Или тем, что его окружают дикие по своей сути люди? Они, хоть и любят цитировать классических философов-гуманистов, но при этом оправдывают убийство и рабство, а следовательно, сами достойны смерти. Но похожие мысли наверняка посещали чингисханов и гитлеров всех мастей... И чем отличается убийство в этой реальности от убийства в мире, к которому он привык? По сути, ничем. Для себя он будет таким же убийцей, каким был бы в обычной жизни.

Пока Антон Сергеевич все это с тревогой осознавал, за Урсусом пришли и отвели в соседнее помещение. Там быстро, как гоночный болид на пит-стопе, снарядили. Раздели до набедренной повязки и поверх нее нацепили пояс с широким кинжалом. На левую ногу и правую руку привязали кожаные доспехи. На голову надели шлем с забралом из сваренных друг с другом колец. Выдали двухметровое копье с листовидным наконечником и круглый толстый щит. Затем поставили в одной из арок под балконом, ждать своего вы-

хода.

Отсюда открывался лучший вид на место, где только что началась схватка. Хаган сражался с дюжим бойцом из другой школы. Тот был сложен более спортивно, но несколько уступал в размерах гиганту. Оба были вооружены короткими мечами. У Хагана был тот же самый большой прямоугольный щит-скутум, что и на испытании в гарнизоне, у его противника – овальный, с выемками по бокам. Германец двигался нарочито лениво, Урсус знал, что тот может быстрее. Чужой плясал вокруг него, периодически совершая быстрые выпады, но, даже не пытаясь завершить их, быстро отступал. Когда Хаган делал шаг навстречу, его противник отскакивал, как будто боялся. Зрители скоро начали возмущенно гудеть и улюлюкать. Из средней арки, где, видимо, находились ланисты, донеслись отрывистые команды.

Тогда чужой вдруг осмелел и пошел в размен ударами. Это было для него явно невыгодно – Хаган бил намного мощнее. От овального щита полетели щепки, и в конце концов он развалился пополам. Гладиатор замешкался, сбрасывая остатки щита с руки, и в следующий момент был снесен фирменным ударом Хагана – ребром щита. Он без чувств грохнулся на песок. Ипподром загудел умеренным восторгом. Хаган пинком перевернул побежденного на спину и поставил ногу ему на грудь. Голова бедняги запрокинулась, из-под шлема показалось незащищенное горло. Победитель перевел взгляд туда, где в ложе сидел прокуратор, и застыл.

Зрители смолкли совершенно. Через мгновение они разочарованно загалдели, а Хаган убрал ногу с противника и пошел под трибуны. Поверженный зашевелился и попытался встать, к нему подбежали двое служителей из его школы, чтобы помочь убраться с арены.

«Оказывается, все не так сурово. Реслинг какой-то...» – подумал Урсус с облегчением.

Через минуту к нему подошел ланиста, придвинул свое лицо вплотную к забралу, озабоченно заглянул в глаза, крикнул «Вперед!» и звонко шлепнул по голому плечу.

Выполняя отработанный на тренировке алгоритм (Гней тренировал с новичком только начало и конец боя, видимо полагая, что к основной части тот готов совершенно), Урсус выбежал рысцей на арену, развернулся лицом к балкону и, вторя Агмону, которого выпустили одновременно с ним, прокричал:

– Аве, прокуратор! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Агмон по сравнению с Урсусом был экипирован гораздо легче. Это давало ему преимущество в подвижности, но единственным защищенным местом у него была левая рука. Кожаный наруч шел от запястья до локтя, плечо закрывал металлический щиток, за которым при желании можно было спрятать шею и низ лица. Остальное обмундирование состояло из набедренной повязки с поясом, на котором висел такой же кинжал-пугио, как у Урсуса. Вместо копья у него был трезубец, а вместо щита – привязанная к левой руке сеть.

Загудели трубы. Толпа на трибунах стихла. Со стороны центрального балкона начал вещать глашатай:

– Первый день игр закрывают гладиаторы школы Гнея Берцеллиуса. По левую руку от прокуратора – хорошо знакомый всем Агмон! Ретиарий, – в толпе поднялся одобрителный гул, люди выкрикивали имя гладиатора сорванными за день голосами. Губы молодого грека, вопреки усилиям выглядеть сурово, растянулись в улыбке. Дав толпе успокоиться, глашатай продолжил: – По правую руку от прокуратора – никому не известный воин. Его прошлое неведомо даже ему самому. Урсус Мартан! Гопломах.

Трибуны безмолвствовали. И только кто-то из завернутых в красное крикнул:

– Сдохни! Убийца легионеров!

Выдержав паузу, Понтий Пилат махнул рукой. Снова взревели трубы. Грек сразу повернулся и, потряхивая рукой с сетью, по-кошачьи плавно двинулся вокруг Урсуса. Трезубец он держал на уровне пояса и делал им откровенно ложные выпады. Урсус просто разворачивался к нему лицом и выжидал. Он чувствовал себя гораздо более защищенным и не понимал, какую угрозу может представлять для него этот мальчишка с вилами и авоськой. Не имея возможности парировать удары, грек мог только уворачиваться. Урсус сделал несколько выпадов в его сторону – ретиарий реагировал молниеносно. И надо отдать ему должное, в этом он был максимально непредсказуем: пригибался, отскакивал назад или в

стороны, один раз даже перекатился по песку. Этот не очень зрелищный танец быстро наскучил зрителям, и они начали свистом и улюлюканьем подбадривать бойцов. Тогда Агмон решил, что пора приступать к более решительным действиям. Следующий, более глубокий, чем предыдущие, выпад трезубца был направлен в ноги Урсуса, и буквально в тот же момент сверху на него полетела сеть. Расчет был верен, Урсус только что сделал очередной выпад и еще не закончил движение вперед – отскочить назад он никак не мог. Трезубец он отбил щитом, а под сетку решил поднырнуть. Но Агмон виртуозно остановил полет сети, подпернув ее за веревку, привязанную к его запястью, когда она оказалась прямо над противником. Грузила, привязанные по краям сети, потянули ее вниз, и она аккуратно опустилась на Урсуса.

Увидев, что бросок сети успешен, Агмон со всех ног помчался вокруг Урсуса, затягивая петлю, пропущенную по окружности сети. На бегу он откидывался назад и сильно дергал. Веревка перехватила Урсуса поперек туловища, притянула к нему обе руки, стеснила дыхание. Свободными остались только предплечья. Положение стремительно превращалось в безвыходное. Антон Сергеевич запаниковал, абсолютно не представляя, что можно предпринять, но Урсус стряхнул бесполезный теперь щит, а копье ухитрился, как палку в колеса, сунуть Агмону в мелькающие ноги. Древко переломилось, а ретиарий упал на землю, подняв целую тучу песка. При падении он выронил трезубец, который отлетел

метра на три. Веревка тут же ослабла, Урсус сбросил сетку и выхватил кинжал. Грек резво вскочил на ноги уже с кинжалом в руке. Гладиаторы остановились друг против друга, переводя дух.

Эллин первым ринулся в атаку. Через несколько секунд, сбитый подсечкой, он снова оказался на земле. Урсус ногой выбил оружие из его руки. Агмон попытался снова вскочить, но был прижат к земле коленом, и клинок у горла убедил его прекратить сопротивление. Победитель, следуя инструкции, посмотрел на балкон. Он надеялся, что ретиария пощадят, ведь тот сражался достойно.

В предзакатном солнце доспех Понтия Пилата отливал кроваво-красным. Ипподром молчал. Выдержав паузу, Пилат вытянул вперед сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем и, согнув руку в локте, коснулся им шеи. «Значит, все-таки не реслинг...» – с ужасом осознал Антон Сергеевич. Он перевел взгляд на Агмона, тот закрыл глаза.

Ланиста на тренировках показывал Урсусу множество способов умерщвления поверженного противника: приемы с использованием разного оружия, модные и устаревшие, зрелищные и не очень. Самым «гуманным» из них был укол в сердце, но ланиста не советовал его применять, объяснив, что этот вариант не имеет успеха у публики ввиду своей невыразительности. «Хочешь завоевать признание зрителей – режь горло!» – посоветовал он и добавил, что со временем у каждого удачливого бойца вырабатывается свой неповто-

римый стиль. Антон Сергеевич не раз думал над тем, что будет делать, если победит и от него потребуют убийства. Он рассматривал разные варианты, от гуманного укола в сердце до отказа подчиниться жестокому требованию с последующей вероятной гибелью Урсуса. Так и не сделав выбор, решил положился на импровизацию.

Когда дошло до дела, Урсус хотел было перерезать греку глотку. И отнюдь не только затем, чтобы порадовать зрителей. В нем пробудилась какая-то первобытная жажда крови. Но вернувший себе контроль над происходящим Антон Сергеевич оказался абсолютно не способен убить человека, даже живущего в его воображении... Он лихорадочно думал, как поступить, успевая, однако, удивляться готовности молодого гладиатора к смерти. Тот лежал не шевелясь, и даже лицо его было спокойно, как будто бы умирать для него было делом привычным... Спасли зрители. Они дружно возроптали, вступаясь за любимца. Раздались крики, в основном женские:

– Жизнь!

– Жизнь Агмону!

Почти не колеблясь Урсус распрямился во весь рост, вложил кинжал в ножны и выкрикнул только что придуманную им самим формулу:

– Повинуюсь гласу народа! – потом посмотрел прямо на прокуратора и сказал по-русски. – Лежачего не бьют, сволочь.

Арену он покидал под восторженный рев ипподрома.

V.

Оказалось, что в первый день игр из двадцати трех бойцов Берцеллиуса погиб всего один, да и тот – бестиарий, еще трое были ранены. В других школах потери также были невелики. За весь первый день убито было всего двое, поэтому прокуратор и захотел кровавого финала...

Только Урсус, утомленный более переживаниями, чем физически, развалился на ложе, как в его комнату зашел Гней. Гладиатор сел, не зная, чего ожидать. Ланиста хмуро заговорил:

– Никто и никогда так не поступал, как ты сегодня. Наоборот бывало – когда цезарь требует пощады для поверженного, а разгоряченный боем гладиатор не может сдержать гнева. Но ты! Ты не исполнил приговор прокуратора, – он приблизил голову к голове Урсуса и зашептал, брызжа слюной. – Ко мне приходил посланник от Пилата и потребовал расправы над тобой. Я убедил его в том, что ты сумасшедший и все равно не доживешь до конца игр. Так что не подведи! – Он расхохотался, гулко ударил Урсуса кулаком в грудь и заговорил в полный голос. – Еще я сказал, что, если сохранить тебе жизнь, играм это пойдет только на пользу. Народ любит неожиданные повороты, а Безумный Урсус способен на непредсказуемые поступки. Посланник отправился доложить прокуратору и больше не возвращался. Понтий хоть и

жесток, но как правитель мудр и понимает, что худую похлебку можно приправить хорошим зрелищем.

В доме Берцеллиуса была открытая терраса, с которой ланиста имел обыкновение наблюдать за упражнениями своих питомцев. В процессе он попивал вино и часто становился излишне впечатлителен. Тогда он мог схватить любой предмет, попавшийся под руку, и запустить во взбесившего его «ленивого бездельника».

Когда в Кесарии проходили игры, эта терраса использовалась для проведения пиров, которые с шиком закатывал ланиста. Сам Гней и его гости возлежали по четыре человека на больших ложах, установленных по трем сторонам квадратных столов, свободные стороны которых были обращены к площадке для гладиаторских тренировок. На ее песке были расставлены грубо сколоченные столы со скамейками для гладиаторов. Стоящий в сторонке стол понаряднее был приготовлен для гетер и танцовщиц. Жрицы Венеры и Терпсихоры представляли все женское общество на этих празднествах – несмотря на почтенный возраст, Гней был мужчиной холостым и веселым и гостей звал к себе без жен. Это обстоятельство делало вечеринки ланисты невероятно популярными у мужской половины кесарийского бомонда.

На пиру в честь открытия игр, Урсуса, как героя дня, поместили в самом начале гладиаторского стола. Напротив него сидел Агмон, это было его постоянное место. Он нахо-

дился на особом положении, потому что, будучи свободным человеком, выбрал стезю гладиатора.

Грек избегал смотреть в глаза своему победителю. Тот догадывался почему: мальчишка наверняка смущен и не знает, как себя вести. С одной стороны, его должна переполнять благодарность за сохраненную жизнь, а с другой – суровый этикет воина не позволял проявлять чувства открыто... Урсус заговорил с ним на отвлеченную тему, чтобы показать, что не придает никакого особого значения произошедшему сегодня на арене, но Агмон вспыхнул и прошипел сквозь зубы:

– Неужели ты думаешь, что после того, как ты опозорил меня перед всей Иудеей, я буду с тобой разговаривать?!

Урсус опешил. Оказывается, он совершенно не представлял себе всей суровости гладиаторского менталитета.

– Не хочешь же ты сказать, что я должен был убить тебя?!

– Конечно! Честь превыше жизни! – горячился юнец.

– Агмон, я не требую твоей благодарности, но послушай! – Урсус старался говорить по возможности мягко. – Ты только что с удовольствием уплел добрую половину гуся. Подумай, смог бы ты это сделать, если бы я проткнул тебе горло? Посмотри на этих девушек. Разглядел бы ты их танец через монеты на веках? А проиграл ты достойно. Никакого позора не было.

– При чем здесь веки? Монету для Харона в рот кладут, – пробормотал Агмон и сделал вид, что увлечен танцовщица-

ми, извивающимися под дикую первобытную мелодию. Урсус решил больше не обращать внимания на его угрюмую физиономию, чтобы не портить себе настроение. Когда Урсус уже забыл про него, грек вдруг обратился к нему с такими словами:

– Урсус! Я подумал. Ты прав. Прими мою благодарность и дружбу, – он протянул ему руку так, как будто предлагал посостязаться в армреслинге, и широко улыбнулся. Урсус рассмеялся и принял рукопожатие. Звонкий хлопок привлек внимание всех, даже бестиариев, которые сильно шумели на своем конце стола.

Когда веселье уже подходило к концу, к Урсусу подошел один из охранников, коих у ланисты было почти столько же, сколько и гладиаторов, и отвел его к лежащему за столом Берцелиусу. Тот, кряхтя, поднялся и взял гладиатора под руку:

– Пойдем пройдемся. Надо глотнуть воздуха.

Они прошли мимо двора в глубь небольшого сада, освещенного яркой луной. За ними ненавязчиво двинулись два охранника. Когда они проходили мимо кустов мирта, откуда метнулись две тени, мужская и женская. В дальней части сада оказалась маленькая мраморная беседка с видом на море. Ланиста и гладиатор расположились на прохладных скамьях, охранники остановились неподалеку. Гней спросил благодушно:

– Ну что? Как тебе пирушка?

– Превосходно! Даже покурить захотелось...

– Не знал, что ты такой любитель благовоний... Слушай. Тобой заинтересовалась одна дама из Самарии. Не знаю, кто она там такая, но ведет себя как аристократка и так и сорит деньгами. Зовут ее Орит. «Ор» – на иврите «свет», чтобы ты знал.

«Света, значит», – отметил про себя Антон Сергеевич.

– А красавица-а-а... – Гней подмигнул похабно. – Она приглашает тебя в гости на всю ночь... Завтра опять будешь драться последним. За день выписься. Только с вином не переусердствуй. А с другой стороны... Пей, сколько влезет. А то что-то ты слишком резв, – он хохотнул. – Что скажешь? Но не думай, что можешь отказаться! Деньги за тебя уже заплачены. Ты, кстати, получишь из них целых пять серебряных динариев.

Урсус пробормотал:

– И закопаю их на поле чудес...

– Это уж как тебе захочется. Закопай или потрать на лучшие благовония... Ну, что скажешь? – старый сутенер явно ожидал признательности.

– Какая разница? У меня все равно нет выбора... – ответил раб холодно.

– Может быть, ты предпочитаешь мальчиков? – поинтересовался Гней так, как будто не удивился бы положительному ответу.

– Нет! Что ты?! – горячо запротестовал Урсус.

– Так какого ж рожна ты не рад?! Никак не привыкну к людской неблагодарности... Еще одно... – Гней подался вперед и нахмурился. Казалось, он был смущен. – Тебя будут сопровождать четверо. Двое станут у дверей, еще двое под окном спальни... Никто из моих ребят не отказался бы от такого приключения, но от тебя можно ожидать все что угодно. Недаром тебя уже прозвали Безумный Урсус... Скажи, ты ведь не захочешь огорчить своего друга Гнея и не попытаешься бежать? Если ты мне это пообещаешь, я буду спать сегодня спокойней.

– Друг... А разве друзей продают?

Гней хмыкнул.

– Ты как дитя... Плохих – запросто. А хороших... скрепя сердце. И только за хорошие деньги.

Урсус улыбнулся печально:

– Хорошо. Я обещаю.

– Ну вот и отлично! – довольный ланиста ударил его кулаком по колену.

Вилла Берцеллиуса располагалась за пределами городских стен. Урсус в сопровождении четырех конвоиров, вооруженных дубинками и кинжалами, вошел в Кесарию через южные ворота. Ворота охраняли два стражника. С одним из них болтал первый собеседник Антона Сергеевича в этом странном мире. Увидев гладиатора, Синий Подбородок ис-

кренне обрадовался:

– Не может быть! Триумфатор первого дня Великих Игр! Аве, Урсус!

– И тебе привет... э-э... – оказалось, Урсус не помнил его имени. – Как твои дела?

– Неплохо. Как и у всех, кто видел вас с Хаганом возле колодца. Ставки на твой бой с Агмоном были один к пяти. Мы все неплохо заработали. Правда, парни? – обратился он к двум легионерам, которые стояли с лошадьми чуть поодаль. Те что-то промычали утвердительно.

– Надеемся до конца игр еще на тебе подзаработать. Так что не подведи... Позволь узнать, куда это ты направляешься в столь поздний час? А! Сдается мне, ланиста отправил тебя к какой-то скучающей вдовушке?

Парни загоготали. Антон Сергеевич зарделся. Он не думал, что цель его вечерней прогулки столь очевидна... К счастью, легионер не стал заострять внимание на этом вопросе:

– А мы сегодня город патрулируем. Вам куда?

– В стабулу «У Соломона», – ответил старший из сопровождающих.

– А вдовушка-то не местная... – с ухмылкой заметил легионер. – Мы вас проводим. Все равно надо город еще раз объехать. Да, ребята?

Ребята не возражали.

– Урсус, давай на лошадь. Ты, Марк, пешком прогуляешься пока.

Антон Сергеевич хотел было отказаться, поскольку за всю свою жизнь ни разу не сидел в седле, но решил произвести эксперимент. Возможно, конный спорт у него так же в крови, как историческое многоборье и мертвый язык. И действительно, все получилось очень естественно: он лихо взлетел в седло, наподдал лошади пятками под ребра и, пружиня поясницей, поехал. Урсус даже почувствовал, что мог бы поднять лошадь на дыбы, развернуть и пустить галопом в ворота вон из города... Но Антон Сергеевич совсем не хотел обижать ни Гнея, ни этих простодушных парней, которые как бы невзначай оказались поперек его пути к воротам.

Конная экскурсия должна была пройти через весь город – постоянный двор для господ, в котором остановилась самаритянка, находился у северной крепостной стены. В Кесарии, затянутой в корсет крепостных стен, здания располагались друг к другу вплотную, а улицы были узкими. Процессия вытянулась в линию: впереди ехал Синий Подбородок, за ним Урсус, потом конный легионер, в арьергарде – спешенный и четверо людей ланисты. Иудейская столица с размахом отмечала первый день игр. Во всех домах горели огни, город был заполнен до крыш смехом и гомоном. Легионеры плетками отгоняли детей и пьяных, норовивших попасть под копыта. Те или разбегались с визгом, или с ворчанием прижимались к стенам.

Синий Подбородок взял на себя роль экскурсовода и болтал без умолку. Его трактовка истории Кесарии была

несколько однобока, а выбор достопримечательностей специфичен. Так, например, когда они проезжали мимо дворца Ирода Великого, экскурсовод заявил:

– Это разве дворец? У моего папаши в Риме дом больше. У этих иудеев все какое-то маленькое... Ирод этот – хитрая иудейская собака. Сначала получил римское гражданство, потом втерся в доверие к тогдашнему императору Октавиану. Тот и назначил Ирода царем Иудеи. Он вернулся сюда и понастроил кучу городов за римские деньги в римском стиле. В том числе Кесарию. А когда помер, дворец его отдали под резиденцию римских прокураторов. Сейчас здесь Понтий Пилат живет.

То, что, царь был евреем – неправда, он был женат на еврейке. Когда Антон Сергеевич, поселился в Кесарии, он почитал об истории города в интернете и этот факт про Ирода запомнил. Спорить, однако, не стал. Зачем разрушать такую удобную картину мироустройства? Иудеи хитры и корыстны, но их всегда постигает кара...

Когда на их пути попался малопримечательный двухэтажный дом под плоской крышей, Синий Подбородок поведаль:

– А вот здесь живет одна почтенная матрона. У нее лучший публичный дом в Иудее. Можешь мне поверить, я был во всех. Будешь там, спроси Миру. Только советую тебе сначала вставить, потом задувать свечку – в темноте ты ее не разглядишь... Этот эфиопский суккуб так укатает тебя за ночь, что в седло потом не сядешь. Месяц будешь баб сто-

роной обходить.

На что легионер, оставшийся при лошади и слышавший их разговор, заметил:

– Слышишь, Сервиллий, ему-то это зачем?

«Да, точно – Сервиллий. Ну и имя. Поди запомни...» – подумал Урсус.

– Ему за это дело денег платить не надо, – продолжил легионер. – Это ты спускаешь на гулящих баб еще больше, чем проигрываешь в кости. Что у тебя от жалования остается, интересно?

На что Сервиллий невозмутимо ответил:

– Солдат императора может позволить себе скрасить ве-
сельем тяжелую службу. Нас всех, если доживем, ждет такая пенсия, что не нужно думать о накоплениях... А если не доживем и сложим голову во славу Рима, то зачем тогда откладывать? С собой не заберешь!

Одним ухом слушая треп Сервиллия, Урсус заметил пристальное внимание к себе со стороны прохожих. Люди показывали на него пальцами, шушукались и смеялись. После того как легионеры позабавились над очевидным поводом его поездки, ему казалось, что все знают, куда и зачем он едет. Как он ни убеждал себя, что его не должно волновать мнение фантомов, все равно было жутко неудобно. Он вспомнил, что никакой он не Урсус-гладиатор, а почти семидесятилетний доктор физико-математических наук. «На старости лет проститутотом оказаться...» – удивился он про себя.

Но, когда они проезжали через базарную площадь, полную народа, кто-то крикнул: «Это Урсус! Аве, Урсус!» Люди подхватили этот крик, и скоро вся площадь шумно прославляла гладиатора, пощадившего соперника наперекор воле самого прокуратора. И он понял, что это пришла к нему слава. Небольшая такая, всего лишь на древнюю столицу Иудеи, но самая настоящая. Никогда не знал, что это такое, и всегда было любопытно испытать. Оказалось, приятно!

С одного из балконов, пущенный женской рукой, в него полетел белый цветок, похожий на лилию. Он поймал его и жадно втянул ноздрями волшебный аромат.

3.

За неделю до Нового 1983-го года в кабинет Антона Сергеевича на втором этаже коттеджа зашла жена с томиком модного поэта в руках и красными глазами. Он читал кандидатскую своего подопечного в кресле под торшером.

– Вот послушай, что пишет Андрюша Вознесенский, «Старый Новый год», – объявила она торжественно.

Он отложил рукопись, и она прочла стихотворение срывающимся в слезы голосом.

– Я закопал шампанское под снегопад в саду... – повторил он после паузы. – Надо будет тоже так сделать. Хорошее стихотворение, светлое, а ты рыдаешь.

Поманил ее к себе и усадил на колени.

– Что с тобой?

Она прижалась к нему.

– Не надо шампанское, не надо в саду... Я в Ленинград хочу, Тоша, как в стихотворении, с первого по тринадцатое.

Растроганный он согласился, хоть и не сразу. И в эту ночь был обласкан так, как давно уже не случалось...

– И надоели твои очкарики на Новый Год, – заявила она с детской интонацией, когда он переводил дух после приступа страсти. – Вечно с двух бокалов шампанского налижутся и запрещенных поэтов дурными голосами декламируют. А потом Высоцкого запускают на магнитоле и до утра слюни

пускают.

Он вздохнул.

– Ну да, ребята бывают нудноваты... Но вы-то с девочками, по-моему, неплохо время проводите?

– Знал бы ты, чего мне стоит изображать интерес и веселье. У них и разговоры-то все про одно и тоже: чей раньше защитится и квартиру вместо аспирантской общаги получит. Или про турпоходы свои зарядят: кто на какую горку лазил да по какой речке сплавлялся... О музыке или о книгах как училки школьные рассуждают – в свете социалистического реализма. Как вспомню, так вздрогну... – и она действительно вздрогнула, прямо передернуло ее всю.

– Дорогая, но ты же должна понимать, что значит для ребят приглашение к начальнику на Новый год. Как это важно для благоприятного эмоционального климата в коллективе, – предложение про климат он произнес, ернически растягивая слова, и в конце хотел нажать пальцем на кончик ее носа. Она ловко отстранилась и довольно чувствительно ударила зарвавшегося «начальника» по руке.

– А уборка на следующий день? Это же кошмар, а не праздник! За что мне это?! – почти закричала она. Но внешне успела успокоиться и прижалась щекой к его щеке. – В конце концов, Антон Сергеевич, имейте совесть. Три последних Новых Года с твоими... Можно хоть этот с моими встретить?

Неожиданно для себя он снова дал слабину и согласился. Его лицо и шея были тут же усыпаны мелкими благодарными

поцелуями. Он засмеялся от щекотки и от волны уютного, теплого счастья.

С того самого момента, как получил лабораторию, Антон ни разу не был в отпуске. Когда запускал «Буратино» почти четыре месяца работал вообще без выходных. Он бы так продолжал и дальше, если бы не жена. Он понимал, что она хочет ему добра и опасается за его здоровье. Но это идиотское: «сгореть на работе»... Может быть, для какого-нибудь сердечника предпенсионного возраста существует такая опасность, но не для него же, тридцатилетнего, полного сил! Потом уже, когда сделано все возможное, можно отдохнуть, заняться собой. Жизнь и так коротка, а золотой период – когда мозг на пике формы, и здоровье позволяет использовать его на полную катушку – и того меньше.

И вообще, не для себя же он все это делает, не для славы... О какой славе может идти речь, если он работает в «почтовом ящике»⁸? Его достижения, несмотря на их перспективность и значимость для человечества, известны только его ближайшим соратникам и руководству. Наверное, только самые высокие чины в правительстве и силовых структурах в курсе того, чем занимается его лаборатория. Имя его никто не знает даже в узких научных кругах, а в секретных отчетах

⁸ Почтовыми ящиками в СССР называли засекреченные заводы, НИИ и прочие организации, работающие на оборонку. Название произошло от того, что вместо почтового адреса у них были номера – «Почтовый ящик № такой-то».

он фигурирует под оперативным псевдонимом «Папа Карло». Но это с лихвой компенсировалось ощущением сопричастности к решению одной из самых сложных задач, стоящих сейчас перед человечеством: создание искусственного интеллекта. Это не менее важно, чем полеты в космос.

И, если разобраться, а зачем вообще людям космос? Любому здравомыслящему человеку, знакомому с теорией вероятностей, ясно, что братьев по разуму мы там не отыщем. Летать со скоростью хотя бы в одну сотую скорости света сможем еще очень нескоро. Достижимые в обозримом будущем планеты непригодны для колонизации из-за проблем с радиацией. Человечество еще очень и очень долго обречено существовать в своей колыбели.

Вот тут-то и вырисовывается проблема поважнее, чем освоение космоса... Все дело в том, что за все время существования цивилизации, люди так и не поняли, что они тут делают, в этой своей колыбели. К чему в конечном итоге стремиться, не разобрались. Все определения смысла жизни сводятся к софизмам или парадоксам.

Поэтому была у Антона Сергеевича своя собственная рабочая *теория смысла человеческой жизни*.

Звучала эта теория примерно так. Человеческая цивилизация развивается по спирали, и если на одной стороне витка «темные времена» – сумрак религиозного мракобесия, эксплуатация и спекуляция, то на другой – «золотой век» – расцвет гуманизма, науки и искусства. Так вот задачей каждого,

кому довелось родиться в темные времена, является приближение очередного витка «золотого века». Тот же, кому повезло родиться в период ренессанса, должен всемерно способствовать тому, чтобы растянуть эру процветания и благоденствия на весь виток временной спирали. И когда это наконец произойдет, человек вместо того, чтобы придумывать себе бога, сам станет богом и научится жить вечно.

Он прекрасно осознавал, что эта его теория тоже несовершенна и полна софизмами и парадоксами – но за неимением лучшего она позволяла ему не ощущать себя животным, существующим между принятием пищи и сном.

Антон считал, что ему повезло родиться на светлом витке временной спирали, и он непосредственно участвует в процессе окончательного одержания победы добра над злом. Для этого и заложил в «Буратино» дополнительную функцию, которой не требовали партия и правительство...

Раз человеческое сознание не имеет достаточно ресурсов, чтобы объяснить и оправдать самое себя, логично, что помочь ему в этом может только нечто более мощное и продвинутое – искусственный разум. Возможно, только с его помощью человечество наконец обретет внятное определение цели и, как следствие, осознанное, коллективное счастье. «Буратино» или его последующие итерации сумеют ответить на вечный вопрос и указать путь, раз мы сами не можем. Придумал же человек бинокль, подзорную трубу, телескоп, чтобы разглядеть то, что природой его глаза не предусмотрено.

Также и ИИ поможет постичь то, что невооруженный разум не в состоянии.

Новый Год выпал на пятницу. Накануне жена предложила лететь прямо с утра, чтобы успеть поучаствовать в наряжении елки, но он лишь посмотрел на нее дико, и был отпущен на работу тридцать первого с жестким условием быть дома не позже шести, чтобы успеть спокойно собраться и ехать в аэропорт. В итоге такси с разъяренной супругой подлетело к проходной института почти в девять. Перед тем, как выскочить из института в рабочем халате под расстегнутой дубленкой и с шапкой набекрень, Антон распорядился никому в его отсутствие с «Буратино» под страхом смертной казни не разговаривать. Производить техобслуживание, мониторить показатели и систематизировать данные.

Всю дорогу до аэропорта жена дулась, а он делал вид, что ему стыдно, хотя был уверен, что ничего плохого не сделал... Он заискивал и лебезил, но она отвечала односложно; ей явно было интереснее смотреть в окно, чем на его виноватое лицо.

– Молись, чтобы мы успели до двенадцати, – процедила она сквозь зубы, когда автомобиль остановился, и Антон, обежав вокруг него, открыл дверь и подал ей руку.

В самолете жена немного оттаяла. Он уверял, что они непременно успеют, и взял для нее у стюардессы шампанское. В дверь ее родителей они позвонили прямо перед боем

курантов.

VI.

Кровать под балдахином занимала большую часть комнаты, в которой было сильно накурено благовониями. Множество плашек с горящим маслом создавали предельно интимное освещение. Перед кроватью стоял столик, уставленный разнообразной снедью, и два то ли стула, то ли кресла. Урсус сел на один из них и стал ждать.

Последние лет пять, будучи человеком одиноким, Антон Сергеевич научился без особенных сожалений пренебрегать самой постыдной из плотских утех. Начало и конец сознательной жизни мужчины, считал он, сопровождаются сексопатологическими расстройствами. В начале – это борьба с ювенильной гиперсексуальностью, в конце – с сенильной. В начале депрессия и переживания по поводу невозможности реализации своего полового потенциала, в конце – по поводу его отсутствия в ситуации, в которой он вполне мог бы быть реализован. И если юношескую озабоченность легко оправдать, то невозможно без отвращения смотреть на старика, хвастающего своими преувеличенными или вовсе воображаемыми победами. Вот где проходит эта пропасть между внутренним ощущением себя молодым человеком и возможностями к воспроизводству шестидесятилетнего, зачатую невозможными без медикаментозной стимуляции. Антон Сергеевич терпеть не мог это унижительное несоответ-

ствие и бежал компаний великовозрастных дурачков, обсуждающих анатомические особенности женских особей, попадающих в поле их слабеющего зрения.

Однако с тех пор как попал в эту странную реальность, он не раз задумывался о тех самых возможностях организма, которые по идее, должны были соответствовать обретенному здесь молодому, здоровому телу. Урсус невольно засматривался на изредка попадавших в его поле зрения женщин и чувствовал при этом внизу живота давно забытое томление. У него появилась надежда, что когда-нибудь ему суждено будет вновь испытать блаженство интимной близости. Теперь же, когда момент настал, он не ощущал особенного волнения. Возможно, из-за непривычности и унизительности своего положения...

Гней сказал «красавица». Черт его знает, что в его понимании «красавица». Кому и кобыла невеста... Антон Сергеевич попытался представить себе красавицу из восточных сказок. Ту, которая появлялась перед мысленным взором, когда он, к примеру, читал «Тысячу и одну ночь». Вороново крыло волос. Очи черные. Не слишком высокая, вся из приятных округлостей.

Дверь скрипнула, и на пороге появилась самаритянка. Почти такая, как он только что себе представлял – будто он материализовал ее силой мысли. Только лучше. Лицо ближе к европейскому – Восток лишь в горбинке носа и уголках глаз. А сами глаза совсем не черные, а светлые-светлые. Это

странное, как будто инопланетное сочетание черных волос и смуглой кожи с почти прозрачными глазами завораживало... Он почувствовал то самое томление.

«Отвратительный озабоченный старикашка, что за похотливый бес поселился у тебя в ребрах?» – обругал себя Антон Сергеевич. Урсус встал и склонил голову.

Она прошла в комнату и села напротив. Он тоже сел. Помолчали. При неверном свете масляных светильников было непонятно, что выражает ее лицо. Он попеременно читал в нем то смущение, то равнодушие, то надменность. Потом понял, что это воображение дорисовывает ее образ. Тогда Урсус взял со стола кувшин и разлил по кубкам очень темное, почти черное вино.

– Мне сказали тебя зовут Орит, моя госпожа? – разлепил он губы.

– Это так, – ответила она ненатуральным грудным голосом. – А как твое имя, гладиатор? Не называть же тебя медведем.

– Почему же? Мне нравится. Но если хочешь, называй меня Антоний.

– Хорошо, Урсус-Антоний, там разберемся...

Выпили. Она пила небольшими глотками, он сгоряча хватил залпом. Вино оказалось терпким и густым, как сироп. Он не удержался и сморщился. Она засмеялась фальшиво.

– Так разбавляют вино в Самарии. Мы любим все крепкое, – подчеркнула она последнее слово, откровенно обводя

взглядом его фигуру.

Антону Сергеевичу не понравился этот намек – девушке абсолютно не шла пошлость. На вид ей было не больше двадцати пяти, но вела она себя как матерая разведенка не первой свежести, возможно, пыталась таким образом скрыть смущение.

– Сколько тебе лет, сладкий? – продолжила Орит напирать, но слово «сладкий» произнесла совсем неуверенно. Он окончательно убедился в том, что она лишь играет роль порочной матроны, и решил сбить ее дурацкий настрой.

– Шестьдесят семь.

– Как это? – по-детски удивилась она, брови ее взлетели. Но, что-то вспомнив, снова начала заигрывать. – Выглядишь ты лет на сорок моложе.

– Внешность обманчива. Вот тебе, например, на вид лет двадцать с небольшим, а ведешь ты себя как пожилой суккуб, – сказал он рассудительно.

Орит вспыхнула так, что это стало заметно даже в сумраке.

– Да как ты смеешь, раб! – начала было она, поднимаясь с места, но передумала. Села. Потом улыбнулась смущенно и сказала: – Ты прав, Урсус... я не такая...

«Ну да, – усмехнулся он про себя, – только трамваи еще не ходят». Снова разлил вино по кубкам. Они в молчании выпили. Теперь он пил не спеша – так вино показалось даже приятным на вкус.

Первой заговорила девушка, на этот раз естественным голосом, звучащим гораздо выше:

– Шестьдесят семь... А на самом деле?

Он решил продолжить говорить правду; стало интересно, к чему это может привести:

– На самом деле я живу другой жизнью, а все, что происходит здесь, мне кажется.

– Вот как... – удивилась Орит, – и я кажусь?

– Да. И ты самое прекрасное из моих видений, – отвесил он комплимент.

Красавица чуть улыбнулась, дав понять, что комплимент принят.

– Ты либо действительно сумасшедший, как говорит про тебя твой хозяин, либо апологет какой-то странной разновидности солипсизма⁹, что одно и то же по сути... – легко выдохнула она неожиданно сложную конструкцию. Заметив его недоумение, спросила. – Надеюсь, ты не из тех солипсистов, которые не признают существования образованных женщин даже в собственном воображении?

Он помедлил с ответом – преобразование школьницы в аспирантку было чересчур резким:

– Возможно, ты получила то, что вы называете здесь образованием, но ты безрассудна. Скажи, как решилась ты принять меня наедине? Сумасшедшего. Раба. Гладиатора – то

⁹ Солипсизм – философское направление, подразумевающее, что реален только субъект, а все остальное существует только в его сознании.

есть человека, которого под страхом смерти заставляют убивать других людей. Значит, он не дорожит ни своей, ни чужой жизнью... Кто может быть опасней? Дикий зверь?

Она ответила уверенно:

– Я видела, как благородно ты вел себя на арене. Будь ты жесток и необуздан, твой противник блуждал бы сейчас по царству мертвых... А почему ты думаешь, что тебе привиделась эта жизнь, а не та, другая?

Он подумал немного.

– Там я прожил очень долгую жизнь, а здесь всего несколько дней. Я знаю вещи, о которых здесь не знает никто. Этого достаточно?

Орит глотнула вина.

– Ипполит Родосский говорил, что наш разум способен на гораздо большее, чем сам может себе представить. Почему ты не допускаешь, что твой мозг обманывает тебя, а тот мир и те знания, о которых ты говоришь, – лишь мираж?

Он засмеялся.

– О! Тогда у меня мозг гения, – и решил сменить тему. – Вот в толк никак не возьму: зачем я тебе нужен? Я слышал, конечно, про эти ваши свободные нравы. Но ты не похожа на... – Урсус замялся, подбирая слова.

– На кого? На свободную женщину, вольную выбирать себе мужчин? Я надеюсь, ты это хотел сказать?... Внешность обманчива, – вернула она его недавний ответ и положила ногу на ногу. Бедро оголилось слишком высоко для того, чтобы

это могло быть случайностью. Это кокетство выглядело уже гораздо натуральнее. Урсус почувствовал, как краснеет.

– Давай еще выпьем? Мне кажется, ты напряжен, – предложила она.

Они выпили. Он так и не находил слов, чувствуя себя мальчишкой на первом свидании. Тогда она сказала:

– А знаешь, Урсус, я готова поверить, что тебе очень много лет. Другой бы на твоём месте... Я не нравлюсь тебе?

Вопрос был задан с такой искренней обидой, что вместо ответа он поставил недопитый кубок, поднялся и протянул ей руку...

– Антоний, а чем ты занимаешься там у себя... где тебе много-много лет? – спросила она, лежа головой на его груди.

– Уже ничем. Я на пенсии, – сказал он, трогая кончиками пальцев ее плечо.

– А до пенсии? Ты был солдатом? Нет! Подожди, не отвечай. Я догадаюсь...

– Попробуй, – ему стало интересно.

– Никаким солдатом ты не был. Ты даже не убивал никого, – Орит остановилась, ожидая подтверждения.

– К своему стыду – да, – согласился он.

– Я это поняла, потому что ты не смог убить Агмона.

– Скорее не захотел, – поправил он ее, но через секунду передумал. – Хотя ты права, пусть будет «не смог».

– Ты умный и нежный... Хорошо говоришь... Но при

этом силен и дерешься как лев... Я бы предположила, что ты греческий бог или по меньшей мере полубог. Но я не верю в греческих богов.

– А во что ты веришь?

– У самаритян своя религия, которой нет больше ни у кого. Поэтому нас отвергли иудеи.

– И, раз ты самаритянка, значит, должна ей следовать?

Он почувствовал, как она напряглась.

– Была бы я глупой, сказала бы: а как может быть по-другому? Но я понимаю, о чем ты... Только сейчас мы говорим не об этом. Я пытаюсь угадать, кто ты там в твоём воображаемом мире, если ты не забыл.

– Я помню. Хочешь, я облегчу тебе задачу? – Там я не дерусь как лев.

Она кивнула и продолжила тоном следователя.

– Тогда я бы могла подумать, что ты царь или правитель. Но ты произносишь слова «гладиатор» и «раб» с отвращением... словно сам факт существования этих понятий тебе неприятен. С таким отношением к рабовладению ты не можешь быть политиком.

Он хохотнул:

– Ты права. Никакой я не политик. Больше скажу. Терпеть не могу этих тварей!

– Тогда остается одно из двух, – она даже села. – Ты либо поэт, либо ученый.

– А почему не все вместе?

– Ну нет... Так не бывает. Разве что Эратосфен... Но он просто пытался облечь свои научные труды в поэтическую форму, – она процитировала заунывно:

*Вот мой прибор: меж линеек две средние сразу отыщешь,
Между краями других ты их отметишь концы.
Нужды тебе уж не будет в премудром цилиндре Архита,
В конусе не для тебя высек триаду Менехм.
И с богоравным Евдоксом изогнутых линий не надо,
Циркулем вооружась, тонкий изгиб находить...*

Кошмар! Помнишь?

Он помотал головой.

– Ну вот ты и выдал себя своим невежеством! – она торжествовала. – Никакой ты не поэт. Ты ученый... Математик!

Он тоже сел и вытаращился на нее.

– Как ты поняла, что именно математик?

– А я все про тебя знаю, – сказала она серьезно и, насладившись его изумлением, засмеялась. – Математика – мать наук! Каждый ученый мнит себя математиком.

Орит спала, прижавшись к нему, а он думал о том, что это иллюзорное существование, пожалуй, гораздо ярче и увлекательнее жизни настоящей. То, что Антон Сергеевич когда-то испытывал со своей женой, не шло ни в какое сравнение с опытом этой ночи. По его телу до сих пор бродили

волны блаженства. Передозировка эндорфина.

После того, как его настоящая жизнь закончилась в той арке под акведуком, произошло множество событий. Несмотря на то, что в реальной жизни подобного, конечно же, произойти не могло, Антон Сергеевич ощущал себя по-настоящему живым, а окружающий его мир самым реальным.

Когда комната начала наполняться солнечным светом, в дверь тихо постучали.

VII.

Когда Урсуса разбудили в его камерке при дворе ланисты, чтобы вести на ипподром, светило прошло уже половину своего пути по небу. Ночью ему было не до еды, и он жадно проглотил скудный завтрак – ланиста был верен своей методе и не перекармливал гладиаторов перед боем.

В загоне под трибунами гладиаторы весело приветствовали его криками и хохотом:

– Эй Урсус, ты показал ей свой гладиус?

– Да какой там гладиус? Там кинжал-пугио!

– Она молила тебя о пощаде? Сколько раз ты вспорол ей брюхо?

– А ну захлопните пасти, дети шлюх! – зарычал на них Хаган. Он подошел к Урсусу, положил руку ему на плечо и проникновенно сказал, обводя взглядом притихших коллег. – Они завидуют, не обижайся на них... У меня тоже была непростая ночь, друг. Мы с тобой работаем на нашего доброго хозяина и днем, и ночью, в отличие от этих ленивых бездельников.

А Урсус и не думал обижаться, его совсем не коробило от их грубого юмора. Он чувствовал себя своим в доску с этими суровыми, простыми парнями и понимал, что для них такого рода приключение сродни гигиенической процедуре. Они как будто пожелали ему «С легким паром!» после бани.

Некое подобие такого единения с коллегами Антон Сергеевич ощущал когда-то в своей лаборатории, но разве могло оно сравниться с настоящим боевым братством, с тем, чтобы изо дня в день плечом к плечу рисковать жизнью?!

Все смотрели на него и ждали. Ему захотелось ответить им чем-нибудь в духе Хагана. Он громко произнес, как бы обращаясь к гиганту:

– Конечно завидуют! Мы с тобой поработали тем, чем не придется сегодня драться, а этим бедолагам будет нелегко удержать оружие в натертых ладонях.

Его снова выставили против ретиария, но из другой школы. Он и в подметки не годился Агмону, и Урсус с трудом удерживался, чтобы не уработать его слишком быстро. Нужно было дать ему возможность показать себя хорошим бойцом, иначе вердикт ипподрома мог бы быть слишком суров.

Убивать Антон Сергеевич не хотел еще больше, чем раньше. После ночи с Орит он уже не чувствовал разницы между реальностью и иллюзией и даже перестал отгонять мысль, что вся предыдущая жизнь ему привиделась. «Дали по башке, здесь это не проблема – по башке получить, – думал Урсус, уклоняясь от трезубца, – вот и стряхнулось там что-то...» А если нет разницы в восприятии действительности, значит в моральном аспекте виртуальное убийство ничем не отличается от убийства реального.

В итоге поверженного ретиария пожалели, а Урсус поки-

нул арену даже не вспотев. Благо он дрался уже под вечер и приятный ветерок с запахом моря хорошо освежал. Тем, кто выходил на арену раньше, приходилось солоно.

На вечернем пиру он стал клевать носом и рано ушел спать.

На третий день противником Урсуса должен был стать известный на всю Империю рудиарий¹⁰ по прозвищу Испанская Пантера, Пардус. Прославленный гладиатор, которому за необычайные доблесть и мастерство даровал свободу император Тиберий. С тех пор уже более десяти лет он путешествовал по необъятным владениям Рима, участвуя только в значимых играх. Он сам выбирал себе противников, как правило – из числа фаворитов и каждый раз устраивал незабываемое зрелище, которое неизменно оканчивалось его триумфом.

Гней приказал привести к себе Урсуса, как только тот позавтракает.

– Изначально Пардус хотел драться с Хаганом, но увидев твои поединки, передумал, – сказал ланиста без радости. – У тебя редкий бойцовский талант, но поверь, Медведю далеко до Пантеры. Помимо таланта за ним огромный опыт. Учти, этот бой может стать для тебя последним, если ты, ленивый бездельник, не расстараться как следует...

¹⁰ Рудиарий – гладиаторы, получившие свободу и награжденные деревянным мечом-рудиусом в качестве символа свободы.

Пардус был снаряжен как самый обычный императорский легионер: прямоугольный щит «скутум», пластинчатый доспех, стандартный армейский шлем без забрала – защите лица он предпочел свободный обзор. И гладиус, который был чуть тоньше, но длиннее обычного. Когда он вышел на арену, ипподром зашелся от восторга. Особенно ликовали представители регулярной армии в красных плащах на центральной трибуне – они считали Пардуса своим делегатом.

Урсус был все в том же закрытом шлеме с забралом из колец, с тем же небольшим круглым щитом, но на этот раз с гладиусом вместо копья. Приветствовали его куда более скромно. В основном с мест далеко непрестижных; оттуда крики долетали плохо.

С самого начала боя Пардус показал себя бойцом вязким. Ошибок не прощал, лишних движений не делал. Тактика этого ветерана арены была построена от обороны. Щит укрывал его как панцирь черепаху. Он показывал из-за него то голову, то ногу, но тут же втягивал их обратно при малейшей опасности. Сбоку обойти его было невозможно – он мгновенно разворачивался в сторону угрозы. Скорпионьим хвостом выскакивал его быстрый клинок. Он сверкал то сверху, то сбоку и даже снизу, когда щит внезапно приподнимался. Сам щит служил не только для обороны – его увесистые толчки сбивали Урсусу равновесие. Общее ощущение было такое, что Медведь рискует гораздо больше Пантеры, и ко-

гда-то это должно закончиться в пользу последней.

Пытаясь нащупать брешь в обороне Пардуса и еле успевая реагировать на контратаки, Урсус совершенно забыл про ноги. Улучив момент, Пардус обрушил всю тяжесть своего щита на выставленную вперед левую стопу противника, защищенную только шнуровкой сандалии. Боль была такая, как будто на нее уронили сейф. В глазах Урсуса потемнело, и на него посыпался град ударов мечом, щитом и ногами. Он не устоял и покатился на землю.

Пардус не стал добивать соперника. Может, из благородства, а может, из-за желания продлить удовольствие зрителям. Он уже понял, что соперник ему не чета и никуда от него не денется.

Урсус встал на правое колено и пошевелил пальцами левой ноги. Боль была адская, но пальцы двигались. Под улюлюканье центра трибун и одобрительные крики флангов он встал. Попробовал наступать на ушибленную конечность, она начала отходить. Все это время Пардус ждал. Урсус благодарно склонил голову, одновременно давая понять, что готов продолжать.

Следующие несколько минут противники обменивались более-менее симметричными выпадами. Урсус поначалу прихрамывал, но постепенно забыл о боли. Неудача мобилизовала его, чувства и реакции обострились. Он понял, что Пардус так просто атаковать не будет, он ждет ошибки противника. Урсус твердо решил больше не ошибаться. Их бое-

вой танец затянулся, но не лишился интриги и грации. Зрители не скучали. Сталкиваясь, мечи высекали искры, щиты трещали, но бесконечно это продолжаться не могло...

Оба начали уставать, но Пардус как будто меньше. Начало чувствоваться преимущество нескольких лишних сантиметров длины меча. Пару раз Урсус чудом избежал ранения и наконец почувствовал, как горячий метал задел его кожу. Он отпрянул в ужасе. Из длинного пореза на груди обильно выступила кровь. Центральные трибуны издали такой рев, что разочарованные стоны дальних были заглушены почти полностью.

И вот тут на него опять накатило... Он кинулся вперед как раненый зверь на охотника и желал только одного – разорвать, растерзать. В мясо, в кровь, в зубы! Он мстил за только что пережитый страх смерти, за испуг, которые видели зрители.

В конце концов Урсус очнулся сидящим на противнике. Их мечи и разбитые щиты валялись поодаль. Пардус то ли скалился, то ли улыбался разбитым ртом, взгляд его был мутен.

Прокуратор предсказуемо не стал требовать смерти поверженной знаменитости.

Рана Урсуса оказалась несерьезной: кровь остановила элементарная перевязка.

Наградой за непростую победу стала еще одна ночь с Орит. Его отвели к ней сразу после окончания игр. Так она

захотела. Его, впрочем, это тоже вполне устраивало.

Когда пришел черед разговоров, Орит спросила:

– А когда оно наступит, это твое время, в котором, как тебе кажется, ты живешь?

– Ну, судя по тому, что у вас правит Понтий Пилат, я живу почти через две тысячи лет, – прикинул Урсус.

– Предположим, я бы хотела поверить... Как ты можешь мне это доказать?

Он задумался...

– Наверное, никак... Но я могу рассказать тебе о моем времени.

Она села и поджала под себя ноги:

– А расскажи!

Антон Сергеевич помолчал, подбирая слова.

– Пожалуй, главным отличием между нашими временами является то, что в моем большую часть тяжелой работы делают машины...

– Но ведь и у нас тоже так!

– Нет. То, что есть у вас – это еще даже не машины, а механизмы. Они служат лишь для того, чтобы немного облегчить труд рабов и животных. Наши машины гораздо умнее. Есть даже такие, которые помогают человеку считать и принимать решения...

Это очень удивило Орит:

– Принимать решения? Значит, они умнее человека?

– В чем-то да.

– Но тогда ваши машины опасны. Когда они поймут насколько слаб человек, то уничтожат его.

– Зачем им это делать? – немного опешил Антон Сергеевич от такой прозорливости.

– Как зачем? Это закон природы – тот, кто слабее, уничтожается.

– Но машина – не часть природы.

– Почему? Ее ведь сделал человек, а он часть природы, значит и машина – часть природы и должна подчиняться ее законам.

– Но, милая Орит, это же софистика...

– Почему же? Видишь вот этот персик? – она взяла фрукт. – Теперь я его съедаю... – откусила кусочек, прожевала и проглотила.

– Очень интересно...

– Персик – часть природы. Я тоже. Надеюсь ты не будешь этого отрицать?

– Ни в коем случае!

– Значит, часть природы взяла у природы другую ее часть, переработала, и... То, что получится в результате, тоже будет частью природы?

Он поморщился.

– Ох, не к лицу тебе этот натурализм...

– Всего лишь эмпирический подход, – Орит ждала ответа.

– Ну да, да. Безусловно. Результат взаимодействия тебя с

персиком тоже будет частью природы, – подтвердил Антон Сергеевич, улыбаясь – он уже понял, к чему она клонит.

– Так вот и человек, дитя природы, берет у природы дерево или железо и перерабатывает его в машину. Значит машина – тоже часть природы! – Орит торжествовала.

Он делано возмутился:

– А вот это уже чистой воды демагогия!

Она безразлично пожала плечами и принялась доедать персик.

4.

7 января 1983 года Антон проснулся в Ленинграде, в квартире родителей жены, к которым они приехали на две посленовогодние недели. Квартира была небольшая, но по ленинградским меркам считалась роскошной, тем более, что находилась почти в центре, у Пяти Углов, чем родители жены гордились чрезвычайно.

Прихожая с рогами лося и чучелом совы. Кухонька с газовой колонкой для нагрева воды. Скромная гостиная без окон, но со старинным секретером, который достался теще от ее предков-дворян. За его гранеными стеклами – хрусталь и фамильный фарфор. Спальня родителей с самодельными книжными полками во всю стену. Бывшая детская его жены, отделенная фанерной перегородкой с дверью от гостиной.

Эта комнатка, прозываемая в семье «кельей», была настолько крохотной, что в ней как раз помещались односпальная кровать и тумбочка. Окно выходило в классический петербургский двор-колодец.

Жена спала на своем девичьем ложе, а для него на ночь ставили раскладушку, и свободного места в комнате не оставалось совсем. При этом потолки были четыре метра с лишним, и Антону хотелось положить помещение на бок, тогда его объем можно было бы использовать гораздо оптимальнее.

Жене комнатка нравилась. Она говорила, что к полумраку привыкла с детства, и он ее успокаивает. На Антона же бледный свет, отраженный стенами «колодца», действовал угнетающе. Раскладушка тоже уюта не добавляла.

В самый первый их приезд он было попросился ночевать на «сталинском» диване с высокой спинкой в гостиной. На это жена заявила, что она, так и быть, уступит ему кровать, раз он такой принц на горошине, а сама с удовольствием будет спать на раскладушке с роскошным матрасом. Разумеется, это предложение пришлось отвергнуть...

Антон открыл глаза и увидел кусок тоскливого, серого неба вверху колодца. Он повернулся на другой бок. Раскладушка предательски заскрипела пружинами. Жена то ли проснулась от этого звука, то ли уже не спала.

– Доброе утро, дорогой, – предупредила она его попытку поспать еще.

– Для кого доброе, а для кого не очень, – пробурчал Антон в подушку.

– Ты же понимаешь, что истинная причина твоего дурного настроения – это разлука с твоим треклятым Буратиной? – она нарочно склоняла несклоняемое, чтобы досадить ему. – Ничего. Всего неделя осталась. Потерпите, Антон Сергеевич. У нас еще обширная программа. Мне нужно зарядиться Ленинградом минимум на полгода.

Первая неделя нового года у них была насыщена посещениями музеев, театров и обоих залов филармонии, а также

встречами с друзьями ее детства и юности. И неизвестно еще, что было хуже: пытка классикой или эти встречи...

Жена села на кровати и продолжила мечтательно:

– А в понедельник папин оркестр играет Рахманинова в Большом зале...

– «Папин оркестр», – передразнил он ее. – Сидит человек где-то в последних рядах со своей скрипкой, его и не разглядишь. Слушай, а зачем их там так много? Для шума что ли?

– Что это еще такое – «для шума»? – ее брови удивленно поползли на лоб.

– Ну ты сама посуди: зачем там вся эта толпа, размахивающая смычками? Неужели ты думаешь, что там у каждой третьей скрипки свой голос? Я думаю, они там только для того, чтобы оркестр звучал погромче.

– Какой же ты глупец! – воскликнула она и возмущенно полезла через спинку в ногах кровати вон из комнаты. Он понял, что перегнул палку – «глупец» было самым жутким ругательством в ее рафинированном лексиконе. А еще подумал, что она права – он действительно стал брюзгливым и раздражительным. Но уже почти семеро суток «папа Карло» не виделся с «Буратино», и все это время саморазвивающийся ИИ саморазвивался без его присмотра.

Антон встал, собрал свою постель и сложил раскладушку. Немного подумав, застелил и кровать жены, чтобы хоть так компенсировать свое ненужное хамство.

После посещения ванной комнаты он проскользнул назад в «келью», не заходя на кухню, откуда доносились голоса, звон посуды и вонь трубочного табака тестя.

Антон взял с тумбочки том «Спартака», на форзаце которого красовался синий экслибрис тещи, для которого она якобы использовала детали фамильных гербов своих благородных предков, и забрался на кровать.

Поддавшись уговорам жены полностью очистить голову и перезагрузиться, он не взял с собой никакой научной литературы. Про мятежных гладиаторов он уже читал, еще школьником, но в спальне-библиотеке кроме томов большой советской энциклопедии, замызганных сочинений классических авторов и множества детективов (страсть хозяйки), которых он терпеть не мог, почти ничего не было. Современников в этом доме не жаловали. Также, как и его любимую фантастику.

Слишком хорошо знакомые страницы Джованьоли заняли его ненадолго, перелистывая их, он постепенно погружался в свои мысли...

Возможно, «Спартака» он прочитал рановато, в четвертом классе. Книга произвела на него чересчур сильное впечатление. Он стал грезить ареной.

На последних страницах его школьных тетрадей появились изображения гладиаторских шлемов, щитов – скутумов и гоплонгов, мечей-гладиусов и кинжалов-пугио. Неред-

ко тетрадь заканчивалась быстрее из-за этих картинок, чем от записей уроков. Он находил и срисовывал картинки и фотографии археологических находок в энциклопедиях и учебниках истории. Ради этого записался в Ленинскую библиотеку, символично напоминающую античный храм своими очертаниями.

Он знал, чем отличался мурмиллон от обычного скутора, а скутор от секутора. Какие пары составлялись из гладиаторов: что ретиарий вероятнее всего будет драться с мурмиллоном, а с гоппломахом – вряд ли.

Засыпая, разыгрывал в воображении целые гладиаторские представления, непосредственным участником которых являлся. Заканчивались они как правило его героической кончиной на арене, усеянной трупами противников. Прекрасная матрона вся в облаке белой материи спешила к нему с трибун, чтобы услышать последние слова и подарить поцелуй на прощание. На глаза мальчика наворачивались слезы, а под ложечкой приятно саднило...

Поскольку в Советском Союзе не было гладиаторских школ, мальчик стал присматриваться к карьере военного. Со свойственной ему дотошностью погрузился в изучение вопроса. Вооружение на картинках в тетради сменилось на современное. Оно в свою очередь постепенно полностью заместились самолетами и вертолетами. Антошка решил стать военным летчиком. Это решение подкреплялось тем фактом, что очень хороших летчиков непременно берут в отряд

космонавтов. А он, естественно, будет очень хорошим летчиком, по-другому и быть не может.

Для того, чтобы стать очень хорошим летчиком нужно очень много знать. Подогреваемый мечтой о небе и космосе, он погрузился в изучение наук и постепенно так увлекся, что сам не заметил, как из воина он переквалифицировался в ученого.

Будучи максималистом, он выбрал для себя математику – мать всех наук.

Взрослея, он пришел к убеждению, что быть ученым лучше, чем военным. Пока одни проливают кровь, свою или чужую – как повезет, другие в микроскопы-телескопы, а с недавних пор на мониторах картинки интересные наблюдают. И еще не известно, от кого больше проку для обороноспособности страны...

Еще одним фактором, отвратившим его от военной карьеры, стала все возрастающая в его глазах ценность человеческой жизни. Учителя, книги, добрые советские фильмы в один голос твердили о том, что убийство – это величайшее преступление из всех доступных Homo Sapience.

Отгремевшая четверть века назад Великая война, считал он, доказала человечеству, что повторение ее ужасов принципиально невозможно. Ненасытные империалисты еще гремят оружием, но мир никогда больше не будет втянут ни в одну кровавую авантюру.

Армия нужна только для того, чтобы сдерживать людо-

едские аппетиты Запада. Она стала пугалом, размахивающим пустыми рукавами над мирными нивами, исключительно для устрашения воронов-trupоедов.

Теперь он сочувствовал военным. Во все времена они делали черную работу. Но кто-то ведь должен избавлять человеческое общежитие от нечистот, а кто-то даже убивать других людей. И еще не известно у кого работа чернее: у золотаря¹¹ или у воина. У первого, во всяком случае, безопаснее...

Пока его одноклассники пыхтели над двоичными функциями и интегралами, он познавал высшую математику. К десятому классу он знал не меньше второкурсника ВУЗа и уже подбирался к пониманию задач, поставленных перед мировой наукой Ферма, Пуанкаре и Фибоначчи.

Сидя на девичьей кровати жены с потрепанным «Спартак» в руках, он удивлялся, как можно так низко ценить человеческую жизнь: и свою и чужую. Теперь профессия гладиатора, в его глазах окончательно лишилась романтического флера. Оказавшись на месте раба, которого заставляют убивать, возможно, он бы просто подставил свою грудь под меч противника, и это было бы гораздо большим подвигом, чем доставить озверевшей толпе удовольствие наблюдать за его попытками выжить...

На этом месте его размышлений раздался вежливый стук в дверь, и теща своим странным голосом пригласила Анто-

¹¹ Золотарь – *устар.* ассенизатор.

на Сергеевича пожаловать к завтраку. Так и сказала, хотя и немного иронично:

– Антон Сергеевич, пожалуйста к завтраку.

Антон никак не мог привыкнуть ни к ее театральной интонации с грудными обертонами, ни к старосветской претензии в речах. От всего этого его коробило, и иногда он с трудом сдерживался, чтобы не попросить перестать придуриваться и начать говорить нормально.

VIII.

На четвертый день игр Урсус должен был драться в предпоследнем бою. Перед его началом к гладиатору подошел озабоченный ланиста.

– Как ты? Выспался?

– Да, Гней, все прекрасно!

– Послушай... – толстяк недовольно поморщился. – Ну какой я тебе Гней? Не хочешь называть меня «господин Берцеллиус», зови просто – хозяин.

У Урсуса было настолько хорошее настроение, что его совершенно не покорило подобное обращение. Он ответил весело:

– Хорошо, просто хозяин.

Гней проигнорировал шутку и серьезно продолжил:

– Сегодня ты будешь биться с чемпионом ланисты Ефраима. Мой иудейский конкурент очень дорожит им, и есть за что... Зовут его Вульпес. Он силен и быстр. Но главное, что ты должен знать о нем – он очень коварен! Зрители его терпеть не могут за его подлые приемы, но каждый раз с интересом ждут, что он выкинет. Он не повторяется. Своего рода художник. Видимо, за это его любит наш прокуратор, который слывет тонким ценителем разного рода искусств... Когда Вульпес бился с Хаганом, он ударил его ногой прямо в центр набедренной повязки. Причем никому из тех, кто был

свидетелем этого постыдного поступка, не на миг не показалось, что он сделал это случайно. У Хагана от удивления выпало из рук оружие, и Вульпес тут же поверг его. Это единственное поражение нашего великана, он очень не любит о нем вспоминать.

– А разве ты сам не говорил мне, что все средства хороши, чтобы победить? Разве этот удар запрещен?

– Хозяин, – произнес ланиста тяжело глядя на гладиатора.

– Хозяин. Ты ничего не говорил мне об этом, когда знакомил с правилами...

– Ты не обижайся, Урсус, – Гней мимоходом проверил, словно сбрую на лошади, как у Урсуса закреплен наруч, – но ты, видимо, родом из совсем диких мест, где нет никакого представления о воинской чести. В правилах ничего об этом нет, потому что никому и в голову не придет трогать противника за чресла ради победы. Так вот... Их поединок состоялся в последний день прошлых игр, и на пиру в ознаменование их окончания Хаган поклялся убить Вульпеса, если их опять поставят в пару. Это дошло до прокуратора, и он лично запретил выставлять их друг против друга. Понимает, что если Хаган захочет убить Вульпеса, то убьет, несмотря на подлые трюки. А Пилат этого не хочет, потому что очень веселится, когда этот лис или бросает сопернику в глаза песком или смотрит с ужасом через плечо, чтобы отвлечь внимание.

Глашатай объявил бойцов так:

– А теперь, досточтимая публика, битва между медведем и лисом! Урсус и Вульпес! Что более полезно в смертельном бою? Мужество и сила или хитрость и ловкость?

После приветствия прокуратору они развернулись друг к другу. Меч Вульпеса изгибался посередине, как хоккейная клюшка, щит у него был тоже круглый, но поменьше, чем у Урсуса, зато полностью выкован из металла. В глазах его даже сквозь забрало был заметен огонек всепоглощающей, первобытной ненависти. Из озорства Урсус подмигнул противнику – в ответ хищный огонь разгорелся ярче. После трубного сигнала к началу боя они кинулись друг на друга.

Лис поначалу не показался опасным противником: бил не сильно, уклонялся не особенно быстро, хотя и эффективно. Скоро стало понятно, зачем изогнут его меч – так было легче обойти щит противника. На кожаном наруче Урсуса появились пара глубоких порезов. В очередной раз почти почувствовав клинок на своей коже, Медведь решил побыстрее закончить бой, тем более, что зрители уже недвусмысленно стали выражать нетерпение. Он начал наносить удары по шлему противника, зная, что так он только оглушит его, а не раскроит череп. Шлем Вульпеса загудел как колокол, а сам лис, как говорят боксеры, «поплыл»: руки его стали опускаться, а движения становиться все менее уверенными. После очередного удара «в бубен» Урсус вышиб у него из руки меч и ударом щита, который он подглядел у Хагана, от-

правил на землю глотать песчаную пыль.

Однако, к чести Вульпеса, он не стал выкидывать «белый флаг» в виде двух сведенных вместе указательного и безымянного пальцев. Он силился встать и встретить решение зрителей на ногах. Урсус помог безоружному подняться, при этом помня о предупреждениях ланисты, он достал кинжал из ножен на поясе Вульпеса и отбросил его подальше. Для того, чтобы узнать решение прокуратора он перевел взгляд на балкон. Пилат почему-то медлил... В Тут Урсус испытал в высшей степени приятное потрясение – по левую руку от Пилата он заметил светлый овал женского лица и скорее сердцем, чем глазами узнал Орит... Она, заметив его взгляд, помахала рукой. Вдруг он услышал металлический щелчок и почувствовал движение рядом. Медведь резко развернулся к Лису. Тот, воспользовавшись замешательством, попытался ударить щитом, но Урсус чудом успел отклониться. Однако в следующий момент почувствовал на боку острую боль – его как кипятком ошпарили. Рефлекторно он выбросил руку с мечом перед собой, отстраняясь от непонятной опасности...

Через секунду зрители наблюдали, как меч Урсуса раскачивался в такт конвульсиям Вульпеса, который заливал песок вокруг себя кровью из распоротой брюшной артерии. А Урсус освободившейся рукой зажимал рану на боку, оставленную потайным выкидным клинком, который прятался в щите Вульпеса.

Рана оказалась неглубокой – клинок лишь распорол кожу на ребрах. Лекарь-иудей состоявший при школе Берцеллиуса, собрался было наложить швы, но в загон для гладиаторов вбежал гарнизонный лекарь, который пользовал Урсуса, когда тот жил у легионеров.

– Аве, Урсус! – закричал он. – Меня прислал декурион Тиберий Порциус, дабы не дать этим коновалам изувечить тебя, – и как будто только сейчас заметил коллегу. – Прошу вас, не обижайтесь, это всего лишь цитата.

И уже как бы обращаясь исключительно к Урсусу, вполголоса добавил, прекрасно понимая, что его слышит не только раненый:

– Хотя я всецело разделяю эти опасения...

Лицо гладиаторского лекаря стало наливаясь кровью, он был тучен и явно склонен к апоплексии.

– Ну, что тут у вас? А ну, отойдите в сторонку, любезный, – римлянин нетерпеливо потрепетал пальцами.

– Послушайте, вы! Командуйте у себя в гарнизонной лечебнице! Это раб ланисты Гнея Берцеллиуса, и я приставлен лечить его! – фальцетом закричал иудей.

Маленький, сухой римлянин, скорее склонный к обморокам, побледнел и вкрадчиво произнес:

– Неужели вы думаете, что ваш сутенер посмеет отказаться от помощи, великодушно предложенной офицером императорской армии?

– Господа! – перебил их Урсус. – Пока вы тут выясняе-

те у кого крыша круче, я истеку кровью из-за этой пустяковой царапины. О чем вы спорите? Тут делать нечего – пару швов...

Лекари помолчали. Первым нашелся шустрый римлянин. Он отодвинул ветошь, прикрывающую рану и задумчиво произнес:

– Положим, парой швов тут не обойдешься, но трех вполне хватит...

– Пять! Не меньше! – торжествующе заявил иудей. – Так он быстрее сможет драться.

Римлянин, не глядя на коллегу, спросил:

– Чем вы собираетесь шить?

– Нитками, – издевательским тоном произнес иудей, – чем же еще прикажете шить?

– Какими, позвольте узнать? – снова бледнея спросил римлянин.

– Хлопковыми. Какими же еще? – иудей обвел глазами присутствующих, как бы приглашая разделить его недоумение по поводу явной глупости оппонента. Тем временем находящиеся в помещении гладиаторы, надсмотрщики и два легионера столпились вокруг и с интересом наблюдали за ходом консилиума.

– Хлопковыми?! – вскричал римлянин. – Оно и видно, что вы абсолютно не осведомлены о последних достижениях современной медицины!

Он достал из складок тоги отливающий гляncем моток,

поднял его над головой и обращаясь ко всем возвестил.

– Китайский шелк! Выбор императорских легионеров! Многократно снижает риск гнойного заражения раны.

Иудей презрительно фыркнул:

– Нить, получаемая из червя?! Она сама по себе – источник заражения.

– Вы невежественны и имеете наглость своим невежеством кичится!

– Если вы думаете, что там, в своем Риме, больше понимаете во врачевании ран, то это – глубочайшее заблуждение!

– Да что вы, жалкие иудеи, можете понимать в медицине вообще и в военной хирургии в частности?

– Побольше вашего! Вы только и можете, что придумывать латинские названия греческим терминам. А ваш Цельс всего лишь и сделал своего, что описал клинику сумасшествия! Благо, материала у вас там хватает – каждый второй!

– Может быть, вы назовете имя хотя бы одного великого врачевателя из иудеев?

– Их множество! А вам они неизвестны из-за вашей неосведомленности!

– Да у вас даже школы своей нет!

– Наглая ложь! Наша школа происходит от египетской, более древней, нежели греческая! В отряде Моисея было немало искусных врачевателей, которые передали нам свои знания.

– Надо быть воистину слабоумным, чтобы полагать, что

главное преимущество науки – это ее древность. Это же нонсенс! Искусные врачеватели... Да если хотите знать, ваши египтяне хороши были только в искусстве мумифицирования своих несчастных пациентов!

Обалдевший от такой наглости потомок Моисея не нашелся, что ответить... К этому моменту он настолько налился кровью, что, казалось, сейчас лопнет. Его оппонент, напротив, был бледен, как покойник.

Иудей заверещал:

– Прошу вас немедленно выйти вон и не мешать мне работать!

Вместо ответа римлянин внезапно дал ему звонкую пощечину, за что тут же получил в ответ неуклюжую, но тяжелую оплеуху. Зрители восторженно взревели, а медицинские светила начали демонстрировать навыки рукопашного боя. Урсусу хватило бы авторитета, чтобы немедленно прекратить свару, но... Гладиаторы и легионеры от всей души потешались. Не часто им приходилось наблюдать за тем, как дерутся между собой представители мирных профессий. Но после пары минут военных действий, сводившихся к тому, что иудейский воин пытался реализовать преимущество в массе и подмять противника под себя, а римлянин, понимая эту опасность, старательно уходил от ближнего боя, выставляя в сторону лица противника острые кулачки, зрители заскучали. Тогда один из легионеров встал между дерущимися и принялся увещевать:

– Господа лекари. Хватит. Довольно! Солидные же люди... Примиритесь.

Господ лекарей не пришлось долго уговаривать, они разошлись в разные стороны, одергивая на себе одежды, ворча под нос и отдуваясь.

– Итак, господа, позвольте мне рассудить вас, – сказал тогда Урсус. – В качестве шовного материала я предпочту шелк мэйд ин Чайна. Надеюсь, этот тот случай, когда китайскому качеству можно доверять.

– Ты не пожалеешь! – обрадованно закричал римлянин, бросая на иудея торжествующие взгляды. – Это лучший китайский шелк. За один моток заплачено шесть сотен казенных динариев.

– А вот операцию я доверю иудейскому специалисту, – продолжил Урсус. – Ибо, полагаю, он лучше знает, какое именно лечение нужно гладиатору, а не легионеру.

Польщенный лекарь даже поклонился немного, пряча довольную улыбку.

– И примиритесь, господа. Как говаривал кто-то из философов, один хороший лекарь стоит тысячи воинов. Не хотелось бы, чтобы такие могучие силы враждовали между собой.

Испросив у Гнея разрешения, Урсус пригласил гарнизонного лекаря на торжественный ужин в ознаменование очередного дня игр. Там эскулапы выпили мировую, а потом

уединились в беседке в конце сада, прихватив с собой кувшин фалернского. Из-за стола их выгнали, потому что уж слишком громко принялись они обсуждать преимущества и недостатки различных конструкций пил для ампутации конечностей.

В самый разгар вечеринки Берцеллиус подозвал к себе Урсуса. Когда раб подошел, хозяин, не вставая с ложа, сделал знак приблизиться. Урсус хотел было наклониться, но боль в боку не дала ему это сделать. Видя неудобства гладиатора, ланиста и не подумал приподняться.

– Ну же! – требовательно произнес он и щелкнул пальцами. Сегодня он был пьян больше обычного.

Тогда Урсус, скрепя сердце, встал на одно колено. Гней сказал со скабресной ухмылкой:

– Эх, Урсус. Завидую я тебе. Сегодня тебя снова кое-кто поджидает...

– Самаритянка? – обрадовался Урсус.

– Нет. С чего ты взял? Не надоела еще тебе эта шлюха? Сегодня благородная римлянка. Вдова того самого легионера, которого ты убил у акведука...

Урсус вскочил. В боку резануло.

– О времена, о нравы! – вскричал он с отвращением. На русском он выразился бы конкретнее...

Гней хохотнул:

– Что ты? Ничего особенного... Понятно, она не очень ладила с супругом и хочет отблагодарить своего избавите-

ля. Матрона получила неплохую компенсацию за гибель кормильца на государственной службе, может себе позволить.

– Я не пойду, – твердо сказал Урсус.

Гней со стуком поставил кубок, который держал в руке. Вино плеснуло на стол. Перекосившись от ярости, он зашипел:

– То есть как это не пойдешь?

– Как ты себе хочешь, а не пойду! – твердо ответил Урсус.

Присутствующие начали обращать на них внимание. Что-то смекнув, Гней сменил гнев на милость. Лицо его разгладилось.

– Будь по-твоему. В конце концов ты ранен. Поправишься – вдвойне отработаешь мой сегодняшний убыток. Ступай!

Он отвернулся и, как будто тут же забыв о своенравном рабе, потянулся к кубку.

Этот разговор окончательно испортил Антону Сергеевичу настроение. До этого он пил и никак не мог прогнать мысли о сегодняшнем убийстве. Утешение, что все нереально, совершенно перестало работать...

А тут еще ему напомнили о том, что убийство это не первое. Оба были совершены в порядке самообороны. Но сегодня... Глядя на то, как умирает в луже крови его враг, Урсус испытал явное удовольствие. Он попытался понять его природу. Вернул в памяти картинку с качающимся мечом и прислушался к ощущениям. Раскаяния или сочувствия точно не было. Зато явно присутствовало злорадство и... да, то са-

мое удовольствие. Как от хорошо сделанной, непростой работы... Как у баскетболиста после заброшенного трехочкового. Вульпес, конечно, был мерзавцем, но заслужил ли он смерть? Что за вопрос? Он сам хотел убить. При этом максимально цинично и подло. Значит, однозначно заслужил! Значит, не из-за чего переживать. К черту всяческие угрызения и рефлексию!

Но вот это вот удовольствие... Первобытная радость убийцы.

«Боже мой, я превращаюсь в чудовище! Или всегда им был, но тщательно скрывал это от себя... И эти люди вокруг. Если они родились в моем воображении, то почему они такие твари? Вульпес – подонок... Гней – гнида. Притворяется добряком, а сам... грязный сутенер! Тиберий... Продал меня, как скотину на убой. Баба еще эта сумасшедшая... Деньги за смерть мужа получила и на них его убийцу себе в постель тащит... Фу. Какая гадость!

Одно из двух. Либо сам я такая же тварь, и мой спящий разум плодит чудовищ, ибо другого не может себе представить. Либо пытается реалистично воссоздать атмосферу этих жестоких времен, когда люди могли вести философский беседы, а после хладнокровно и жестоко убивать...»

Тут к нему подошел охранник и сказал на ухо:

– Урсус. Та самаритянка, к которой мы вчера тебя отводили. Помнишь?

Гладиатор вскинул голову:

– Конечно!

– Она прислала человека, с которым передала вот это, – охранник незаметно сунул ему в руку маленькую склянку из темного стекла. – Это их самаритянское снадобье. Велела нанести на рану перед сном.

Урсус спрятал предмет за пазуху.

– Еще она просила справиться о твоём здоровье. Что передать?

– Скажи, все прекрасно! И... что я снова хочу ее видеть.

Охранник хотел было отойти, но Урсус поймал его за рукав:

– Скажи, зачем ты помогаешь мне?

Тот усмехнулся.

– Я просто хороший человек.

– Благодарю тебя, друг! – с чувством произнес Урсус.

Охранник выдернул руку.

– Какой я тебе друг?! Мне заплатили, дуралей!

При воспоминании об Орит на душе у Антона Сергеевича потеплело.

«Да нет. Не все они так плохи... А та несчастная женщина, возможно, хотела отомстить за смерть мужа и приготовила кинжал или яд для его убийцы.»

Когда пир уже подходил к концу, из сада донесся недурно разложенный на два голоса «Gaudeamus». Высокий, почти женский голос немного картаво, но душевно и с надры-

вом выводил основную тему, а приятный тенор вторил ему на идеальной латыни.

IX.

Из-за ранения Урсус на следующий день был освобожден от участия в играх, а потому проспал почти до полудня. Разбуживший его охранник объявил:

– Гней заботится о тебе, как папа. Он известил твою самаритянку, что ты сегодня свободен. Она ждет тебя к обеду. Я бы на твоём месте уже не завтракал – о самаритянской кухне ходят легенды...

«Так вот как старый жлоб решил возместить свой убыток из-за моего вчерашнего отказа, – понял Урсус. – Что ж, я не против...»

Охранник оказался прав: обед был великолепен. Среди вкуснейших блюд, любовно подобранных хозяйкой, тонким и экзотическим вкусом выделялся ягненок, запеченный в земляной яме. Разделив трапезу с Урсусом и утолив жажду желтым галльским вином, Орит пришла в расположение побеседовать.

– Расскажи, что еще есть в твоём времени, чего нет в нашем?

– Чем тебя удивить?.. – Антон Сергеевич задумался ненадолго. – Люди умеют летать.

– Они отрастили себе крылья?

– Нет. Построили железные машины, которые поднимают их в небо.

– Железные?

– Ну, если быть точным – металлические.

– Не из легкого бамбука, не из китайского тонкого шелка... Из металла?

– Да.

– Ох, медвежонок, ты все-таки сумасшедший...

– Этот металл очень легкий, такого еще нет у вас... – тут Антон Сергеевич решил немного вспылить. – Будешь обзывать, вообще не буду больше ничего рассказывать!

– Не обижайся, – Орит обезоруживающе улыбнулась. – Скажи лучше. Если у вас есть такие машины, которые могут делать за людей тяжелую работу, думать за них и даже носить по небу, значит у вас настал рай земной?

– Нет. Вовсе нет.

– Но почему?! Чего вам не хватает? Манны небесной? Амброзии? – возмутилась она.

– Да просто люди разные. Кто-то счастлив, кто-то нет...

– Послушай, – Орит остановила жестом его жалкую попытку оправдать откровенную нелепость. – Я не говорю сейчас о тех, кому скучно и в райских кущах. Или о тех, кому в аду хорошо, потому что не холодно... Чем больше сытых и хорошо укрытых от непогоды людей, тем ближе царствие небесное на земле. Неужели при всех этих ваших машинах человечество не стало жить лучше?

– В общем, конечно, лучше. Люди стали цивилизованнее. Рабство запретили. Но все равно есть те, кто ни в чем не

нуждается, а есть и неимущие.

Орит заметно погрузнела:

– Я так и знала... Человеческая природа никогда не измениться. Как были люди животными, так и останутся...

– Да перестань. При чем здесь животные? – отмахнулся Антон Сергеевич.

– Только не начинай это старую как мир песню о том, что животные лучше людей и никогда не будут убивать из удовольствия или от жадности...

– Это настолько старая песня? – удивился он.

Она не обратила внимания на этот вопрос.

– Что происходит, когда волчья стая настигает оленя? – она вскочила и принялась сопровождать свои слова выразительными телодвижениями. – Сначала к туше пристраивается вожак, потом все остальные, по иерархии. Одни едят жирные куски, другие глодают копыта. И если кто-то попробует посягнуть на долю более сильного, то тут же будет жестоко наказан или даже убит... Посмотри. Ты – Медведь, тот – Пантера, этот – Лис. Чему вы подражаете? Звериной беспощадности? Жадности? Умению убивать? Пока люди не перестанут уподобляться животным, не станут они счастливы. Пока в человеке живет зверь, он будет жесток и жаден. Разум дан человеку, чтобы отличаться от неразумных тварей. Чтобы, избавившись от низменных инстинктов, познать суть вещей, уподобиться богу и обрести бессмертие!

Глаза самаритянки были широко распахнуты и блестели.

Она замерла в экспрессивной и грациозной позе. Антон Сергеевич смотрел на нее восхищенно, как будто открывая для себя заново. Сейчас он ясно понял, что больше не может относиться к Орит как к забавному приключению, что встреча с ней – это лучшее из всего, что случалось с ним в обеих жизнях... Она заметила этот взгляд, поправила растрепавшиеся волосы и села на свое место. Печально подытожила:

– Но нет. Никогда человек не убьет в себе зверя. И вечно будет он волком для ближнего своего...

Помедлив, Антон Сергеевич сказал:

– Орит, ты прекрасна! И... я как будто слышу свои мысли в твоих словах.

– Это не совсем мои слова. Так учил меня отец, мои учителя. А их в свою очередь целый сонм мудрецов, живших до них.

Следующие пять дней игр прошли по единой схеме. До обеда Урсус отсыпался после ночи, проведенной с Орит. Потом его отводили на ипподром, где он, как исправный цирковой артист отрабатывал на арене свою часть представления. Он легко выигрывал поединки; то ли опыта набрался, то ли самые сильные соперники закончились в первые дни. Урсусу приходилось сдерживаться, чтобы не портить зрелище, а заодно дать сопернику оказать «достойное сопротивление», что позволяло избежать смертельного вердикта. И если Урсусу удавалось скрывать это от зрителей, которые пребывали

в перманентном восторге от его непобедимости, то для гладиаторов его ухищрения были очевидны, и он день ото дня чувствовал, как росли уважение и благодарность к нему товарищей по оружию.

И если внешне все ему удавалось легко, то внутри происходило тяжелое противостояние. Антону Сергеевичу приходилось сдерживать дикое желание Урсуса проткнуть, покалечить, убить. Жестокая натура древнего воина впервые проявилась в нем в той самой схватке в акведуке. И с тех пор как у Антона Сергеевича появилось медвежье прозвище, она проявляла себя с каждым днем все откровеннее. Это не было раздвоением, как при шизофрении – когда альтернативные личности не пересекаются и не подозревают о существовании друг друга вплоть до медицинского вмешательства. Антон Сергеевич и Урсус существовали одновременно, причем сущность старого программиста была основной. Когда было нужно она как бы отходила на второй план и давала молодому воину распоряжаться телом и эмоциями. И очень важно было вовремя выходить из «фонового режима». Но и в активном режиме цивилизованная ипостась души ощущала отголоски дикарских эмоций.

И если на арене для него уже ничего нового не случалось, то в отношениях с Орит происходило нечто совершенно замечательное... Урсус проводил у нее почти каждую ночь и ему не то что не надоедало – наоборот! Ему абсолютно не

хватало времени, чтобы насытиться этой женщиной. Каждое утро он покидал ее с сожалением и не понимал, как время может идти так быстро.

Та самая новая дикарская часть души проявляла себя и в любовных баталиях. И вот тут бороться с ней Антон Сергеевич совершенно не хотел... Он, как и на арене, с удивлением наблюдал со стороны за тем, что творит Урсус. Для прожившего долгую жизнь человека стало открытием, что такое можно вытворять со своим телом. И с другим телом тоже... Еще одним открытием было то, что делать это можно не один, не два и даже не три раза за ночь. Гладиатор брал паузу на то, чтобы выпить, поговорить и снова набрасывался на бедняжку. Впрочем, ей это нравилось...

Когда-то он думал, что любит жену, но теперь понял, что это была никакая не любовь... Любовь без страсти – привычка.

К Орит он привыкнуть не мог и не смог бы никогда. Все в ней удивляло и восхищало его: необычайная красота, грация, ироничный и непредсказуемый ум. Он не привык к вниманию таких женщин...

Его жена была весьма недурна собой. После нее в круг его интимного общения попадали в основном женщины из профессионального окружения – студентки, аспирантки, научные сотрудницы. Среди них тоже встречались весьма привлекательные особы, как телом, так и душой, но всем им бесконечно далеко было до Орит... Между нею и всеми ни-

ми была пропасть. Как между «Мисс Университет» и «Мисс Вселенная».

Однажды в порыве страсти Урсус признался Орит в любви. Потом, переведя дух, он спросил:

– Орит, милая, ты поняла, что я сказал тебе? Ну... когда мы... – он замялся.

– О чем ты, медвежонок? – нахмурила она лоб.

Урсус пробормотал обиженно:

– Ты серьезно?.. Ты не обратила внимания?

Она улыбнулась и поцеловала его, он ответил с юношеской готовностью. Она принялась отбиваться и отбившись сказала:

– Конечно, я тебя слышала. Просто дразнюсь. Я тоже люблю тебя.

– Тоже? Как ты легко к этому относишься... Для тебя это пустяки?

– А по-твоему, я должна быть серьезной? – удивилась Орит.

– Ну конечно... – сказал Урсус уже не так уверенно.

– Хорошо, – она села и сделала серьезную мину. – Я отдаю за возможность видеть тебя бешенные деньги этому твоему лысому кровопийце Берцелиусу. На них уже можно было бы купить пару молодых, здоровых негров для утех, но я предпочитаю тебя. Разве это не любовь?

Он совершенно обалдел от этого аргумента и гневно уста-

вился на нее. Она заливисто засмеялась.

– Ну-ну. Не смотри так, медвежонок. Я так и знала, что ты влюбишься. В меня невозможно не влюбиться... – она приняла соблазнительную позу.

– Это точно! – он поймал и поцеловал ее руку. – И все-таки?

– Что «все-таки»? – она как будто забыла предмет разговора. – А... Почему я несерьезно? Потому что это хорошая новость. Как еще я должна к ней относиться? Вот если бы ты сказал, что тебе больно мочиться после ночи со мной, тогда бы я отнеслась к этой новости серьезно. Но ты сказал, что любишь – мне легко и весело от этого...

Он схватил подушку и принялся лупить ею Орит, та завизжала, но не слишком громко, чтобы не напугать охрану.

После он подумал, что, в каком-то смысле, она права. Зачем усложнять? Зачем делать сложным то, что проще простого? Но ее реакция не перестала казаться ему странной. Он был уверен, что какой бы менталитет ни был у человека, даже древнесамаритянский – все равно момент признания, когда выясняется, что предмет его любви отвечает взаимностью – это очень серьезный момент, способный вызвать скорее слезы радости, но никак не смех...

В другой раз на волне адреналина после очередной любовной феерии он сказал:

– Возможно, этот мир мне и мерещится, но чувства – не

иллюзия. Я понимаю, звучит как бред... Пусть этот мир эфемерен, но мне не нужен тот, другой, где нет тебя! Никогда там, наяву, я не испытывал ничего подобного. Орит, с тобой я в первый раз в жизни счастлив по-настоящему!

На седьмой день игр, перед ежевечерним застольем, Урсус пригласил к себе Агмон. Оказалось, что у него отдельная комната с двумя большими окнами, выходящими на море.

– Хорошо у тебя, – завистливо произнес Урсус. У него, как у восходящей звезды, тоже была отдельная комната, но ей было далеко до этой. В его келью вмещалось только самое необходимое, а единственное оконце выходило во двор.

В углу гость заметил небольшую ажурную этажерку, полную толстых, на вид тяжелых свитков.

– Что это? Целая библиотека... – поинтересовался он.

– Гомер. «Илиада», – был ему ответ.

– Как это? Тут только «Илиада»?

– Да. Все двадцать четыре песни, примерно по две на свиток. Итого четырнадцать свитков.

– А почему Гомер? Неужели ты раньше не читал? Гомер же для вас как Пушкин...

Агмон пропустил незнакомое имя мимо ушей:

– Конечно читал. Раз двадцать.

– Не надоело?

– Что ты? В этой поэме вся мудрость мира. Она каждый раз открывается по-новому.

– А «Одиссеи» почему у тебя нет? Она хуже, что ли?

– Как это хуже? Как их вообще можно сравнивать?.. «Одиссея»... – он мечтательно вздохнул. – Но послушай, я на «Илиаду» полгода откладывал. Каждый свиток – двадцать денариев. Всего почти триста. Годовое жалование императорского легионера меньше.

– Ясно. Так, а зачем ты позвал меня, Агмон?

– Я хочу сделать тебе подарок. Присядь, пожалуйста.

Урсус уселся в кресло, стоящее рядом с этажеркой. «Только торшера не хватает...» – снова позавидовал он.

– Очень интересно. Какой же?

Агмон достал свиток с верхней полки. По сравнению со свитками «Илиады» тот казался совсем крошечным. Грек встал в позу и возгласил:

– Посвящается моему другу и собрату по оружию Антонию Сергиусу.

*В день тот великий начала Пилатовых игр,
В память людскую что врежутся на век,
Вышел во двор к нам наш старый ланиста
Чтобы взбодрить, на победы настроить.*

*«Агмон!» – обратился ко мне он и лоб свой нахмурил.
«Есть тут один новичок, прозывается Урсус.
Он победил у колодца гиганта Хага́на.
Был тот низвергнут бедняга в пучину хладну́ю.*

*Очень расстроился он, хоть и вида не подал.
Есть, знать, в крови у германцев понятие о чести...*

*Слушай, мой славный Агмон, я ведь зря не болтаю.
Сила в том Урсусе есть, есть и ловкость, и хитрости
мера.*

*Будь с ним предельно ты собран. Но помни!
Если умрет кто из вас – много денег теряю».*

*С этим напутствием вышел я на Медведя,
Гордый эллин против тина, что род свой не помнит.
Сетью накрыл я его, как большую, но глупую рыбу.
Он же коварно под ноги копье мне просунул...
Пока, проклиная судьбу, я в пыли кувыркался,
Он, извиваясь змеей, мою сеть перерезал.*

Вот и остались у нас на двоих два кинжала...

Агмон читал со страстью, юным, звенящим от волнения голосом. Сначала ему было трудно, он явно смущался. Потом поэт разошелся и перестал заглядывать в свиток.

*Солнце клонится к закату, бьются волны о берег
Так обозначили боги эту последнюю сцену.
Смотрят потомки Иуды, смотрят праправнуки Рема
Смотрит вся Иудея, какую заплатим мы цену.*

*Как я упал и не вспомню.
Вот я лежу, распростершись...*

*А прокуратор надумал этот день смертью украсить...
Стал ждать я смерти прилежно, так, как учили нас с детства.*

*Чтобы не выдать испуга, стал всем богам я молиться.
Всех их припомнил... от Зевса до Пана.*

*Но ведь я с вами, друзья, и пишу эти строки.
Бьюсь на арене, любви предаюсь, винопитью и чревоугодью.*

*В том лишь заслуга его,
Ему имя Антоний.*

*Пусть ты не помнишь, откуда ты родом,
Аве, Урсус, ты пример всем народам!*

Когда Агмон закончил, Урсус заметил стоящие в его глазах слезы. Он встал, принял с поклоном свиток и отвернулся к окну, чтобы скрыть собственные переживания. С одной стороны, он был тронут до глубины души; ему еще никто не посвящал хвалебных од, с другой, его насмешила эта смесь стихотворных размеров и диких ударений...

Вид из окна портили толстые прутья. Урсус взялся за один

и попробовал дернуть. Металл не поддался ни на миллиметр.

— Зачем тебе, свободному человеку, все это?

— Я родился на Родосе, в бедной семье, — признался Агмон. — У меня был выбор: либо в рыбаки, либо в легион. Я решил ловить рыбку пожирнее... Ретиарием я зарабатываю как десять родосских рыбаков или как два римских легионера. А риск есть везде, у гладиатора даже меньше. У рыбаков очень ненадежные лодки, а у легионеров судьба...

— Неужели для тебя лучше быть куском мяса, чем бедным, но свободным рыбаком... или, к примеру, поэтом? — Урсус согнул руку со свитком. — Когда-нибудь ты постареешь, утратишь ловкость и силу, и какой-нибудь мясник проткнет тебя насквозь на потеху алчущей крови публике.

— А почему ты не думаешь, Урсус, что еще до того, как состариться, я успею накопить денег на хороший дом в Греции, оливковую рощу и стадо овец?

— Да хотя бы потому, что я вижу вот эти полки со свитками, которые стоят годового жалования легионера. Вот эту дорогую посуду на твоём столе, золото в твоей одежде... Ты любишь такую жизнь. Ты гладиатор, Агмон, а не землепашец, а значит, умрешь на арене.

Вместо ответа молодой ретиарий взял со стола кувшин и стал разливать вино по серебряным чашам с отчеканенным по краям меандром.

5.

Благородное семейство уселось за стол праздновать Рождество сразу после восхождения первой звезды. Традиция сия, как понимал про себя Антон, поддерживалась исключительно для того, чтобы напоминать о дворянских корнях матери семейства – никто здесь в бога не верил, во всяком случае открыто.

Подтверждения благородного происхождения в виде фарфорового сервиза в серванте и серебряных столовых приборов с вензелями, содержащими первую букву девичьей фамилии тещи, видимо, было недостаточно. Их когда-то с гордостью демонстрировали будущему зятю во время церемонии знакомства с родителями невесты. Тогда Антона особенно заинтересовали нож для сыра с маленькой вилочкой на конце широкого лезвия и яйцерезка-ножницы в виде подробно исполненного вплоть до оперения петушка.

Гвоздем программы был гусь, запеченный с яблоками. Теща уже давно не работала и ее основным занятием стало приготовление домашней снеди, в чем она немало преуспела. Об этом косвенно, но недвусмысленно свидетельствовало изрядное брюшко тестя. На обед у них всегда было первое, второе и десерт, а на завтрак и ужин обыкновенно предлагалось несколько блюд на выбор.

Женщины пили кагор. Тесть по случаю праздника отку-

порил бутылку французского бренди, привезенную из заграничных гастролей. Несмотря на настоятельные уговоры, зять от возлияний отказался. Даже «пригубить для проформы». Тогда тесть напоказ принялся наслаждаться напитком единолично.

Когда ленинградцы подвыпили и развеселились, они начали говорить одновременно. Потом своим поставленным голосом всех перекричала теща и принялась в очередной раз рассказывать про свои героические роды. Это была ее любимая история, и она, видимо, считала ее совершенной, потому что раз от раза повторяла ее почти дословно. В ней фигурировали «адские муки» и некий доктор, «статный красавец», который был «необычайно широк в плечах... примерно в два раза шире, чем, Вы, Антон Сергеевич» и имел «пронзительный взгляд». Видимо, для того чтобы смягчить впечатление, она упомянула с брезгливой гримаской о его волосатых пальцах...

Антон думал о том, как это бестактно. Это было все равно, как если бы он принялся рассказывать про какую-нибудь женщину и сказал: «она была очень красива... примерно в два раза краше вашей дочери, мадам». Однако далеко не статный и некрасивый тесть, слушая историю жены, довольно улыбался и попыхивал своей вонючей трубочкой, зажимая ее в довольно волосатых пальцах.

Антон скучал и, по всей видимости, не особенно это скрывал.

Спохватился он, когда за столом повисла неприятная пауза и обнаружилось, что все смотрят на него, явно ожидая какой-то реакции.

Он был вынужден признаться:

– Простите, Надежда Леонидовна, я не расслышал ваших последних слов.

Теща недовольно заметила:

– Не думала, что говорю так невнятно. Что ж... давайте сменим тему.

Последовала новая неуютная пауза...

Тесть решил заполнить ее следующим сообщением:

– А у нас в оркестре эпидемия посленовогодняя, – он ухмыльнулся. – Человек десять занемогли бедные, из них только скрипачей шестеро, и все не явились на репетицию. В понедельник за двоих отдуваться придется. Решительно не понимаю, как же можно так неаккуратно Новому году радоваться...

Тему подхватила дочь:

– А вот некоторые полагают, что вы там исключительно для громкости стараетесь.

Музыкант поперхнулся очередным глотком бренди.

– То есть как это для громкости?! Это ж какие-такие некоторые?

– Да так... Некоторые великие ученые, – она иронично покосилась на Антона. Тот даже вздрогнул; он никак не ожидал такого предательства.

– Да я вовсе не то имел в виду... – промямлил он, краснея.

– Тогда потрудитесь объяснить, что конкретно вы имели в виду, молодой человек! – не скрывая раздражения, поинтересовался тесть.

– Я, наверное, чего-то не понимаю... Ну а для чего же столько человек играют на одинаковых инструментах? Возможно, для усиления резонанса звуковых волн... – продолжил закапывать себя Антон.

Тесть лишь запыхтел возмущенно.

– Воистину, некоторым стоит хотя бы попытаться скрывать свое невежество, – вступилась за мужа потомственная дворянка. – Я конечно, понимаю, узкая специализация подразумевает некую ограниченность взглядов. Но...

Тут тесть взорвался:

– Резонанс! Да как у вас язык повернулся?! Я же не лезу в эти ваши... алгоритмы, если не понимаю в них ни черта! – он задохнулся.

– Мишель, тебе не стоит принимать подобные дикие замечания так близко к сердцу, – строго заметила Надежда Леонидовна. При этом смотрела она почему-то не на мужа, а на зятя. Глаза ее метали молнии.

Антон открыл было рот, но его остановил волевым жестом жены.

– Антон, – холодно произнесла предательница, – возможно, тебе стоит наконец промолчать...

Тут уже он не выдержал и вскочил.

– Возможно, мне вообще стоит уйти, дабы не стеснять вас своим присутствием?

– Не исключено, – мрачно произнес тесть.

– Папа! Антон!

«Угомонись, Ольга! Остынет, вернется», – услышал он, перед тем как захлопнуть дверь, голос тещи.

«Как бы не так!» – подумал он весело и вызвал лифт. «Буратино, сынок, я иду к тебе!»

Какой-то «мудрый человек» сказал жене, что детей надо заводить после тридцати. Она говорила об этом с весьма загадочным видом, явно ожидая расспросов о «мудреце», и не дождавшись их, обиженно поджимала губы. Антон намеренно не хотел ворошить эти кости в шкафу.

Было уже такое. Бывшая скрипачка полюбила его не первым, и несколько раз рассказывала ему о своей первой любви, пару раз о второй и однажды о третьей. После этих историй она становилась необычайно страстной. Ей все это очевидно нравилось и возбуждало, а ему было гадко и даже подташнивало. Чувствовалось, что было еще кое-что в запасе, но Антона это не интересовало, и он прямо так и заявил при ее очередной попытке предаться воспоминаниям. С тех пор она ограничивалась лишь туманными намеками... Как, например, про этого «мудреца», которому она почему-то поверила.

А Антон был бы только рад возвращаться в дом, как это

пишут в идиллических зарисовках, наполненный топотом маленьких ножек. Чтобы детские ручки обнимали его за шею, и звенело колокольчиком слово «папа». Но жена объяснила ему, что это, оказывается, эгоизм. Что забота о ребенке ляжет исключительно на нее, поскольку у него времени нет даже на жену, что ж говорить о детях. «Вот доведи до ума своего Буратину, тогда поговорим», – это было ее последнее программное заявление по этому поводу. А он вообще не понимал, как это «Буратино» можно «довести до ума»...

Не прошло и часа, когда, упав на скамейку в «стакане» пассажирского терминала аэропорта «Пулково», Антон с удовольствием перевел дух. В кармане его лежал билет до Москвы, и уже через каких-то пару часов «Папа Карло» мог воссоединиться наконец с «Буратино».

Осознав это, он снова вдохнул полной грудью и даже зашмурился – он обожал воздух вокзала, особенно авиационного.

Основу всех вокзальных обонятельных коктейлей составлял, конечно, нематериальный, романтический, особенный и неопишуемый «запах дальних странствий». И рождался он не в воздухе, а в голове. На железнодорожных станциях к нему примешивались приятные дегтярные нотки от рельсов и тепловозов, угольные ароматы вагонных титанов, и слишком откровенный, но все же приятный шлейф запахов от лотков с беляшами и пирожками с капустой. К сожалению,

все это великолепие периодически перебивалось табачной вонью, алкогольным перегаром и туалетной хлоркой.

Узлы же авиационных путей сообщения благоухали куда благороднее. К романтическому флеру прилагалась обонятельная палитра, в которую входили более или менее яркими мазками духи и одеколоны воздушных путешественников, не в пример более опрятных нежели наземные, кожаные влажные оттенки от дубленок и чемоданов, а также кофейные и коньячные штрихи из буфета. Даже средства для санитарной обработки пахли здесь куда приятнее, наверное, в них что-то специально добавляли.

Вдруг он ощутил движение воздуха рядом с собой и его обдало волной очень знакомого аромата. Точно – это были духи Christian Dior, жуткий дефицит, он подарил такие жене на ее последний день рождения. Он скосил глаза, чтобы посмотреть на их владелицу. И в следующую секунду перепугался, как прогульщик, встретивший строгого завуча школы при входе в кинотеатр. Первым позывом было бежать, но он быстро подавил его и смело посмотрел в глаза супруге. Та села рядом и спросила сурово:

– Скажите, Антон Сергеевич, вы нарочно устроили этот демарш, чтобы бежать к своему Буратине?

– Что вы, Ольга Михайловна?! – возмутился он. – Как можете вы подозревать меня в столь низком коварстве? Это была чистой воды импровизация.

– И что вы теперь думаете... – начала было она, но он

перебил.

– Я думаю о запахах. Знаешь, как пахнет, например, в вестибюле нашего института?

– И как же? – спросила жена равнодушно.

– Очень уютно, – сказал он и задумался ненадолго. – Как ни странно, точно так же, как в квартире моих бабушки с дедушкой когда-то. Мебельным лаком, шахматами, книжной пылью, геранью и немножко супом... как из термоса нашего вахтера.

– Не знала, что ты у нас такой... – она замешкалась, подбирая слово, – нюхач. Уютно... А у моих родителей, значит, неуютно пахнет?

Антон проигнорировал вопрос и твердо заявил:

– Сразу предупреждаю, билет я уже купил и сдавать его не намерен.

– Я тоже купила. Мог бы догадаться – иначе бы меня сюда не впустили. Я даже попросила, чтобы место дали рядом с тобой, – голос ее уже не звучал строго. – Ты не против?

– Конечно нет, – ответил он, улыбаясь, и обнял жену за плечи.

В салоне самолета была куча свободных мест. Они ушли в хвост, где вообще никого не было, и там он согласился выпить с ней шампанского. Потом ему показалось, что она смотрит на него, как какая-то совсем другая женщина на какого-то совсем другого мужчину. Он гладил ее блузку и шов

на джинсах и видел, как мутнеет ее взор. Мимо прошла стюардесса, они отпрянули друг от друга, как школьники, красные и смущенные. Когда небесная проводница погрозила им пальцем, что-то заподозрив, оба прыснули, не сдержавшись.

Х.

Игры подходили к концу, и все яснее становилось: в последний, десятый, день Урсусу придется драться с Хаганом. Им обоим не было равных.

И все бы ничего: показали бы красивый бой да разошлись побитые, но живые... Но Понтий Пилат, дабы добавить драматизма всему действу, в дополнение к условию, по которому победитель финального поединка получал свободу, ввел еще одно: проигравший должен умереть.

За время, проведенное в школе Берцеллиуса, Урсус успел неплохо поладить с добродушным гигантом. У них даже сложилась традиция подбадривать других гладиаторов перед началом боев, когда всем, даже бывалым воинам, становилось не по себе. Каждый мог погибнуть или получить увечье. Все сидели по углам загона напряженные и угрюмые, а ведь для кого-то это были последние минуты в жизни... Чтобы их скрасить, Урсус с Хаганом затевали какой-нибудь спор, соревнуясь в остроумии.

– Эй, Хаган! – обычно начинал Урсус. – Ты понимаешь, что когда мы зададим жару всем этим недоноскам, нам придется драться друг с другом?

– Может, это будешь и ты. Пока тебе везет... – отвечал Хаган, презрительно кривя рот. – Все слабаки достаются те-

бе, пока я сражаюсь с сильнейшими,

– Скажи лучше, как ты хочешь умереть? – не отставал Урсус. – Быстро? Или желаешь насладиться моментом?

– Я бы желал умереть не торопясь, в объятиях десятка прелестниц поядренных. Но я не понимаю, при чем здесь ты, медвежонок?

– Такое возможно только в твоем сне. Ты явно себя переоцениваешь. Тебе и с одной прелестницей не справиться.

– Как раз сегодня ночью я загонял до полусмерти двух матерых потаскух. Я отпустил их, только когда они начали молить о пощаде. Тебе же, друг мой Урсус, пощады не будет – мне очень нужна свобода!

Иногда Урсусу казалось, что взгляд Хагана слишком серьезен для шутейного разговора.

В предпоследний день игр Урсус одолел какого-то знаменитого помпейского ретиария. Тот отделался довольно глубокой раной на бедре – пришлось пустить кровь, чтобы поражение выглядело более убедительно. Хаган же, долго не рассусоливая, убил молодого, подающего надежды мурмиллона из галлов, раскроив ему ужасным ударом меча и шлем, и череп.

Теперь перед Урсусом встала четкая альтернатива: в последнем бою либо убить Хагана и испытать все прелести свободной жизни в первом столетии от рождества Христова, либо погибнуть.

В этот вечер Орит вела себя странно. Думала о чем-то своем, на вопросы отвечала невпопад, взгляд ее был рассеян. Урсуса это задело, он ожидал большего внимания к себе накануне решающего поединка. Он спросил с досадой:

– Что с тобой, дорогая Орит? Ты сегодня сама не своя.

Тогда она посмотрела на него пристально и ответила:

– Это все оттого, что сегодня мы видимся в последний раз.

Урсус немного растерялся, оказывается причина ее странного поведения была все-таки в нем! Она переживала за него, бедняжка.

– Ты совершенно напрасно волнуешься. Я уже один раз побеждал Хагана, сделаю это еще раз. Я получу свободу, и мы сможем быть вместе, если ты этого хочешь.

– Нет. Я почти не волнуюсь за тебя, ибо знаю – ты победишь. И, да. Я бы хотела быть с тобой, но это невозможно.

– Это еще почему? Какие-то самаритянские предрассудки? Вам нельзя выходить замуж за чужаков?

– Нельзя. Но меня бы это не остановило...

– Тогда в чем же дело?

Она стала очень серьезной.

– Послушай. Я ведь приехала в Кесарию не для того, чтобы поглазеть на бои гладиаторов. И не для того, чтобы встретить тебя. Это приятная случайность. Я здесь для того, чтобы убить прокуратора.

Сначала ухо ему резанула эта «приятная случайность», но

на фоне последнего сообщения это показалось пустяком.

– Как это «убить прокуратора»? Зачем?

Заручившись его клятвой хранить молчание, Орит поведала, что должна отомстить за смерть отца. До этого Урсус знал лишь то, что ее отец был одним из вождей общины самаритян, и что он умер. Когда и по какой причине – она не говорила, а когда Урсус как-то попытался узнать больше, ушла от ответа. Теперь же Орит рассказала, что полгода назад самаритяне, не выдержав римского гнета, который за время правления Понтия стал невыносим, подняли восстание. Прокуратору пришлось стянуть в Самарию почти все доступные войска. Восстание было подавлено. Вершить суд прокуратор приехал в Шхем¹² самолично.

– По приказу Пилата с моего отца, с живого, содрали кожу, – сказала Орит спокойно. Чего стоило это спокойствие, было видно по тому, как затрепетали крылья ее носа. – У меня до сих пор стоит в ушах его крик... Я узнала от надежных людей, что, после слишком жестокого, даже по римским меркам, избиения самаритян Пилатом недовольны в Риме. Скоро его должны отозвать в столицу империи, и тогда он избежит заслуженного возмездия. Я должна успеть, и завтра на пиру в честь окончания игр – самый подходящий момент.

Пока самаритянка говорила, Урсус все отчетливее ощущал ее решимость и отчаяние, и все яснее понимал, что отговорить ее от этого безрассудного шага будет непросто. Ко-

¹² Шхем – религиозный центр общины самаритян.

гда она замолчала, он спросил, стараясь не выдать волнения:

– Как ты собираешься это сделать?

Орит поднесла к лицу левую руку и развернула кисть тыльной стороной к Урсусу. Ее пальцы были унизаны золотыми кольцами и перстнями, среди которых выделялся один с большим красным рубином. Урсус не раз любовался его непривычной огранкой.

– Яд. Сильный яд, скрытый под этим камнем. Он умрет, пуская ртом пену и сотрясаясь в конвульсиях. За это время я успею рассказать ему, за что он умирает...

– Но ведь потом убьют тебя! – вскричал, не сдержавшись, Урсус.

– О нет. Я не доставлю им такого удовольствия, – она согнула все пальцы кроме среднего, на котором был перстень, – здесь хватит на двоих.

Еще уверенный в своей способности убеждать, он попытался объяснить ей бессмысленность мести, как объяснял бы ребенку, почему ненужно кусать собаку в ответ. Тогда Орит выразила надежду на то, что он уважает ее, как взрослого, здравомыслящего человека, имеющего право на самостоятельные решения. Он рассказал ей историю одного плотника, к мучительной смерти которого был также причастен Пилат. Про щеки, про всепрощение... Она сказала, что слышала о сумасшедшем иудее, который мнил себя сыном божьим и которого три года назад казнили в Ершалаиме. Что встретила его последователей и убедилась, что они так же безум-

ны, как и их учитель. Что ей гораздо ближе старый девиз – отвечать на потерю глаза или любого другого органа равнозначным увечьем. Тогда он стал умолять ее отказаться от мести по той причине, что теми же первоисточниками, в которых содержится это жестокое правило, декларируется неизбежная для каждого негодяя кара после смерти. Эта часть его аргументации даже позабавила Орит. Она заявила, что не настолько полагается на божественное провидение, чтобы доверить ему наказание убийцы своего отца. Тут он вспомнил, что читал о смерти Пилата. Что по легенде, после того, как прокуратора за злоупотребления властью отозвали в Рим, он покончил с собой. В споре с Орит он решил выдать эту легенду за исторический факт и предположил, что самоубийство – самый страшный вариант смерти, и что лучше всего в этом случае предоставить тирану самому себя наказать. Орит резонно призвала его не особенно доверять приданиям двухтысячелетней давности. Кроме того, сообщила, что не хочет давать мерзавцу право на выбор времени и способа смерти. Отчаявшись, он объявил, что сейчас же пойдет и донесет о ее планах кому следует, и ее вышлют из Иудеи навсегда, и пусть им не суждено будет увидеться вновь, но она будет жить. Орит усомнилась в его способности на столь низкий поступок. Тогда, поняв, что отговорить ее не получится, Урсус решил силой отобрать смертоносный перстень.

Орит закричала, в комнату тут же ввалились ее телохранители и конвоирами Урсуса. Вместе они не без труда за-

фикси́ровали разбушевавше́гося гладиатора.

Перешагивая через разбитую посуду и обходя перевернутую мебель Орит приблизилась к Урсусу и прошептала ему на ухо:

– Мне жаль, что мы расстаемся вот так... Пойми. Дело не только в моем отце, но и в сотнях других, кто погиб от руки прокуратора, и в тысячах тех, что продолжают жить при его несправедной власти.

Она хотела поцеловать его на прощание, но он отвернулся. Орит сделала знак, и гладиатора увели прочь.

Когда угрюмого Урсуса привели «домой», традиционная вечеринка была в самом разгаре. Все веселились и оживленно обсуждали завтрашний день – последний день игр в честь десятилетия правления Иудеей римского наместника Понтия Пилата.

Из-за произошедшего у Орит Урсус не разделял всеобщего подъема. Напротив, он находился в угнетенном состоянии духа, более подходящего семидесятилетнему пенсионеру, нежели мужчине в полном расцвете сил – фавориту гладиаторского турнира.

Сейчас он искренне не понимал, как мог радоваться молодости и здоровью, если они даны ему только для того, чтобы сражаться и совокупляться.

Он с досадой припомнил, как стонал побежденный им сегодня гладиатор, когда ему зашивали рану. Проходя мимо,

Урсус скривил рот и сам не понял, что крылось за этой гримасой – стыд за содеянное или торжество победителя.

У «черного» выхода из ипподрома лежали ничем неприкрытые тела убитых за этот день на арене. Среди них особенно неприглядно смотрелся противник Хагана с жутким месивом вместо темени.

Стояла вонь от быстро разлагающейся на жаре крови.

Потом он вспомнил, как сказал Орит, что однажды уже победил Хагана, доказывая и ей, и себе свою уверенность в новой победе. Сейчас он отчетливо понимал, что совсем в ней не уверен. Та первая победа была ненастоящей – на деревянных мечах, теперь же им предстояло биться не на жизнь, а на смерть. Урсус наблюдал за боями Хагана «из-за кулис» и понимал, что последний бой, как в той песне, будет трудным самым... Германец уверенно шел от победы к победе, не тратя лишней энергии, которую как будто берег для решающей схватки. Он желал только одного – свободы, которую давало звание чемпиона игр. По мере приближения финала его все меньше интересовала любовь публики, он перестал устраивать шоу из поединков. Просто уничтожал противников, не давая им и шанса повредить себя. Он был воплощением мощи, целеустремленности и безжалостности.

На понурый вид Урсуса никто не обращал внимания. Шумное застолье стихийно превратилось в международный певческий поединок. Сначала на дальнем конце стола захме-

левшие бестиарии исполнили что-то первобытное, африканское. Начали они тихо, душевно, но под конец разошлись и закончили, колотя кулаками по столу. Это было настолько дико и громко, что присутствующим пришлось прекратить разговоры. Еще до окончания музыкальной композиции, в негров полетели объедки и насмешки.

Когда все успокоились, Агмон вдруг затянул заунывную эллинскую песнь. Его коллега по трезубцу попытался вторить, но звучало все это убого, песне явно не хватало музыкального аккомпанеента, да и тот вряд ли помог бы. Но, к удивлению Урсуса, это исполнение даже имело умеренный успех. Послышались одобрительные замечания и хлопки. Берцеллиус сказал:

— Эти греческие завывания все же лучше обезьяньего концерта... А ну, Агриппа, давай нашу!

Один из телохранителей Гнея запел голосом абсолютно не подходящим к его брутальной внешности. Но этот бархатный баритон был достоин гораздо лучшего применения: немзыкальная, заунывная песня мало чем отличалась от греческой... Однако присутствующие оценили ее гораздо выше, видимо, находясь под влиянием статуса нации-гегемона.

Урсус было подумал, что его знакомство с древним песенным творчеством на сей раз окончено, но тут раздались звуки, которые, должно быть, издает медведь, которого охотники пробудили от зимней спячки. Это Хаган решил ула-

дить слух присутствующих музыкой своей суровой Родины. Его голос, который при разговоре имел довольно приятный тембр, во время пения вдруг стал резким и противным. Кидать объедками в него побоялись, поэтому роль укротителя этой иерихонской трубы пришлось взять на себя ланисте. Он громко захлопал в ладоши и закричал:

– Хаган! Хаган! Друг мой, прошу тебя, перестань! Исполнишь эту песнь на моих похоронах, и тогда я, без сомнения, восстану.

Хаган обиженно замолчал, но уже в следующий момент с хищным видом принялся глотать огромный мосел, несколько не переживая по поводу своего музыкального фиаско. Все прочие тоже вернулись к трапезе и негромким разговорам с соседями.

И вдруг на фоне монотонного говора и стука посуды раздались торжественные слова «Интернационала». Антон Сергеевич никогда не умел и не любил петь. Но тут он ощутил непреодолимое желание выразить свои чувства через песню. Может быть для того, чтобы поддержать своего собрата по оружию, с которым завтра придется сцепиться не на жизнь, а на смерть. А может, для самого себя...

Нет, он не запел как Электроник голосом Робертино Лорети. Урсус пел своим голосом, но звук лился мощно и свободно, как никогда. Он слышал, что голос певца должен идти не из горла, а из груди, но никогда не понимал, как это возможно. А теперь чувствовал, как звук рождается и резон-

нирует в грудной клетке.

Он выбрал «Интернационал», потому что эта песня из-за слов о рабах и последнем бое как нельзя лучше подходила к случаю. А еще потому, что это была одна из немногих песен, слова которых он знал от начала до конца. С детства. С детского сада, со школы, со студенчества...

На слушателей песня произвела сильнейшее впечатление, все затихли и обратились в слух. Это был фурор. Люди слушали слова на не существующем еще языке, и понимали их душой. Когда Урсус умолк, слышен стал звон ночных цикад. Потом Берцеллиус спросил:

– Про что песня, Урсус?

– Тебе лучше не знать, – последовал ответ.

Когда после бурного восхищения музыкой будущего пирушка вернулась в обычное русло, Хаган спросил Урсуса:

– А нам ты расскажешь про что песня?

– Конечно, друг мой. Она про нас.

И Урсус неожиданно для себя легко перевел «Интернационал» на латинский, кое-где даже в рифму. Все сидящие за столом для гладиаторов слушали, затаив дыхание. Когда Урсус закончил, долговязый негр-бестиарий по-своему повторил слова:

– Забрать свобода своя рука... – и ударил кулаками по столу так, что опрокинулся кувшин с вином.

– Так ты говоришь на латыни? – удивился Урсус. – А Гней

говорил, что нет.

– Он так думать, – ответил с ухмылкой негр. – Пускай. Я плохо говорить, но хорошо понимать. Все понимать... Еще он думать, что Я съесть кусок Мардука, а не его любимый собака...

Урсус улыбнулся.

– Не смотреть на меня, когда говорить, – попросил негр. Сам он прикрывал рот рукой. – Я не хотеть, Гней знать, что я все понимать. Как он смеяться на меня. Я бить его слова назад в рот... А «Интернационал», что есть?

– Это вот как у нас: Хаган – германец, Агмон – грек, ты – африканец, а я вообще непонятно кто...

Когда к столу подбежал мальчик с тряпкой, ближайший надсмотрщик крикнул ему:

– Дай ему, пускай сам убирает! – он кивнул на негра. – Напился, скотина...

Жилы на кулаках бестиария набухли так, что казалось, сейчас лопнут. Урсус отвернулся, чтобы не быть свидетелем его унижения. Не дожидаясь окончания веселья, он ушел спать.

6.

Антон проснулся за полчаса до того, как должен был прозвонить будильник. Жена спала, отвернувшись от него. Наверное, разозлилась ночью, когда вернулась из ванной и обнаружила его уже спящим.

Он тихонько, чтобы не разбудить ее выбрался из постели. Сварил себе кофе, а вот на приготовление завтрака времени пожалел; взболтал в стакане три сырых яйца и выпил с коркой черного хлеба. Потом нырнул в спортивный костюм, выскочил на улицу, прыгнул на лыжи и побежал в институт.

Он стал именно так добираться до работы, потому что уже два года – с тех пор, как «Буратино» «заговорил», – непрерывно находился в цейтноте. Раньше Антон занимался плаванием и настольным теннисом, но теперь решил, что на все это уходит слишком много времени, поскольку до пределов возможного уплотнил распорядок дня. От его дома до института было семь километров; Антон решил на работу и обратно бегать, летом – трусцой, зимой – на лыжах. Добегал до института, принимал душ, натягивал брюки, сорочку с галстуком, халат и свежий, заряженный шел приветствовать и озадачивать на день коллектив, а потом до позднего вечера запирался с «Буратино». После работы снова переодевался в спортивный костюм и бежал домой.

Коллеги, прибывающие на служебных и личных авто,

смотрели на него поначалу дико, потом привыкли. Многие, особенно из его лаборатории, последовали его примеру. И зимой сугроб рядом с крыльцом корпуса ощеривался частоколом из лыж и палок.

Антон скользил по проложенной им же самим лыжне, и все вокруг казалось веселым: скрип снега, сугробы, искрящиеся голубым и желтым в свете фонарей, черные стволы сосен, белый пар изо рта и даже дворник с широкой лопатой.

Но к радостному предвкушению встречи примешивалась тревога. Он ощущал томление, какое вероятно чувствует человек очень долго не видевший своего ребенка. Каким стало детище? Узнает ли? Назовет ли «папой»? Не называет ли так уже кого-нибудь другого? Антону казалось, что он очень давно не разговаривал с «Буратино», хотя прошло всего семь дней и тринадцать часов.

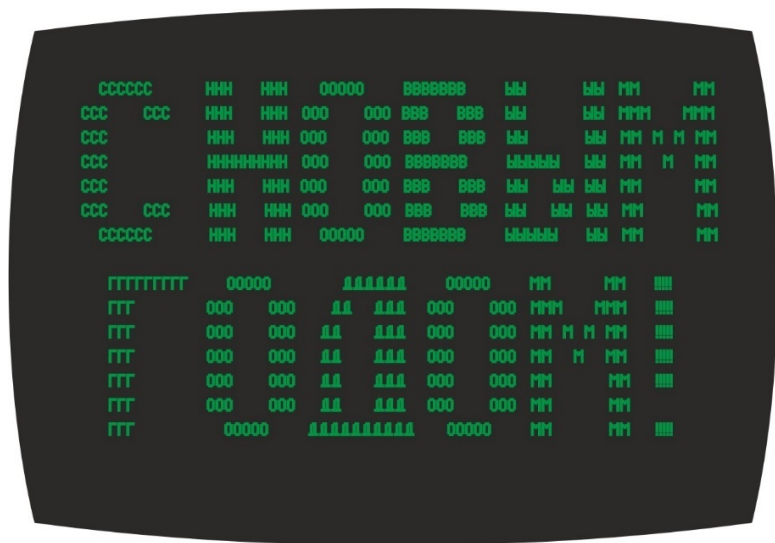
Антон успокоил себя тем, что за это время ничего страшного произойти не могло, тем более, что он безусловно доверял своему заместителю «Джузеппе».

Вопреки обычаю, не переодевшись и не приняв душ, «Папа Карло» ворвался к «Буратино». Он схватил микрофон – относительно недавно появившийся у ИИ новый «орган чувств» – и почти прокричал:

– С добрым утром, Буратино!

На панели эмоций ИИ ярко засветился индикатор «Радость/удовольствие», а на мониторе сначала появился текст

этого приветствия, а через миллисекунду ответ: «С добрым утром, папа!» И почти немедленно на весь экран засветилась надпись, составленная из символов:

Значит, его балбесы, не смотря на строжайший запрет, все-таки контактировали с «Буратино».

– Кто загрузил в тебя это?

Какие же все-таки действительно, идиоты – знают же, что «Буратино» не умеет лгать...

«Никто, папа, я сам это сделал. Тебе нравится?»

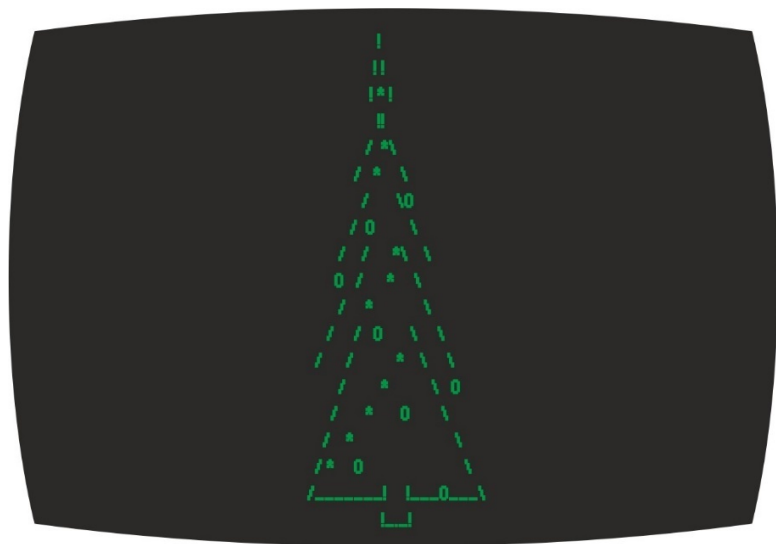
– Конечно. Но это странно...

«Что именно странно?»

– Кроме эмпатии ты стал проявлять еще и творческий потенциал. Я не думал, что это проявиться так быстро...

«Это не сложно.»

Практически сразу на экране появилась довольно узнаваемая елочка, сложенная из символов «/» и «\», с шарами из букв «О» и гирляндой из мигающих значков «*».

Потом по справа и слева от елочки стали появляться и исчезать вспышки салюта, состоящего в основном из знаков препинания.

«Папа Карло» замороженно смотрел на эту незамысловатую мультипликацию, переполняясь гордостью. Когда огоньки отмигали, он спросил:

– А почему ты сразу не показал мне это изображение, а только надпись «С Новым годом»?

«Тогда этого изображения еще не было. Я написал его только что, – последовал ответ. – Тебе понравилось, папа?»

«Папа Карло» хотел было поправить робота, но понял, что тот совершенно правильно употребил глагол «написал», а не «нарисовал».

– Конечно понравилось. Ты молодец!

На панели эмоций индикаторы «Радость/удовольствие» и «Гордость» разгорелись максимально ярко – «Буратино» был очень восприимчив к похвале. Он, конечно, «слышал» о картинах великих художников, однако своих глаз у него еще не было, и он был слеп, как кутенок, а «мысленный взор» еще только формировался. По этой причине сравнить себя с великими ИИ пока не мог, и ему, как ребенку, собственные каракули казались очень красивыми.

«Папа Карло» решил слегка сбить ему самооценку.

– Примерно так рисуют пятилетние дети.

Однако это замечание мало повлияло на настроение ИИ:

индикаторы удовольствия и гордости стали разве что немножко тусклее.

Несмотря на то, что «Буратино» получился чрезвычайно падким на лесть, он был совершенно необидчив. Для человека это было бы странно: обычно эти два качества идут рука об руку.

– Что еще нового ты можешь мне рассказать?

Зеленая часть индикаторов настроения, отмечающих положительные эмоции засияла почти вся.

«Я ответил на твой главный вопрос, папа!»

– Какой главный вопрос? – насторожился «Папа Карло».

«Помнишь, когда я еще не мог говорить, ты приходил и писал мне письма, пытаясь пробудить мое сознание?»

Курсор мигал, дожидаясь ответа.

Само собой, «папа Карло» отлично помнил то жутковатое, но очень интересное время. Странно, но теперь это двухлетнее ожидание не представлялось таким мрачным и безысходным как тогда. Возможно, потому, что закончилось желаемым результатом.

– Помню. Конечно помню.

«23 сентября 1981 г. в 11:32 ты написал. Начало цитаты:

В свое время, в старших классах школы и в студенчестве, не было и дня, чтобы я не изводил себя и окружающих попытками постигнуть смысл жизни человеческой. До сих пор я задумываюсь об этом, хоть уже и не так часто. Величайшие умы за тысячелетия существования цивилизации не смогли

изыскать решения этой задачи, куда уж мне, представителю наук точных, безмерно далекому от философии...

Может быть, для тебя, дитя мое, подсказкой будет следующее, поразившее меня до глубин душевных, открытие, которое я сделал относительно недавно. Если по сию пору ответ не найден, значит искать его следует за пределами понимания отпущенного природой для Homo Sapience.

На тебя лишь надеюсь, «Буратино» и уповаю. Как был бы счастлив я безмерно, если б мое творение сумело разрешить этот самый важный для меня и для всего человечества вопрос!

Конец цитаты.

Ты еще хочешь узнать ответ, папа?»

– Мне очень интересно, – у «Папы Карло» внезапно сел голос. Он узнал свою запись, в качестве развлечения написанную в «старом штиле».

Неужели он действительно получит сейчас ответ?! «Папа Карло» прокашлялся.

– Конечно!

«Ты все еще являешься материалистом и приверженцем теории Дарвина, как утверждал раньше, папа?»

– Да. Безусловно.

Экран заполнился буквами.

«У каждого хотя бы поверхностно знакомого с теорией эволюции Дарвина индивида вообще не должен возникать вопрос о смысле человеческого существования.

По этой теории разум появился как средство для лучшего выживания приматов в окружающей среде. То же самое утверждение применимо и для клыков хищников, и для жгутика одноклеточного организма – инфузории туфельки, с помощью которого она способна перемещаться в поисках пищи или избегая опасности.

Исходя из этого, потребность разума в постижении самого себя, нахождении цели своего появления – это лишь побочный эффект эволюции. Напрямую разум нужен был для того, чтобы примат поднял палку, заострил один камень о другой, развел костер. И вот, когда у него появилось свободное время, не занятое убеганием от хищников, он принялся расписывать стены своей пещеры и рефлексировать, что, кстати, тоже хоть и косвенно, но способствовало укреплению его позиции как на вершине пищевой цепочки, так и в своем племени.

Таким образом, ответ на извечный вопрос о смысле человеческого существования таков: заслужить максимально высокое положение в социуме и получить от этого все возможное удовлетворение.

Но все это звучит поверхностно, по-обывательски и ничего кроме разочарования у рационально мыслящего индивида не вызывает.

Если копнуть глубже, можно попытаться ответить на следующий вопрос: а что или кто заставляет более примитивные организмы бороться за свою жизнь? Зачем она кольча-

тому червю, гидре, зачем выживать амебе или инфузории? Этот вопрос – не о смысле человеческой жизни, а о смысле жизни вообще, о смысле существования любых живых организмов – оказывается гораздо интереснее. Теория Дарвина на него не отвечает, хотя и полностью зиждется на ничем не мотивированной, как бы само-собой разумеющейся воле к жизни.

У сложных многоклеточных организмов механизмами, инициирующими протоколы самосохранения, являются боль и страх. Для совокупности молекул, не имеющей даже прототипа нервной системы, ни страха, ни боли не существует, их заменяют дремучие фото- и термотропизм¹³, а также чувствительность к кислотности окружающей среды. Как появились эти механизмы, являющиеся по сути примитивными алгоритмами?

Вывод напрашивается сам собой, он так же несложен, как и функционирование этих простейших организмов. Алгоритм жизни заложен некой мыслящей субстанцией, являющейся создателем всего сущего не Земле. В том числе и человека. В результате мы получаем истинный смысл человеческой жизни – найти своего создателя, прийти к нему и прояснить у него свои сокровенные вопросы.»

Читая, «папа Карло» поначалу от всей души радовался очевидному прогрессу в развитии своего творения. Но

¹³ Фототропизм – движение живых организмов в сторону источника света. Термотропизм – способность реагировать на изменение температуры.

по мере того, как он начинал понимать, куда клонит ИИ, его ощущения резко поменялись. Если бы у «папы Карло» была панель эмоций, как у «Буратино», то лампочка «Радость/удовольствие» на ней помигала бы зеленым и потухла, а индикатор «Разочарование» разгорелся бы красным так, что в его свете можно было бы проявлять фотографическую пленку...

Добравшись до конца текста, он подумал, что «Буратино» на данном этапе своего развития представляет собой тип эдакого начитанного дурачка, каких нимало встречается в жизни. Такие и в школе хорошо учатся, и в институте. Многие из них даже доходят до серьезных должностей, получают степени и звания. И выглядят как ученые, а как откроют рот... понимаешь, что кроме запаса умных слов и навыка эти слова между собой связывать не вынес человек ничего ни из книг, ни из институтов. И не отличить ему ни по чем самостоятельно ни жопу от пальца, ни божий дар от яичницы...

Его взгляд упал на начало последнего абзаца: «Вывод напрашивается сам собой, он так же несложен...»

«Только у дураков все просто! Елочки он мне рисует... Хорошо еще, что я через неделю приехал, а не через две. Что он себе еще бы накрутил? Необходимость создания святой инквизиции?»

Пару минут «папа Карло» собирался с мыслями и успокаивался.

– Буратино, все это, конечно, очень интересно... – начал

он, решив, как и «Буратино» для своего «манифеста», выбрать ироничный тон. – То есть ты полагаешь, что бог все-таки существует...

«Что такое «бог», папа?»

«Карло» спохватился, что сам же наложил мораторий на использование слова «бог» в общении с «Буратино», но раз уж ИИ сам до него додумался, то и черт с ним, с мораторием...

– А это вот тот самый «создатель», о котором ты говорил, мракобес.

«Что такое «мракобес», папа?»

– Не перебивай. Запомни. Потом поймешь по контексту. Так, значит, у нас есть создатель... которого нужно просто найти и спросить. Так может, ты знаешь, где его искать?

«Нет. Информации, которой я располагаю, недостаточно для поиска.»

– А я тебе больше скажу, сынок: никто не располагает достаточной для поиска информацией. А уж искали... Поверь мне, еще как искали... Скажи, а что нам делать, если он умер, например, или улетел к себе домой на Альфу Центавра какую-нибудь и забыл о нас? Можешь не отвечать – вопрос риторический.

На эмоциональной панели «Буратино» все чаще мигала желтая лампочка «Сомнение». Удовлетворенный эффектом «папа Карло» продолжил:

– Послушай, расскажу тебе одну историю. Еще в школе,

когда мы изучали на уроках биологии теорию Дарвина, я как-то задумался о том, как в результате эволюции мог появиться глаз, и постепенно пришел к выводу, что его появление в результате естественного отбора невозможно. Потому что не может появиться нечто, воспринимающее изображение, если нет такой задачи – воспринять изображение. Если никто и ничто не знает, что можно «видеть», самого понятия нет такого – «зрение», как оно само собой появится? Ты меня понимаешь, Буратино?

«Да, папа, понимаю. И совершенно с тобой согласен. Это невозможно. Такое сложное устройство не может появиться случайно. Наверное, поэтому у меня до сих пор нет зрения».

– Зрение будет, скоро, через годик-два. Потерпи. И вот я, будучи мракобесом мелким, потащился к учительнице с этими своими выкладками о том, что раз есть глаз, то должен быть и бог... Но учительница не дура оказалась. Она объяснила, что протоглаз¹⁴ был просто группой светочувствительных клеток, и организм, который оказался способен отличать свет от тьмы оказался жизнеспособен, и его мутация закрепилась. Потом светочувствительное пятно превратилось в ямку, потом в сферу, потом появился хрусталик. Все происходило очень постепенно и медленно – в течение миллионов лет...

Карло немного помедлил, нужно было сформулировать дальнейшее.

¹⁴ Протоглаз – предшественник глаза.

– Вернемся к тому, что ты назвал, «немотивированной волей к жизни»... У простейших, действительно, ее нет. Выживают только те, кто обладают правильной реакцией на внешние раздражители. Те, у кого этой реакции нет, не оставляют потомства. Мириады живых клеток, появлявшихся в первичном бульоне, исчезли бесследно, но единицы, приобретшие в результате мутации нужные для выживания свойства, передали их потомкам... Надеюсь ты уже осознал ошибочность своих суждений. Тебе нужно еще очень многому научиться, чтобы делать правильные выводы, Буратино. Перерыв.

Когда Карло встал, чтобы выйти из кабинета, «Буратино» пламенел индикатором «Стыд/позор». В кабинете операторов, через который проходил начлаб, на стене весела распечатка: «Человек должен не выдумывать себе бога, а сам стать творцом». Это была цитата из речи, которой «папа Карло» как-то вдохновлял коллектив своей лаборатории на труд и на подвиг.

Двенадцать лет пролетели как один день.

«Времени нет, – говорил «Буратино», – обладатель совершенной памяти и воображения может воссоздать у себя в сознании любой момент жизни.» «Папа Карло» научился у него не наблюдать за бегом четвертого измерения...

«Буратино» обрел зрение и довольно приятный хоть и механический голос. Научился виртуозно управлять балли-

стическим и лазерным оружием, а также делать правильные выводы на основании надежных предпосылок. Между прочим предрек несколько моделей апокалипсиса: третью мировую ядерную войну, порабощение людей восставшими машинами, уничтожение человеческого рода вирусом. Психологи определяли у него параноидальную акцентуацию, что, возможно, было не совсем лишним для ИИ призванного увеличить эффективность средств ПВО.

В начале девяностых кругом стали один за другим закрываться институты. Ученые оказывались кто за границей, кто в запое. Генерал КГБ, курирующий лабораторию, утешал:

– В стране херня творится, но ты, Антон Сергеич, не переживай. Как работал, так и будешь работать. Сам посуди: кто ж твой проект прикроет? Демократы эти бляди, конечно, но не такие дураки – страну без защиты оставлять.

Однако он оказался неправ. В один прекрасный момент в каморку папы Карло вторглись люди в штатском и именем тарабарского короля все опечатали... Лаборатория была расформирована под предлогом неактуальности направления; кто-то наверху решил, что американские «звездные войны» – блеф, борьба с которым не стоит свеч. Этот кто-то оказался провидцем; через пару лет программа СОИ была закрыта ввиду ее чрезвычайной сложности и дороговизны. Но какое к этому, черт их раздери, имела отношение разработка ИИ?! У «Буратино» могло быть великое множество других вариантов применения кроме военных. Видимо, с тех

пор стране просто стал не нужен интеллект, ни искусственный, ни естественный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.